

INSPIRIA

«Предупреждаем: этот
роман не растопит ваше
сердце. Он испепелит
вашу душу».

KINDLE CRACK BOOK
REVIEWS

ТАЙНЫЙ ДНЕВНИК
Дерн

КОЛИН
ГУВЕР

18+

INSPIRIA

Annotation

Колин Гувер – троекратная обладательница премии Goodreads Choice Award в номинации «роман о любви». Ее произведения переведены на десятки языков и возглавляют списки бестселлеров New York Times и Amazon. Колин Гувер – одна из авторов – икон жанра, чьи книги ждут миллионы читателей во всем мире. Лоуэн Эшли на грани финансового краха. Поэтому она принимает предложение от мужа известной писательницы Верити Кроуфорд стать соавтором ее романа, поскольку та после аварии не встает с кровати и ни на что не реагирует. Среди черновиков новой книги Лоуэн случайно находит незаконченную биографию – ту, которую Верити точно не собиралась обнародовать. Текст пестрит безумием, и в нем есть признание в убийстве. Поначалу Лоуэн не решается рассказать об этом ее мужу Джереми, к которому испытывает симпатию. Но когда Лоуэн начинает подозревать, что Верити симулирует болезнь, а ночью разгуливает по уснувшему дому, она понимает, что найти истину должна во имя собственной безопасности. «Предупреждаем: этот роман не растопит ваше сердце. Он испепелит вашу душу». – Kindle Crack Book reviews «Эмоционально заряженный, жутковатый, увлекательный роман». – TotallyBooked Blog «Это не просто книга, это интуитивный опыт». – Биби Истон, автор бестселлеров «44 главы о четырех мужчинах», «Рыцарь» и других «Эта книга лишает дара речи. «Верити» – увлекательная, быстро набирающая обороты, запутанная, захватывающая история». – Read More Sleep Less Blog #1 New York Times bestselling author An Amazon top 100 bestseller of 2020!

- [Колин Гувер](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Колин Гувер

Тайный дневник Верити

Посвящаю эту книгу единственному человеку, кому вообще можно ее посвятить.

Таррин Фишер, спасибо, что принимаешь тьму в людях так же, как принимаешь их свет.

Colleen Hoover

VERITY

Copyright © 2018 by Colleen Hoover

Cover Design by Murphy Rae, www.murphyrae.net

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Я слышу треск черепа, прежде чем долетают брызги крови.

Ахаю и быстро отступаю обратно, на тротуар. Туфля соскакивает с бордюра, и мне приходится ухватиться за знак «*Парковка запрещена*», чтобы удержаться на ногах.

Этот мужчина был передо мной несколько секунд назад. Мы стояли в толпе и ждали, пока переключится светофор, а потом он слишком рано выскочил на проезжую часть и попал под грузовик. Я прыгнула вперед, пытаюсь его остановить – но моя рука схватила воздух, а он уже упал. Я закрыла глаза, когда его голова оказалась под колесом, но услышала хлопок, словно открыли бутылку шампанского.

Он виноват сам – вышел на дорогу, уткнувшись в телефон – возможно, побочный эффект от многократного благополучного пересечения одной и той же улицы. *Смерть от рутины.*

Люди ахают, но никто не кричит. Пассажир грузовика выпрыгивает наружу и опускается на колени рядом с телом. Делаю шаг в сторону, когда несколько человек спешат к нему на помощь. Мне не нужно смотреть на мужчину под колесом, я и так знаю, что он мертв. Достаточно посмотреть на мою некогда белую рубашку – на разбрызганную по ней кровь – и станет ясно: ему нужен катафалк, а не «Скорая».

Разворачиваюсь, чтобы уйти с места происшествия и найти, где можно перевести дух, но светофор переключается на зеленый, и плотная толпа срывается с места. Плыть против течения этой манхэттенской реки невозможно. Проходя мимо аварии, некоторые даже не отрываются от телефонов. Замираю на месте и дожидаясь, пока толпа рассосется. Оборачиваюсь, стараясь не смотреть на сбитого мужчину. Водитель грузовика стоит возле машины с испуганным видом и говорит по мобильному. Ему помогают три-четыре человека. Еще несколько, движимые нездоровым любопытством, записывают жуткую сцену на телефоны.

Если бы я по-прежнему жила в Вирджинии, все происходило бы совершенно иначе. Все бы остановилось. Поднялась бы паника, люди бы кричали, через несколько минут подъехало бы телевидение. Но здесь, на Манхэттене, машины так часто сбивают пешеходов, что это немногим серьезнее простого неудобства. Задержка в движении для одних, *испорченная одежда для других.* Вероятно, это происходит настолько часто,

что даже не попадет в прессу.

Хотя равнодушие некоторых местных обитателей меня напрягает, десять лет назад я переехала в большой город именно поэтому. Людям вроде меня подходят перенаселенные города. В местах такого масштаба мои беды кажутся незначительными. Здесь полно людей с историями куда более жалостливыми, чем моя.

Здесь я невидима. Неважна. На Манхэттене слишкомлюдно, чтобы на меня обращали внимание, и за это я его люблю.

– Вы не ранены?

Поднимаю взгляд на мужчину, который прикасается к моей руке и осматривает рубашку. С глубокой тревогой на лице он сканирует меня взглядом в поисках ранений. Судя по реакции, он к ожесточившимся обитателям Нью-Йорка не относится. Возможно, живет здесь сейчас, но явно приехал из места, где еще существует сострадание.

– Вы не ранены? – повторяет незнакомец, на этот раз глядя мне в глаза.

– Нет. Это не моя кровь. Я стояла с ним рядом, когда... – Я умолкаю. *У меня на глазах только что умер человек.* Я была так близко, что вся покрылась его кровью.

Я переехала в этот город, чтобы стать невидимой, но я точно не бессердечна. Я над этим работаю – пытаюсь стать твердой, как бетон под ногами. Получается не слишком хорошо. Чувствую, как увиденное оседает внутри.

Прикрываю рот рукой, но быстро убираю ладонь, почувствовав на губах что-то липкое. *Еще кровь.* Опускаю взгляд на рубашку. Столько крови, причем не моей. Берусь за ткань и пытаюсь оттянуть рубашку от груди, но она прилипла к коже в тех местах, где пятна начинают высыхать.

Похоже, мне нужна вода. Начинает кружиться голова, мне хочется потереть лоб, почесать нос, но я боюсь себя трогать. Смотрю на незнакомца, по-прежнему сжимающего мою руку.

– На лице тоже есть?

Он поджимает губы и отводит взгляд, осматриваясь вокруг. Жестом показывает на ближайшее кафе.

– У них должен быть туалет, – говорит он, кладет руку мне на поясницу и ведет туда.

Бросаю взгляд на другую сторону улицы, на издательство «Пантем Пресс», куда я направлялась до происшествия. Я была так близко. В нескольких метрах от встречи, где мне критически важно оказаться.

Интересно, насколько близко погибший мужчина был от своего места назначения?

Незнакомец придерживает передо мной дверь, когда мы доходим до кафе. Мимо нас пытается протиснуться женщина со стаканами кофе в обеих руках, но потом она видит мою рубашку. Пятится и пропускает нас внутрь. Я направляюсь в сторону женского туалета, но дверь заперта. Мой спутник открывает дверь мужского и жестом приглашает меня следовать за собой.

Не запирая двери, он направляется к раковине и включает воду. Я смотрюсь в зеркало и с облегчением вижу, что все не так плохо, как я себе представляла. Несколько потемневших брызг засыхающей крови на щеках и над бровями. К счастью, рубашка приняла основной удар на себя.

Незнакомец протягивает мне мокрые бумажные полотенца, и я вытираю лицо. Теперь я чувствую запах крови. Резкий запах воскрешает в памяти время, когда мне было десять лет. Запах крови был таким сильным, что я помню его до сих пор, столько лет спустя.

Пытаюсь задержать дыхание из-за нового приступа тошноты. Не хватало еще, чтобы меня вырвало. Но мне нужно снять эту рубашку. *Немедленно.*

Расстегиваю ее дрожащими пальцами, стягиваю и подкладываю под струю. Пока вода делает свое дело, беру у незнакомца новую порцию влажных полотенец и принимаюсь стирать кровь с груди.

Он направляется к двери, но вместо того, чтобы выйти и обеспечить мне немного личного пространства, пока я стою в своем наименее привлекательном бюстгальтере, он запирает нас изнутри, чтобы никто не зашел и не увидел меня без рубашки. Мне становится не по себе от этого возмутительно рыцарского поступка. С тревогой наблюдаю за ним через зеркало.

Кто-то стучит.

– Минуточку, – отзывается он.

Немного расслабляюсь, успокоенная мыслью, что, в крайнем случае, мой крик услышат.

Занимаюсь кровью, пока не удастся полностью оттереть шею и грудь. Потом рассматриваю волосы, поворачиваясь перед зеркалом, но нахожу лишь пару сантиметров темных корней под потускневшей «карамелью».

– Вот, – говорит мужчина, расстегивая последнюю пуговицу белоснежной рубашки, – наденьте.

Пиджак он уже повесил на ручку двери. Он снимает рубашку и остается в белой майке. Мускулистый, выше меня ростом. Я утону в его одежде. В таком виде на встречу приходить нельзя, но выбора нет. Беру у него рубашку. Тянусь за новой порцией сухих полотенец, вытираю кожу,

натягиваю рубашку и застегиваю пуговицы. Выглядит нелепо, но надо хотя бы радоваться, что это не *мой* череп лопнул на чей-то наряд. *Светлая сторона.*

Вытаскиваю мокрую рубашку и принимаю тот факт, что вещь уже не спасти. Выбрасываю ее в мусорное ведро, хватаюсь за раковину и плююсь на собственное отражение. На меня смотрит пара усталых, пустых глаз. Из-за ужаса недавно увиденных событий ореховый оттенок потемнел до тускло-коричневого. Растираю ладонями щеки, пытаюсь придать немного цвета, но безуспешно. Бледная как смерть.

Прислоняюсь к стене, отвернувшись от зеркала. Мой спутник развязывает галстук. Убирает его в карман пиджака и какое-то время молча меня разглядывает.

– Не понимаю, спокойны вы или в шоке.

Я не в шоке, но и спокойствием это назвать нельзя.

– Сама не знаю, – признаюсь я. – А вы в порядке?

– Нормально, – отвечает он. – К сожалению, видал и похуже.

Наклонив голову набок, я пытаюсь проанализировать загадочный ответ. Он разрывает зрительный контакт, но я всматриваюсь еще пристальнее, задаваясь вопросом, что может быть хуже раздавленной фургоном головы. Может, он все же коренной житель Нью-Йорка. Или работает в больнице. В нем чувствуется уверенность, которая часто бывает у людей, отвечающих за других.

– Вы врач?

Он качает головой.

– Агент по недвижимости. Во всяком случае, бывший.

Он делает шаг вперед и протягивает руку к моему плечу, стряхивая что-то с рубашки. С *его* рубашки. Несколько секунд пристально вглядывается мне в лицо и пятится назад.

Его глаза – такого же цвета, как галстук, который он только что засунул в карман. *Шартрез.* Незнакомец хорош собой, но что-то подсказывает мне, что он об этом сожалеет. Что его внешность буквально доставляет ему неудобство. Он не хочет, чтобы его замечали. И предпочитает оставаться невидимым в этом городе. *Как и я.*

Большинство людей приезжают в Нью-Йорк, чтобы их заметили. Остальные приезжают сюда прятаться.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

– Лоуэн.

Когда я называю свое имя, он умолкает, но лишь на несколько секунд.

– Джереми.

Он поворачивается к крану, снова включает воду и начинает мыть руки. Я продолжаю пялиться на него, не в силах подавить любопытство. Что он имел в виду, когда сказал, что видел вещи похуже случая, свидетелями которого мы стали? Он сказал, что работал агентом по недвижимости, но даже самые ужасные дни риелторской работы не могут наполнить человека такой угрюмостью.

– Что у вас произошло? – спрашиваю я.

Он смотрит на меня через зеркало.

– О чем вы?

– Вы сказали, что видели и похуже. Что именно вы видели?

Он выключает воду, вытирает руки и поворачивается ко мне.

– Вы правда хотите знать?

Я киваю.

Он выбрасывает бумажное полотенце в мусорную корзину и сует руки в карманы. Его манеры становятся еще более угрюмыми. Он смотрит мне в глаза и спокойно говорит:

– Пять месяцев назад я вытащил из озера тело своей восьмилетней дочери.

Я резко втягиваю воздух и подношу руку к шее. *Он выглядел вовсе не угрюмо. Это было отчаяние.*

– Мне очень жаль, – шепчу я.

Это правда. Мне жаль его дочь. И жаль, что я проявила любопытство.

– А вы? – спрашивает он. Прислоняется к столешнице, давая понять, что готов к этому разговору. Что ждал этого разговора. Ждал, когда встретит кого-нибудь, рядом с кем его трагедии покажутся менее трагичными. Так бывает, когда переживаешь нечто самое страшное. Ищешь людей вроде себя... Людей, которым хуже, чем тебе... И используешь их, чтобы почувствовать себя лучше после кошмарных вещей, которые с тобой случились.

Прежде чем заговорить, я сглатываю – теперь мои трагедии кажутся ничтожными. Вспоминаю последнюю и стесняюсь рассказывать о ней вслух – по сравнению с его она кажется совсем незначительной.

– На прошлой неделе у меня умерла мама.

Он не реагирует на мое горе так, как я отреагировала на его. Он не реагирует вообще – возможно, потому что надеялся, что у меня все хуже, чем у него. Но нет. *Он победил.*

– Как она умерла?

– Рак. Последний год я ухаживала за ней у себя в квартире. – Он первый человек, кому я сказала об этом вслух. Я чувствую на запястье

биение пульса и сжимаю его другой рукой. – Сегодня я вышла на улицу впервые за несколько недель.

Еще несколько мгновений мы смотрим друг другу в глаза. Я хочу сказать что-нибудь еще, но прежде мне никогда не приходилось вести столь тяжелый разговор с абсолютно незнакомым человеком. И мне хочется его закончить, потому что куда он может завести?

Никуда. Он просто заканчивается.

Мужчина снова поворачивается к зеркалу и осматривает себя, поправляя прядь непослушных темных волос.

– У меня встреча, я должен идти. Вы уверены, что все хорошо?

Теперь он смотрит на мое отражение в зеркале.

– Да. Нормально.

– *Нормально?* – он поворачивается, произнося это слово, словно вопрос, словно *нормально* звучит вовсе не так убедительно, как *хорошо*.

– Со мной все будет нормально, – повторяю я. – Спасибо за помощь.

Я хочу, чтобы он улыбнулся, но момент неподходящий. Интересно, как выглядит его улыбка. Мужчина слегка пожимает плечами и говорит:

– Ну хорошо.

Потом отпирает дверь и распаивает ее, пропуская меня вперед, но я не выхожу. Вместо этого я продолжаю смотреть на него, еще не готовая столкнуться с внешним миром. Я оценила его доброту и хочу сказать что-нибудь еще, как-то его поблагодарить – возможно, купить кофе или вернуть потом рубашку. Меня привлекает его альтруизм – такая редкость в наши дни. Но блеск обручального кольца на левой руке подталкивает меня вперед, прочь из уборной и кафе, на улицу, где теперь собралась еще большая толпа.

Подъезжает «Скорая помощь», заблокировав движение в обоих направлениях. Возвращаюсь к месту происшествия: возможно, нужны мои показания. Стою в ожидании возле полицейского, который записывает показания другого свидетеля. Они ничем не отличаются от моих, но я все равно рассказываю, что видела, и оставляю контактную информацию. Не уверена, помогут ли чем-нибудь мои показания, если учесть, что я не видела, как именно его сбили. Скорее, была достаточно близко, чтобы это услышать. Достаточно близко, чтобы меня разукрасило, словно картину Джексона Поллока.

Оборачиваюсь и вижу: Джереми выходит из кафе со свежим кофе в руке. Переходит улицу, явно на чем-то сосредоточенный. Его разум находится где-то в другом месте, далеко от меня – возможно, он думает о жене и о том, что ей скажет, когда вернется домой без рубашки.

Вытаскиваю из сумочки телефон и смотрю на время. До встречи с Кори и редактором из «Пантем Пресс» еще пятнадцать минут. Теперь, когда рядом нет незнакомца, отвлекавшего меня от мыслей, руки дрожат еще сильнее. Кофе может помочь. Морфин бы *точно* помог, но хоспис забрал его на прошлой неделе, когда они приезжали за своим оборудованием после маминой смерти. Жаль, я была в слишком глубоком шоке, чтобы его спрятать. Сейчас он бы правда мне пригодился.

Вчера вечером, когда Кори написал насчет сегодняшней встречи, он вышел со мной на связь впервые за много месяцев. Я сидела за рабочим столом и наблюдала, как по большому пальцу ноги ползет муравей.

Муравей был один, метался влево и вправо, вверх и вниз, в поисках еды или друзей. Казалось, одиночество его смущало. А может, он наслаждался новообретенной свободой. Мне невольно стало любопытно, почему он один. Обычно муравьи путешествуют армиями.

Тот факт, что я испытала любопытство по поводу муравья, был явным признаком того, что мне пора выйти из квартиры. Меня беспокоило, что после того, как я провела столько времени в замкнутом пространстве, ухаживая за мамой, я выйду за дверь и почувствую себя такой же беспомощной, как этот муравей. Влево, вправо, внутрь, наружу, где мои друзья, где еда?

Муравей сполз с ноги на деревянный пол. Он исчез под стеной, когда пришли сообщения от Кори.

Несколько месяцев назад, когда я подвела черту, я надеялась, он поймет: раз у нас больше нет секса, самый подходящий способ связи между литературным агентом и писателем – электронная почта.

В сообщении было написано: *Встречаемся завтра в девять утра в здании «Пантем Пресс», на четырнадцатом этаже. Думаю, у нас может быть для тебя предложение.*

Он даже не спросил про мою маму. Впрочем, я не удивилась. Полное отсутствие интереса к чему-либо, кроме работы и его собственной персоны, – основные причины, по которым мы больше не вместе. Его безразличие вызвало у меня необоснованное раздражение. Он мне ничего не должен, но мог хотя бы сделать вид, что ему не все равно.

Вчера вечером я ему вообще ничего не ответила. Вместо этого я положила телефон и устроилась на трещину под стеной – ту, куда исчез муравей. Интересно, найдет ли он там других муравьев, или он одинок. Может, он такой же, как я, и испытывает неприязнь к другим муравьям.

Сложно сказать, откуда у меня столь глубокая антипатия к людям, но если бы мне пришлось заключить пари, я бы сказала, что это прямое следствие того, что от меня была в ужасе собственная мать.

Возможно, в ужасе – преувеличение. Но она определенно не доверяла мне, когда я была ребенком. И держала меня в относительном уединении от

людей вне школы, потому что боялась того, что я могу сделать во время многочисленных эпизодов лунатизма. Эта паранойя перетекла и во взрослый возраст, и к тому времени я уже сформировалась как личность. Одиночка. Почти без друзей и со скудной общественной жизнью. Именно поэтому сегодня – первое утро, когда я покинула квартиру спустя несколько недель после ее смерти.

Я думала, в свой первый выход на улицу я отправлюсь в место, по которому скучала, например, в Центральный парк или в книжный.

И точно не ожидала, что окажусь здесь, в очереди в холле издательства, отчаянно молясь, что это предложение, каким бы оно ни было, позволит мне заплатить аренду, и меня не выселят. Но вот я здесь, и на предстоящей встрече решится, окажусь ли я без крыши над головой или получу работу, которая позволит мне искать новое жилье.

Опускаю взгляд и разглаживаю белую рубашку, которую Джереми одолжил мне в уборной через дорогу. Надеюсь, я выгляжу не слишком глупо. Возможно, получится выйти из ситуации, сделать вид, что ношение мужских рубашек в два раза большего размера, чем мой – какой-то новый модный тренд.

– Хорошая рубашка, – говорит кто-то у меня за спиной.

Поворачиваюсь на звук голоса и с изумлением вижу Джереми.

Он что, меня преследует?

Подходит моя очередь, я протягиваю охраннику водительское удостоверение и смотрю на Джереми, заметив, что на нем новая рубашка.

– Ты что, хранишь запасные рубашки в карманах брюк?

Буквально недавно он отдал мне ту, которая была на нем.

– Мой отель в соседнем квартале. Сходил, переоделся.

Его отель. Многообещающе. Если он живет в отеле, возможно, он здесь не работает. А если он здесь не работает, возможно, он не относится к издательской индустрии. Сама не знаю почему, но я не хочу, чтобы он работал в издательской индустрии. Я понятия не имею, с кем мне предстоит встретаться, но после сегодняшнего-то утра надеюсь, что с ним это никак не связано.

– Значит, вы не работаете в этом здании?

Он достает документы и протягивает охраннику.

– Нет, я здесь не работаю. У меня встреча на четырнадцатом этаже.

Ну разумеется.

– У меня тоже, – отвечаю я.

У него на губах появляется мимолетная улыбка и так же быстро исчезает, словно он вспоминает о случившемся на улице и решает, что

прошло еще слишком мало времени, чтобы не принимать это во внимание.

– Насколько велики шансы, что мы направляемся на одну и ту же встречу?

Он забирает документы у охранника, который показывает нам в сторону лифтов.

– Не знаю, – признаюсь я. – Мне не сказали, почему именно я здесь.

Мы заходим в лифт, и он нажимает кнопку четырнадцатого этажа. Поворачивается ко мне лицом, достает из кармана галстук и принимается его надевать.

Я не могу отвести взгляда от его обручального кольца.

– Вы писатель? – спрашивает он.

Я киваю.

– А вы?

– Нет. Моя жена, – он затягивает галстук и фиксирует его на месте. – Может быть, я знаю какое-нибудь из ваших произведений?

– Сомневаюсь. Мои книги никто не читает.

У него приподнимаются уголки губ.

– В мире не так много Лоуэн. Уверен, я смогу выяснить, что за книги вы пишете.

Зачем? Он правда хочет их прочитать? Он опускает взгляд на телефон и начинает печатать.

– Я не говорила, что публикуюсь под своим настоящим именем.

Джереми не отрывается от телефона, пока не открываются двери лифта. Он делает к ним шаг, но поворачивается ко мне и замирает в проходе. Поднимает телефон и улыбается.

– Вы пишете не под псевдонимом. А под своим именем, Лоуэн Эшли, и, как ни смешно, именно с этим автором я встречаюсь сегодня в девять тридцать.

Я наконец увидела эту улыбку, и какой бы роскошной она ни была, больше я ее видеть не желаю.

Он только что нашел меня в Гугле. И хотя моя встреча начинается в девять, а не в девять тридцать, кажется, он знает о ней больше, чем я. Если мы действительно направляемся на одну и ту же встречу, наши шансы столкнуться на улице кажутся довольно сомнительными. С другой стороны, не так уж странно, что мы оказались в одно время в одном месте, если учесть, что мы шли в одном направлении на одну и ту же встречу, и поэтому стали свидетелями одного и того же происшествия.

Джереми отступает в сторону, и я выхожу из лифта. Открываю рот, готовясь заговорить, но он делает несколько шагов назад.

– Увидимся.

Я совершенно его не знаю и не представляю, как он связан с предстоящей встречей, но даже не учитывая деталей утреннего происшествия, я ничего не могу поделать – мне нравится этот парень. Он в буквальном смысле слова отдал мне последнюю рубашку.

Улыбаюсь, прежде чем он исчезает за углом.

– Хорошо. Увидимся.

Он улыбается в ответ.

– Хорошо.

Смотрю ему вслед, он поворачивает налево и исчезает. Оказавшись вне поля его зрения, мне удастся немного расслабиться. Утро выдалось... Насыщенное. Увиденное происшествие, пребывание в замкнутых пространствах с этим смущающим меня незнакомцем, все это странно. Опираюсь ладонью на стену. Какого черта...

– Ты вовремя, – замечает Кори. Его голос меня пугает. Поворачиваюсь и вижу, как он подходит по коридору с противоположной стороны. Наклоняется и целует меня в щеку. Я напрягаюсь.

– Ты всегда опаздываешь.

– Я бы пришла еще раньше, но... – Я умолкаю. И не объясняю, что именно меня задержало. Похоже, его это совершенно не интересует, потому что он уходит в том же направлении, что и Джереми.

– На самом деле встреча назначена на половину десятого, но я предположил, что ты опоздаешь, и сказал тебе приходить к девяти.

Я замираю, глядя ему вслед. *Какого черта, Кори?* Если бы он сказал мне приходить в девять тридцать, а не девять, я бы не стала свидетелем того происшествия на улице. Меня бы не обрызгало кровью незнакомца.

– Ты идешь? – спрашивает Кори, останавливается и оглядывается на меня.

Я скрываю свое раздражение. Это привычно для меня, когда я нахожусь в его обществе.

Мы заходим в пустой конференц-зал. Кори закрывает за нами дверь, и я сажусь за стол. Он занимает место рядом, во главе стола, и поворачивается ко мне лицом. Я пытаюсь не хмуриться, глядя на него после перерыва в общении продолжительностью в несколько месяцев, но он не изменился. Все такой же аккуратный, ухоженный, с галстуком, в очках, с улыбкой на губах. Как всегда, полная противоположность мне.

– Ужасно выглядишь.

Я говорю так, потому что он выглядит не ужасно. Он никогда не

выглядит ужасно, и об этом знает.

– А ты выглядишь отдохнувшей, просто восхитительно.

Он говорит это, потому что я никогда не выгляжу ни отдохнувшей, ни восхитительно. Я всегда выгляжу устало и, возможно, даже уныло.

– Как мама?

– Умерла на прошлой неделе.

Этого Кори не ожидал. Он откидывается на спинку стула и наклоняет голову.

– Почему ты мне не сказала?

А почему ты спрашиваешь только сейчас? Пожимаю плечами.

– Я еще осознаю.

Мама жила со мной последние девять месяцев – с тех пор, как у нее диагностировали рак толстой кишки четвертой стадии. Она умерла в прошлую среду, спустя три месяца после пребывания в хосписе. В последние месяцы мне почти не удавалось уходить из квартиры, потому что она зависела от меня во всем – я поила ее, кормила, переворачивала в кровати. Когда состояние ухудшилось, я вообще не могла оставить ее одну, и поэтому не выходила из квартиры несколько недель. К счастью, интернет и кредитка с легкостью позволяют жить на Манхэттене, вообще не выходя из дома. Доставить могут все, что угодно.

Забавно, что один из самых густонаселенных городов может при этом быть раем для агорафобов.

– Ты в порядке? – спрашивает Кори.

Скрываю собственное беспокойство за улыбкой, понимая, что его забота – лишь формальность.

– Ничего. Это было ожидаемо, поэтому стало проще.

Я просто говорю то, что он, как я думаю, ожидает услышать. Не знаю, как он отреагирует на правду – что я испытываю облегчение после ее смерти. Мать приносила в мою жизнь лишь чувство вины. Ни больше ни меньше. Лишь постоянное чувство вины.

Кори направляется к столешнице, где стоит выпечка к завтраку, бутылки с водой и графин.

– Ты голодна? Хочешь пить?

– Выпила бы воды.

Он берет две бутылки, протягивает одну мне и возвращается на место.

– Нужна помощь с завещанием? Уверен, Эдвард сможет помочь.

Эдвард – юрист в литературном агентстве Кори. Агентство небольшое, и многие писатели обращаются к Эдварду по разным вопросам. К сожалению, мне его помощь не понадобится. В прошлом году, когда я

подписывала договор об аренде двухкомнатной квартиры, Кори пытался убедить меня, что я ее не потяну. Но мама настояла, что хочет умереть с достоинством – в собственной комнате. А не в доме престарелых. Не в больнице. Не в больничной кровати посреди моей крошечной квартирки. Она хотела собственную спальню со своими вещами.

Она пообещала, что деньги, которые останутся на ее счету после смерти, помогут мне наверстать упущенное время писательской карьеры. Весь год я жила на остатки гонорара за последний контракт. Но теперь деньги кончились, и на счету моей мамы, как выяснилось, тоже. Это было одним из ее последних признаний перед тем, как она наконец проиграла борьбу с раком. Я бы заботилась о ней независимо от финансовой ситуации. Она была моей матерью. Но тот факт, что она почувствовала необходимость обмануть меня, чтобы я согласилась ее взять к себе, доказывает, насколько ненадежной была наша связь.

Делаю глоток воды и качаю головой.

– Юрист не нужен. Она оставила мне только долги, но спасибо за предложение.

Кори морщит губы. Ему известна моя финансовая ситуация, потому что это он отправляет мне гонорары, как мой литературный агент. И поэтому теперь он смотрит на меня с жалостью.

– Скоро придет гонорар за зарубежное издание, – сообщает он, будто я не в курсе каждого пенни, который должен мне поступить в ближайшие полгода. *Будто я уже не потратила эти деньги.*

– Знаю. Я справлюсь.

Я не знаю, как обсуждать свое финансовое положение с Кори. С кем угодно.

Кори пожимает плечами, явно сомневаясь в моих словах. Опускает взгляд и поправляет галстук.

– Надеюсь, это предложение принесет пользу нам обоим, – говорит он. Какое облегчение – он сменил тему.

– Зачем нужна личная встреча с издателем? Ты же знаешь, я предпочитаю решать вопросы по электронной почте.

– Вчера они запросили личную встречу. Сказали, что у них есть работа, которую они хотят с тобой обсудить, но рассказать подробности по телефону они не могут.

– Я думала, ты работаешь над новым контрактом с моим предыдущим издателем.

– Твои книги расходятся неплохо, но все же недостаточно хорошо, чтобы договориться о новом контракте без твоего присутствия. Ты должна

поддерживать активность в социальных сетях, отправиться в тур, сформировать базу фанатов. Одних продаж недостаточно, чтобы держаться на плаву в условиях нынешнего рынка.

Этого я и боялась. Обновление контракта с текущим издателем было моей последней финансовой надеждой. Гонорары за предыдущие книги иссякли вместе с продажами. И последний год я очень мало писала из-за постоянного ухода за мамой, поэтому мне нечего предложить издательствам.

– Я понятия не имею, что предложит «Пантем», и будет ли это тебе вообще интересно, – говорит Кори. – Мы должны будем подписать соглашение о неразглашении, прежде чем они сообщат нам подробности. Любопытно, к чему такая секретность. Я стараюсь не возлагать особых надежд, но возможностей множество, и у меня хорошее предчувствие. Они нам нужны.

Он говорит *нам*, потому что если я приму предложение, он в любом случае получит пятнадцать процентов. Стандартная клиентская плата агенту. *Нестандартно* то, что мы провели шесть месяцев в отношениях и занимались сексом еще два года после расставания.

Наши сексуальные отношения продлились так долго, потому что у него, как и у меня, не было никого, к кому бы мы относились серьезно. Нам было удобно до определенного момента. Но *настоящие* отношения продлились так мало, потому что он был влюблен в другую женщину.

И неважно, что другая женщина в наших отношениях тоже была мной.

Должно быть, легко запутаться, когда влюбляешься в слова писателя до личной встречи с писателем. Некоторым людям трудно отделить персонаж от человека, который его создал. Кори, как ни странно, из этих людей, хоть и работает литературным агентом. Он влюбился в женского протагониста моего первого романа «Открытый финал» еще до того, как поговорил со мной лично. Он посчитал, что личность персонажа была близким отражением моей собственной, хотя на самом деле я была ее абсолютной противоположностью.

Кори был единственным агентом, ответившим на мой запрос, и даже этот ответ пришел лишь через несколько месяцев. Его письмо состояло лишь из нескольких предложений, но их оказалось достаточно, чтобы снова вдохнуть жизнь в мою умирающую надежду.

Я прочитал Вашу рукопись, «Открытый финал», за

несколько часов. Я верю в эту книгу. Если Вы по-прежнему ищете агента, позвоните мне.

Его письмо пришло утром в четверг. Уже два часа спустя между нами состоялся исчерпывающий телефонный разговор о моей рукописи. В пятницу днем мы встретились, чтобы выпить кофе, и подписали контракт.

К вечеру субботы мы переспали три раза.

Не думаю, что наши отношения нарушили какой-то этический кодекс, но уверена, это сыграло определенную роль в их краткосрочности. Когда Кори выяснил, что я совсем не похожа на свой персонаж, он понял, что мы друг другу не подходим. Я не была героической. Я не была простой. Я оказалась сложной. Эмоциональная загадка, которую, как оказалось, он не был готов решать.

Впрочем, я и не хотела, чтобы меня разгадывали.

Как ни трудно было состоять с ним в отношениях, быть его клиентом оказалось удивительно легко. И поэтому после нашего расставания я решила не менять агентство – когда дело касалось моей карьеры, он был преданным и беспристрастным.

– Выглядишь немного измученно, – говорит Кори, прерывая мои размышления. – Нервничаешь?

Я киваю, надеясь, что он спишет мое поведение на волнение, потому что я не хочу объяснять, почему выгляжу измученной. Я вышла из квартиры два часа назад, но такое впечатление, что за эти два часа произошло больше, чем за весь предыдущий год. Опускаю взгляд на свои ладони... Руки... В поисках следов крови. Ее там больше нет, но я по-прежнему ее чувствую. *Чувствую ее запах.*

Руки все еще дрожат, и я продолжаю прятать их под столом. Теперь, оказавшись здесь, я понимаю, что, возможно, приходило мне не стоило. С другой стороны, мне нельзя упускать возможный контракт. Не сказать, чтобы на меня сыпались предложения, и если я не подпишу что-нибудь в ближайшее время, придется искать постоянную работу. А если я устроюсь на постоянную работу, у меня почти не останется времени писать. Зато я хотя бы смогу оплачивать счета.

Кори достает из кармана носовой платок и вытирает пот со лба. Он потеет только когда нервничает. А тот факт, что он нервничает, заставляет меня нервничать еще сильнее.

– Нам нужен тайный сигнал на случай, если тебя не заинтересует предложение?

– Давай послушаем, что они предложат, а потом мы можем попросить дать нам переговорить наедине.

Кори щелкает ручкой и выпрямляется на стуле, словно целится перед сражением.

– Разговоры предоставь мне.

В любом случае я так и планировала. Он харизматичен и очарователен. Крайне сомневаюсь, что хоть кто-то сможет охарактеризовать подобным образом меня. Лучше, если я просто буду сидеть и слушать.

– Как ты одета? – Кори озадаченно рассматривает мою одежду, заметив ее только сейчас, хотя провел со мной последние пятнадцать минут.

Опускаю взгляд на свою огромную рубашку. В какой-то момент я и забыла, как глупо выгляжу.

– Сегодня утром я пролила кофе на свою рубашку, пришлось переодеться.

– Чья это рубашка?

Пожимаю плечами.

– Может, твоя. Она висела у меня в шкафу.

– Ты вышла из дома в таком виде? Больше надеть было нечего?

– А что, разве не стильно смотрится?

Это сарказм, но Кори не понимает. Он морщит лицо.

– Нет. А ты хотела выглядеть стильной?

Какой придурок. Но он хорош в постели, как и большинство придурков.

Я даже испытываю облегчение, когда дверь открывается и заходит женщина. За ней следует, как-то очень комично, пожилой мужчина – настолько близко, что он врывается в ее спину, когда она останавливается.

– Черт, Баррон. – Слышу я ее бормотание.

Сдерживаю улыбку, подумав, что *Черт Баррон* может быть его настоящим именем.

Последним заходит Джереми. Он украдкой кивает мне, чтобы не заметили остальные.

Женщина одета лучше, чем я когда-либо в жизни, у нее короткие черные волосы и такая красная помада, что в девять утра это даже немного раздражает. Похоже, она самая главная, потому что она пожимает руку Кори и потом мне, пока господин Баррон осматривается.

– Аманда Томас, – представляется она. – Я издатель из «Пантем Пресс». Это Баррон Стивенс, наш юрист, и Джереми Кроуфорд, наш клиент.

Мы с Джереми пожимаем друг другу руки, и ему прекрасно удается сделать вид, будто у нас не было крайне странного утра. Он тихо садится напротив меня. Я стараюсь на него не смотреть, хотя мой взгляд, кажется, стремится исключительно туда. Не представляю, почему он вызывает у меня больше интереса, чем вся сегодняшняя встреча.

Аманда достает из портфеля папки и кладет их передо мной и Кори.

– Благодарю, что согласились с нами встретиться, – говорит она. – Мы не хотим тратить ваше время впустую, поэтому перейду сразу к делу. Один из наших авторов не в состоянии выполнить контракт по медицинским причинам, и мы ищем писателя с опытом работы в том же жанре, которому может быть интересно закончить три оставшиеся книги в серии.

Бросаю взгляд на Джереми, но по непроницаемому выражению его лица ничего нельзя сказать о его роли на этой встрече.

– Кто этот автор? – уточняет Кори.

– Мы с удовольствием расскажем вам детали и условия, но перед этим просим подписать соглашение о неразглашении. Мы хотим сохранить текущую ситуацию нашего автора в тайне от СМИ.

– Разумеется, – говорит Кори.

Я молча соглашаюсь, мы оба просматриваем условия соглашений и их подписываем. Кори подвигает их обратно к Аманде.

– Ее зовут Верити Кроуфорд, – сообщает та. – Уверена, вам знакомы ее работы.

Как только звучит имя Верити, Кори напрягается. *Разумеется*, нам знакомы ее работы. Ее знают все. Я отваживаюсь бросить взгляд в сторону Джереми. *Верити его жена? У них одинаковые фамилии.* Внизу он сказал, что его жена – писатель. Но почему он пришел на встречу по ее делам? На встречу, куда она даже не явилась?

– Да, имя знакомое, – говорит Кори, не раскрывая карт.

– У Верити очень успешный цикл романов, и мы крайне не заинтересованы прервать его, – продолжает Аманда. – Наша задача – найти писателя, который захочет принять участие, закончить цикл, завершить книжные туры, писать пресс-релизы и все остальное, чем обычно занимается Верити. Мы планируем выпустить пресс-релиз и представить публике нового соавтора, сохранив как можно больше приватности для Верити.

Книжные туры? Пресс-релизы?

Теперь Кори смотрит на меня. Он знает, что этот аспект меня не устраивает. Многим авторам прекрасно удается взаимодействовать с читателями, но я настолько неловкая, что боюсь, что если читатели увидят

меня лично, они зарекутся читать мои книги. Я всего один раз устраивала автограф-сессию и не могла перед этим спать по ночам целую неделю. Во время сессии мне было так страшно, что я едва могла говорить. А на следующий день получила электронное письмо от читательницы, которая заявила, что я вела себя с ней, как высокомерная сучка, и она больше никогда не будет читать мои книги.

Именно поэтому я сижу дома и пишу. Думаю, представление обо мне куда лучше меня реальной.

Ничего не говоря, Кори открывает папку, которую протягивает ему Аманда.

– Какую компенсацию получит миссис Кроуфорд за три романа?

Черт Баррон отвечает на этот вопрос.

– Условия контракта Верити с издательством останутся прежними, и, разумеется, не раскрываются. Все гонорары получит Верити. Но мой клиент, Джереми Кроуфорд, готов выплатить по семьдесят пять тысяч за книгу.

Когда я слышу такую сумму, все внутри сжимается. Но воодушевление быстро испаряется, когда я осознаю грандиозность задачи. Из малоизвестного писателя мне придется стать соавтором литературной сенсации – возможно, для меня такой прыжок высоковат. Я чувствую тревогу, даже просто думая о такой вероятности.

Кори наклоняется вперед и складывает руки перед собой на столе.

– Я так понимаю, уровень оплаты обсуждаем.

Я пытаюсь привлечь внимание Кори. Хочу дать ему понять, что обсуждать тут нечего. Я точно не смогу принять предложение закончить этот цикл книг, я слишком нервничаю, чтобы их писать.

Черт Баррон выпрямляется на стуле.

– При всем уважении, Верити Кроуфорд потратила более десяти лет на развитие своего бренда. Бренд, которого иначе бы не существовало. Предложение касается трех книг. Семьдесят пять тысяч за книгу, вместе получается двести двадцать пять тысяч долларов.

Кори бросает ручку на стол и откидывается на спинку стула, делая вид, что не впечатлен.

– Каковы сроки сдачи работы?

– Мы уже отстаем от графика, поэтому нам хотелось бы увидеть первую книгу через полгода после подписания контракта.

Когда она говорит, я не могу оторвать взгляда от красной помады, размазанной у нее по зубам.

– Сроки сдачи двух других можем обсудить. В идеале нам хотелось бы

завершить контракт в течение двух лет.

Я чувствую, как Кори делает в голове подсчеты. Интересно, он высчитывает свою долю или мою? Кори получит пятнадцать процентов. Это почти тридцать четыре тысячи долларов просто за то, что на этой встрече он представляет меня в качестве агента. Половина уйдет на налоги. В результате на моем счету окажется даже меньше ста тысяч. В лучшем случае пятьдесят за год.

За предыдущие романы я получала почти в два раза меньше, но этого недостаточно, чтобы убедить меня присоединиться к такой успешной серии. Разговор становится абсолютно бессмысленным, ведь я уже знаю, что откажусь. Когда Аманда достает официальный контракт, я прочищаю горло и подаю голос.

– Я очень ценю ваше предложение, – начинаю я. И смотрю прямо на Джереми, чтобы он знал, что я говорю искренне. – Правда. Но если вы собираетесь подключить кого-то, чтобы он стал новым лицом цикла, я уверена, что найдутся другие авторы, которые подойдут для этого гораздо лучше меня.

Джереми молчит, но теперь смотрит на меня с гораздо большим любопытством. Я встаю и готовлюсь уйти. Я расстроена результатом, но еще больше расстроена тем, что мой первый день за пределами квартиры оказался настоящим бедствием в столь многих смыслах. Я готова ехать домой и принять душ.

– Я бы хотел переговорить с моей клиенткой, – заявляет Кори, быстро вставая.

Аманда кивает, тоже встает и закрывает портфель.

– Мы пойдем, – говорит она. – Условия прописаны у вас в папках. У нас на примете есть еще два писателя, если вам это не подходит, поэтому постарайтесь сообщить нам окончательное решение не позднее завтрашнего вечера.

Только Джереми продолжает сидеть за столом. За все это время он не произнес ни единого слова. Аманда наклоняется вперед, чтобы пожать мне руку.

– Если возникнут вопросы, пожалуйста, обращайтесь. Буду рада помочь.

– Спасибо, – благодарю я. Аманда и Черт Баррон выходят, но Джереми продолжает смотреть на меня. Кори переводит взгляд то на него, то на меня, дожидаясь, когда Джереми выйдет. Но вместо этого Джереми подается вперед и пристально смотрит мне в глаза.

– Можно пару слов с вами наедине? – спрашивает Джереми у меня. Он

бросил взгляд на Кори, но не спрашивая разрешения – скорее, предлагая тому выйти.

Кори смотрит на Джереми, растерявшись от такой наглой просьбы. Судя по тому, как Кори медленно поворачивается ко мне, прищурив глаза, он хочет, чтобы я отказала. Весь его вид говорит: «*Ты только посмотри, каков наглец!*»

Но он не знает, что я страстно желаю остаться наедине с Джереми. Я хочу, чтобы все ушли, особенно Кори, потому что у меня вдруг появилось к Джереми множество новых вопросов. Про его жену, почему они выбрали меня, почему она больше не в состоянии закончить книжную серию.

– Я не против, – сообщаю я Кори.

У него на лбу пульсирует вена, он пытается скрыть раздражение. Сжав челюсть, он сдается и наконец покидает конференц-зал.

Остаемся только мы с Джереми.

Опять.

Если считать лифт, мы в третий раз оказываемся наедине в замкнутом пространстве с тех пор, как столкнулись сегодня утром. Но я впервые чувствую столько нервной энергии. И уверена, что вся она исходит от меня. Джереми почему-то выглядит так же спокойно, как когда он помогал отмыться от крови прохожего меньше часа назад.

Джереми откидывается на спинку стула и проводит руками по лицу.

– Господи, – бормочет он, – встречи с издателями всегда такие чопорные?

Я смеюсь.

– Не знаю. Обычно я делаю это по электронной почте.

– Понимаю почему.

Он встает и берет бутылку воды. Возможно, дело в том, что теперь я сижу и он такой высокий, но я не помню, чтобы раньше я чувствовала себя в его присутствии такой маленькой. Теперь, когда я знаю, что он женат на Верити Кроуфорд, я смущаюсь еще сильнее, чем когда стояла перед ним в юбке и бюстгальтере.

Он продолжает возвышаться надо мной и опирается на столешницу, скрестив лодыжки.

– Вы как? У вас было не слишком много времени, чтобы прийти в себя после происшествия на переходе.

– Как и у вас.

– Я в порядке. – *Опять это слово.* – Уверен, у вас есть вопросы.

– Тонны, – признаю я.

– Что именно вы хотите узнать?

– Почему ваша жена не может закончить цикл?

– Она попала в автокатастрофу, – говорит он. Ответ звучит механически, словно он заставляет себя отключить эмоции.

– Простите. Я не слышала об этом. – Я ерзаю на месте, не зная, что еще сказать.

– Сначала мне не слишком понравилась идея, чтобы кто-то закончил писать книги по контракту за нее. Я надеялся, что она полностью выздоровеет. Но... – Он делает паузу. – Вот, пожалуйста.

Теперь я понимаю, почему он так себя вел. Он казался немного замкнутым и тихим, но теперь я знаю, что эта тишина – просто скорбь. Физически осязаемая скорбь. Не знаю, в чем именно причина: в том, что случилось с его женой, или в том, о чем он рассказал мне тогда в туалете – что несколько месяцев назад погибла его дочь. Но этот человек явно чувствует здесь себя не в своей тарелке, и ему приходится принимать такие тяжелые решения, какие большинству людей не встречаются на протяжении всей жизни.

– Мне очень жаль.

Он кивает, но продолжает молчать. И возвращается на свое место, отчего у меня сразу возникают вопросы, не думает ли он, что я по-прежнему обдумываю предложение. Я не хочу больше терять его время.

– Я ценю предложение, Джереми, но, честно говоря, оно для меня не слишком комфортно. Я совсем не публичный человек. Я даже не понимаю, почему издатель вашей жены обратился первым делом ко мне.

– «Открытый финал», – говорит Джереми.

Я напрягаюсь, когда он называет одну из написанных мной книг.

– Это была одна из любимых книг Верити.

– Ваша жена читала мою книгу?

– Она говорила, вы станете следующей сенсацией. Это я посоветовал вас издателю, потому что Верити считает, что у вас схожий стиль письма. Если кто-то должен продолжить цикл за Верити, то я хочу, чтобы это был человек, чьи работы она уважает...

Я качаю головой.

– Ого... Очень приятно, но... Я не могу.

Джереми молча наблюдает за мной, возможно, удивляясь, почему я не реагирую на эту возможность, как отреагировало бы большинство писателей. Он не может меня понять. В обычной ситуации я бы гордилась, но сейчас это кажется неправильным. Я чувствую, что должна быть более открытой, хотя бы потому, что сегодня утром он оказал мне любезность. Но даже не знаю, с чего начать.

Джереми подается вперед, в его глазах сверкает любопытство. Он пристально смотрит на меня, опускает кулак на стол и встает. Я предполагаю, что встреча окончена, и тоже начинаю вставать, но Джереми направляется не к двери. Он идет к стене, увешанной наградами в рамках, и я опускаюсь обратно на стул. Он рассматривает награды, повернувшись ко мне спиной. Потом проводит пальцами по одной из них, и я понимаю, что это награда его жены. Он вздыхает и снова поворачивается ко мне.

– Вы когда-нибудь слышали о людях, которых называют *хрониками*? – спрашивает он.

Я качаю головой.

– Думаю, Верити могла придумать этот термин. Когда умерли наши дочери, она сказала, что мы хроники. У нас хроническая предрасположенность к трагедиям. Одно ужасное происшествие следует за другим.

Несколько секунд я молча смотрю на него, осознавая услышанное. Он уже говорил, что потерял дочь, но теперь он использует множественное число.

– Дочери?

Он вздыхает. Обреченно выдыхает.

– Да. Близнецы. Мы потеряли Частин за полгода до смерти Харпер. Было... – Ему уже не удастся абстрагироваться от собственных эмоций так же хорошо, как прежде. Он проводит рукой по лицу и снова садится на стул. – Некоторым семьям везет, и им никогда не приходится переживать трагедий. Но есть такие семьи, за которыми трагедии словно следуют по пятам. То, что может пойти не так, идет не так. И становится все хуже.

Я не знаю, зачем он мне это рассказывает, но мне все равно. Мне нравится слушать его голос, даже если слова печальны.

Он вращает на столе бутылку с водой, задумчиво на нее глядя. Создается впечатление, что он попросил остаться со мной наедине не для того, чтобы заставить меня передумать. Он просто хотел побыть один. Возможно, ему было невыносимо слушать подобные обсуждения его жены, и он хотел, чтобы все ушли. Это меня утешает – быть наедине со мной для него все равно, что быть одному.

А может, он всегда чувствует себя одиноко. Как наш старый сосед, который, судя по описанию, определенно был хроником.

– Я выросла в Ричмонде, – рассказываю я. – Наш сосед потерял всех трех членов своей семьи меньше чем за два года. Его сын погиб на войне. Через полгода умерла от рака жена. А потом в автокатастрофе погибла дочь.

Джереми перестает вращать бутылку и отодвигает ее от себя на несколько сантиметров.

– И что с ним теперь?

Я напрягаюсь. Но ожидала такого вопроса.

Дело в том, что этот человек не смог перенести потерю всех близких. Он совершил самоубийство через несколько месяцев после гибели дочери, но говорить об этом Джереми, который по-прежнему горюет из-за смерти собственных дочерей, было бы жестоко.

– По-прежнему живет в том же городе. Но снова женился несколько лет спустя. У него несколько приемных детей и внуков.

Что-то в выражении лица Джереми подсказывает мне, что он знает, что я лгу, но ценит это.

– Вам придется провести некоторое время в кабинете Верити, изучить ее материалы. Там хранятся черновики и заметки за много лет – а я понятия не имею, что с ними делать.

Я качаю головой. *Он что, меня совсем не слушал?*

– Джереми, я же сказала, я не...

– Юрист вас обманывает. Скажите агенту, чтобы запросил полмиллиона. Скажите, что будете работать без привлечения прессы, под псевдонимом, с железным соглашением о неразглашении. Так все, что вы пытаетесь скрыть, останется в тайне.

Я хочу сказать ему, что не пытаюсь скрыть ничего, кроме собственной неловкости, но прежде чем я успеваю что-либо ответить, он направляется к двери.

– Мы живем в Вермонте, – продолжает он. – После подписания контракта я дам вам адрес. Можете оставаться у нас так долго, сколько понадобится, чтобы изучить ее кабинет.

Взявшись за ручку двери, он замирает. Я открываю рот, чтобы снова возразить ему, но произношу лишь одно слово – неуверенное «хорошо».

Он задерживает на мне взгляд, словно хочет сказать что-то еще. А потом тоже говорит:

– Хорошо.

Открывает дверь и выходит в коридор, где ждет Кори. Кори проскакивает мимо него обратно в конференц-зал и закрывает за собой дверь.

Я сижу, опустив взгляд на стол, сбита с толку происходящим. Почему мне предлагают столь внушительную сумму денег за работу, хотя я даже не уверена, что смогу ее сделать? *Полмиллиона долларов? И я смогу писать под псевдонимом, без тура и публичных выступлений? Как так получилось,*

что я такого сказала?

– Он мне не нравится, – заявляет Кори, плюхаясь на стул. – Что он тебе сказал?

– Сказал, что они предлагают слишком мало, что я должна потребовать полмиллиона и отсутствие публичности.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Кори задыхается от изумления. Берет мою бутылку воды и делает глоток.

– Черт.

Когда мне было чуть за двадцать, у меня был парень по имени Амос, который любил, когда его душили.

Из-за этого мы расстались – потому что я отказывалась его душить. Но иногда я задаюсь вопросом, что бы со мной было, если бы я удовлетворила его желание. Были бы мы сейчас женаты? Были бы у нас дети? Перешли бы мы на еще более рискованные сексуальные извращения?

Думаю, именно это тревожило меня в наших отношениях сильнее всего. Когда тебе чуть за двадцать, тебя удовлетворяет ванильный секс, и не должно возникать нужды в фетишах на столь ранней стадии отношений.

Я люблю думать об Амосе, когда меня расстраивает текущее положение дел в жизни. Глядя на розовое уведомление о выселении у Кори в руке, я напоминаю себе, что все могло быть хуже – *я могла бы по-прежнему быть с Амосом.*

Открываю дверь квартиры шире, позволяя Кори войти. Я не знала, что он собирается зайти, иначе я бы убедилась, что к моей двери не приклеено никаких уведомлений о выселении. Я получаю их уже третий день подряд. Я забираю его у Кори и сую в ящик.

Кори демонстрирует мне бутылку шампанского.

– Я думал, мы можем отметить новый контракт, – говорит он, протягивая мне бутылку. Я ценю, что он промолчал об уведомлении. Теперь, когда на горизонте замаячил гонорар, ситуация гнетет меня гораздо меньше. Как я протяну до того момента... Даже не знаю. Возможно, удастся наскрести денег на несколько дней в отеле.

Я всегда могу заложить остатки маминых вещей.

Кори уже снял пальто и распускает галстук. Раньше это было нашей рутиной, пока не въехала моя мама. Он приходил и начинал терять предметы своего гардероба, пока мы не оказывались под одеялом в моей кровати.

Это полностью прекратилось, когда через социальные сети я узнала, что у него было несколько свиданий с девушкой по имени Ребекка. Я прекратила наши сексуальные отношения не из ревности, а из уважения к девушке, которая о них не знала.

– Как Бекка? – спрашиваю я, открывая шкаф, чтобы достать два бокала. Рука Кори замирает на галстукке, словно он шокирован, что я в курсе его любовной жизни. – Кори, я пишу романы в жанре саспенс. Не

удивляйся, что я все знаю о твоей девушке.

Я не наблюдаю за его реакцией. Открываю бутылку шампанского и наполняю два бокала. Когда я поворачиваюсь, чтобы отдать один Кори, тот уже сидит за барной стойкой. Я остаюсь с другой стороны, и мы поднимаем бокалы. Но я опускаю свой прежде, чем он успевает произнести тост. Смотрю на напиток и понимаю, что выпить мы можем только за деньги.

– Это не моя серия, – говорю я. – И не мои персонажи. А писательница, благодаря которой эти книги так успешны, больна. Пить за это как-то неправильно.

Бокал Кори все еще поднят. Он пожимает плечами, выпивает шампанское залпом и протягивает бокал мне.

– Не думай о том, как ты оказалась в игре. Сосредоточься на финишной прямой.

Я закатываю глаза и ставлю его пустой бокал в раковину.

– Ты читала хоть одну ее книгу? – спрашивает он.

Я качаю головой и включаю воду. Наверное, нужно помыть посуду. Я должна покинуть квартиру через сорок восемь часов и хотела бы забрать посуду с собой.

– Нет. А ты?

Я добавляю в воду мыло и беру губку. Кори смеется.

– Нет. Она не в моем вкусе.

Я поднимаю на него взгляд, и до него доходит, что его слова звучат как обвинение и моего творчества, если учесть, что мне предложили эту работу из-за наших якобы схожих писательских стилей, по словам мужа Верити.

– Я неправильно выразился, – поправляется Кори. Встает, обходит барную стойку и останавливается рядом со мной возле раковины. Дождивается, пока я закончу оттирать тарелку, забирает ее у меня и начинает ополаскивать.

– Похоже, ты еще не собрала вещи. Уже нашла новую квартиру?

– У меня есть склад, и я планирую вывезти большую часть вещей завтра. Я подала заявку в один комплекс в Бруклине, но в ближайшие две недели у них все занято.

– Но в уведомлении сказано, что ты должна съехать в течение двух дней.

– Я в курсе.

– Так куда ты поедешь? В отель?

– Посмотрим. В воскресенье я уезжаю в дом Верити Кроуфорд. Ее муж сказал, что мне придется провести день-другой, исследуя материалы в ее кабинете, прежде чем я смогу приступить к циклу.

Сегодня утром, сразу после подписания контракта, я получила электронное письмо от Джереми с указаниями, как добраться до их дома. Я предложила приехать в воскресенье, и, к счастью, он согласился.

Кори берет у меня еще одну тарелку. Я чувствую на себе его взгляд.

– Ты будешь ночевать у них дома?

– А как еще мне получить ее заметки по серии?

– Пусть он пришлет их тебе по электронной почте.

– У нее там заметки и черновики больше чем за десять лет. Джереми сказал, что даже не знает, с чего начать, и будет проще, если я разберу их сама.

Кори ничего не отвечает, но я чувствую, что он прикусил язык. Провожу губкой по лезвию ножа и передаю ему.

– О чем ты думаешь? – спрашиваю я.

Он молча споласкивает нож, вставляет его в подставку, потом хватается за край раковины и поворачивается ко мне.

– Этот человек потерял двух дочерей. Потом его жена попала в автокатастрофу. Я не уверен, что мне будет спокойно, когда ты будешь у него дома.

Внезапно вода кажется мне слишком холодной. По обеим рукам пробегают мурашки. Я выключаю воду, вытираю руки и прислоняюсь спиной к раковине.

– Хочешь сказать, он имеет к этому какое-то отношение?

Кори пожимает плечами.

– Я недостаточно хорошо знаю эту историю, чтобы что-то предполагать. Но тебе самой это в голову не приходило? Что это может быть небезопасно? Ты ведь их даже не знаешь.

Кое-что мне известно. Я нашла о них в интернете все, что только возможно. Их первая дочь ночевала у подруги в пятнадцати милях от дома, когда у нее случилась аллергическая реакция. Когда это произошло, ни Джереми, ни Верити рядом не было. А вторая дочь утонула в озере рядом с их домом, но когда Джереми приехал, уже шли поиски тела. Обе смерти были официально признаны несчастными случаями. Я понимаю, почему беспокоится Кори, потому что беспокоилась сама, правда. Но чем больше я узнаю, тем меньше вижу поводов для тревоги. Два трагических, не связанных между собой несчастных случая.

– А авария Верити?

– Это была случайность. Она врезалась в дерево.

Судя по выражению лица Кори, он не убежден.

– Я читал, там не было никаких следов заноса. То есть она либо

заснула, либо сделала это намеренно.

– Разве можно ее винить? – Меня раздражают его безосновательные претензии. Я поворачиваюсь, чтобы домыть посуду. – Она потеряла обеих дочерей. Любой, кому пришлось пройти через такую трагедию, захочет найти выход.

Кори вытирает руки кухонным полотенцем и берет с барного стула куртку.

– Случайности или нет, эта семья явно страдает невезением и глубокими эмоциональными травмами, так что будь осторожна. Сделай дело и уезжай.

– Кори, может, тебе подумать о деталях контракта? А я займусь исследованиями и написанием книги.

Он надевает куртку.

– Просто за тебя беспокоюсь.

Беспокоится? Он знал, что у меня умирает мама, и не выходил на связь два месяца. Он обо мне не заботится. Он – мой бывший парень, который рассчитывал попасть сегодня ко мне в постель, но вместо этого получил мягкий отказ и узнал, что я буду ночевать в доме у другого мужчины. Он маскирует ревность заботой.

Я провожаю его до двери, испытав облегчение, что он так скоро уходит. Я не виню его за желание сбежать. В этой квартире не самая приятная атмосфера с тех пор, как сюда въехала мама. Поэтому я даже не пыталась ее сохранить и не стала сообщать арендодателю, что через две недели у меня появятся деньги.

– В любом случае, – говорит Кори, – поздравляю. Создала ты эту серию или нет, ты будешь ее продолжать благодаря своим произведениям. И должна этим гордиться.

Ненавижу, когда он начинает говорить приятные вещи в момент моего раздражения.

– Спасибо.

– Напиши мне в воскресенье, когда туда доберешься.

– Хорошо.

– И дай знать, если понадобится помощь с переездом.

– Не дам.

Он смеется.

– Ну хорошо.

Он не обнимает меня на прощание. Просто машет рукой и пятится к двери – мы никогда еще так странно не расставались. Я чувствую, что наши отношения наконец перешли в правильное русло: агент и писатель. И

больше ничего.

Я могла выбрать любое другое занятие на время этой шестичасовой поездки. Могла прослушать «Богемскую рапсодию» больше шестидесяти раз. Могла позвонить старой подруге Натали и попытаться наверстать упущенное, особенно если учесть, что за последние полгода я с ней ни разу не разговаривала. Периодически мы обмениваемся сообщениями, но было бы приятно услышать ее голос. Или, возможно, я могла бы использовать это время, чтобы морально подготовиться и продумать причины, по которым я буду держаться подальше от Джереми Кроуфорда во время пребывания в его доме.

Но вместо этого всего я решила послушать аудиокнигу с первым романом серии Верити Кроуфорд.

Она только закончилась. Я так крепко вцепилась в руль, что побелели костяшки. Во рту пересохло, во время поездки я забывала пить. Мое самоуважение осталось где-то в Олбани.

Она хороша. Очень хороша.

Теперь я жалею, что подписала контракт. Я не уверена, что смогу соответствовать. Подумать только, она написала уже шесть романов, и все с точки зрения злодея. *Как в человеке может быть столько воображения?*

Возможно, остальные пять неудачные. Можно надеяться. Тогда от последних трех книг цикла ничего особенного не ждут.

Кого я обманываю? Каждый раз, когда выходит роман Верити, он попадает на первую строчку рейтинга «Таймс».

Теперь я нервничаю в два раза сильнее, чем когда уезжала с Манхэттена.

Остаток пути я провожу, готовая поджечь хвост и вернуться в Нью-Йорк, но потом снова задираю его, потому что неуверенность в себе – естественная часть писательского процесса. Во всяком случае, для меня. У меня работа над книгой всегда делится на три этапа:

- 1) Я начинаю книгу и ненавижу все, что пишу.
- 2) Продолжаю писать книгу, хотя ненавижу все, что пишу.
- 3) Заканчиваю книгу и делаю вид, что довольна.

В моем творческом процессе не бывает периодов, когда я чувствую, что завершила задуманное, или когда я верю, что написала нечто достойное всеобщего внимания. Большую часть времени я плачу под душем или пялюсь на компьютерный экран, словно зомби, задаваясь вопросом, как

другие авторы могут с такой уверенностью продвигать свои книги. *«Это лучшее, что выходило в свет с момента публикации моей последней книги! Вы должны это прочитать!»*

Я – неловкий писатель, который публикует фотографию своей книги и говорит: «Это нормальная книга. В ней есть слова. Если хотите, можете прочитать».

Боюсь, конкретно этот писательский опыт окажется даже хуже, чем я представляла. Мои книги почти никто не читает, и я не страдаю от избытка негативных отзывов. Но когда выйдет моя работа с именем Верити на обложке, ее прочтут сотни тысяч читателей с конкретными ожиданиями от книжной серии. И если я облажаюсь, Кори узнает, что я облажалась. Издатели узнают, что я облажалась. Джереми узнает, что я облажалась. И... В зависимости от ее состояния... *Верити* тоже может узнать, что я облажалась.

На встрече Джереми не уточнял, какие именно травмы получила его жена, и я понятия не имею, способна ли она общаться. В интернете очень мало информации про ту аварию, лишь несколько невнятных заметок. Вскоре после происшествия издательство опубликовало сообщение, что жизни Верити ничего не угрожает. Две недели назад оно опубликовало новое сообщение, где говорилось, что она мирно выздоравливает дома. Но ее редактор, Аманда, сказала, что они хотят сохранить подробности ее травмы в тайне от СМИ. Так что возможно, они преуменьшают информацию.

Вполне понятно, почему они хотят непременно добиться завершения цикла. Издательству невыгодно, если основной источник дохода иссякнет. И даже если мне оказали честь и предложили завершить серию, вовсе не обязательно, что я захочу оказаться в центре всеобщего внимания. Когда я начинала писать, то не преследовала цели стать знаменитой. Я мечтала о жизни, где мои книги будет покупать достаточно людей, чтобы я могла оплачивать счета, и никогда не желала становиться богатой и знаменитой. Подобного уровня успеха достигают очень немногие писатели, и я никогда не предполагала, что такое может случиться со мной.

Я понимаю, что если мое имя появится в этом цикле, то резко возрастут продажи всех предыдущих книг, и появится гораздо больше перспектив в будущем, но Верити неимоверно успешна. Связав свое настоящее имя с серией ее книг, я обреку себя на внимание, которого боялась большую часть жизни.

Мне не нужна минута славы. Мне нужны деньги.

И я их очень жду. Я потратила почти все оставшиеся средства на

аренду машины и размещение вещей на складе. Я внесла залог за квартиру, но до следующей недели она готова не будет, или, возможно, даже до следующей, а значит та небольшая сумма, что у меня осталась, уйдет на оплату отеля, когда я уеду от Кроуфордов.

Ну и жизнь у меня. Почти бездомная, живу с чемоданом, всего полторы недели после того, как умер мой последний близкий родственник. Могло ли быть хуже?

Я могла быть замужем за Амосом, так что *всегда* могло бы быть хуже.

– Господи, Лоуэн.

Закатываю глаза из-за собственной неспособности осознать, сколько писателей готовы убить за подобную возможность, а я сижу и думаю, что достигла самого дна.

Прежде всего, это неблагодарность.

Пора прекратить смотреть на жизнь сквозь стекла очков моей матери. Когда я получу аванс за романы, все начнет налаживаться. Мне больше не придется скитаться между квартирами.

Я повернула к дому Кроуфордов несколько миль назад. Навигатор ведет меня по длинной, извилистой дороге, вдоль которой растут цветущие кусты кизила и стоят дома, которые становятся все больше и отдаленнее друг от друга.

Когда я наконец добираюсь до места, я паркую машину на стоянке и замираю, любясь входом. Две высокие кирпичные колонны возвышаются по обеим сторонам от подъездной дороги, которая кажется бесконечной. Я вытягиваю шею, пытаюсь определить ее длину, но темный асфальт извивается среди деревьев. Где-то там стоит дом, а внутри этого дома лежит Верити Кроуфорд. Интересно, знает ли она, что я приеду. Ладони начинают потеть, я отрываю их от руля и подношу в решетке вентиляции, чтобы высушить.

Въездные ворота открыты нараспашку, я нажимаю педаль газа и медленно проезжаю мимо прочного кованого железа. Твержу себе, что бояться нечего, даже когда замечаю, что повторяющийся орнамент на железных воротах напоминает паутину. Дрожа от волнения, еду по извилистой дороге, деревья становятся все гуще и выше, и наконец впереди появляется дом. Забираясь на холм, сначала я замечаю крышу: синевато-серую, как свинцовая грозовая туча. Через несколько секунд показывается остальная часть дома, и у меня перехватывает дыхание. Передняя часть дома облицована темным камнем, и лишь кроваво-красная дверь ярким пятном выделяется в этом сером море. Левая сторона дома заросла плющом, но выглядит это не очаровательно, а угрожающе, словно

медленно растущая опухоль.

Вспоминаю квартиру, которую я оставила позади: заляпанные стены и крохотная кухонька с оливково-зеленым холодильником семидесятых годов. Возможно, вся моя квартира уместится в прихожей этого монстра. Моя мама говорила, что у домов есть души, и если это правда, душа дома Верити Кроуфорд темна.

На фотографиях со спутников дом производил совсем иное впечатление. *Перед приездом я отследила дом в интернете.* Если верить информации на сайте риелтора, они купили дом пять лет назад за два с половиной миллиона. Теперь он стоит больше трех.

Дом непомерно громаден и уединен, но в нем не чувствуется типичной для домов такого масштаба официальности. Стены здесь не излучают превосходства.

Останавливаюсь на краю дороги, пытаюсь понять, где можно припарковаться. Подстриженная лужайка с сочной зеленой травой занимает минимум полтора гектара. Озеро за домом простирается с одного края участка до другого. Зеленые горы на заднем плане смотрятся так живописно и красиво, что сложно поверить в ужасную трагедию, которую пришлось пережить владельцам.

Облегченно выдыхаю, заметив асфальтовую стоянку рядом с гаражом. Паркую машину и глушу мотор.

Моя машина вообще не подходит этому дому. Ругаю себя, что выбрала самую дешевую из возможных. *Тридцать баксов в день.* Интересно, сидела ли когда-нибудь Верити в «Киа-Соул». В статье об аварии написали, что она была за рулем «Рендж-Ровера».

Тянусь к телефону, лежащему на пассажирском сиденье – хочу написать сообщение Кори, что добралась. Положив руку на ручку водительской двери, я замираю и вжимаюсь в сиденье. Потом поворачиваюсь к окну.

– Черт!

Какого хрена?

Шлепаю себя по груди, чтобы убедиться, что сердце по-прежнему бьется: через окно машины на меня уставилось чье-то лицо. Потом понимаю, что это всего лишь ребенок, и закрываю рот рукой, надеясь, что он не услышал доброй порции ругательств. Он не смеется. Просто смотрит, и это еще страшнее, чем если бы он напугал меня намеренно.

Он – миниатюрная версия Джереми. Тот же рот, те же зеленые глаза. В одной из статей я читала, что у Верити и Джереми было трое детей. Должно быть, это их маленький сын.

Открываю дверь, и он отступает назад, когда я выхожу из машины.

– Привет.

Ребенок не отвечает.

– Ты здесь живешь?

– Да.

Смотрю на дом у него за спиной, задаваясь вопросом, каково ребенку расти в таком месте.

– Должно быть, здорово, – бормочу я.

– Было раньше, – он поворачивается и идет к входной двери. Мне сразу становится его жалко. Боюсь, я не слишком хорошо осознала ситуацию, в которой оказалась эта семья. Этот маленький мальчик, которому не больше пяти лет, потерял обеих сестер. Кто знает, как сказалось такое горе на его матери? По Джереми случившееся заметно невооруженным взглядом.

Оставив чемодан в машине, я иду за маленьким мальчиком. Нас разделяет всего несколько метров, когда он открывает дверь и заходит в дом, а потом закрывает ее прямо у меня перед носом.

Несколько секунд я жду, предположив, что это шутка. Но потом вижу сквозь матовое стекло, как он уходит вглубь дома, даже не думая меня впускать.

Я не хочу называть его придурком. Он маленький ребенок, и ему пришлось через многое пройти. *Но я предполагаю, что он может быть придурком.*

Звоню в дверной звонок и жду.

И жду.

И жду.

Снова звоню в звонок, но ответа нет. Джереми прислал мне в электронном письме контактную информацию, поэтому я ищу его номер и набираю сообщение. *«Это Лоуэн. Я у входной двери».*

Отправляю сообщение и опять жду.

Несколько секунд спустя я слышу, как кто-то спускается по лестнице. И вижу сквозь матовое стекло, как вырастает силуэт Джереми, который подходит к двери. Но прежде чем открыть ее, он замирает, словно делает вдох. Не знаю почему, но эта пауза убеждает, что ситуация нервирует не только меня.

Как ни странно, его вероятное волнение меня успокаивает. Я думала, это работает иначе.

Он открывает дверь, и хотя это все тот же человек, которого я встретила несколько дней назад, он... Другой. Ни галстука, ни костюма, ни

атмосферы загадочности. Он в тренировочных штанах и синей футболке. Без обуви, только в носках.

– Привет.

Мне не нравится, как у меня екнуло сердце. Пытаюсь не обращать внимания и улыбаюсь ему.

– Привет.

Он бросает на меня короткий взгляд и отходит в сторону, открывая дверь еще шире и жестом приглашая меня войти.

– Прости, я был наверху. Я сказал Крю открыть дверь. Видимо, он не услышал.

Я захожу в прихожую.

– Ты с чемоданом? – спрашивает Джереми.

Поворачиваюсь к нему.

– Да, он на заднем сиденье, но я могу забрать его потом.

– Машина открыта?

Киваю.

– Сейчас вернусь.

Он залезает в пару ботинок, стоящих возле двери, и выходит на улицу. Я медленно поворачиваюсь вокруг, разглядывая обстановку. Не слишком отличается от фотографий, которые я видела в интернете. Ощущение странное, ведь я уже видела каждую комнату этого дома благодаря сайту риелторов. Я уже ориентируюсь в этом доме, хотя зашла внутрь всего на несколько шагов.

Справа кухня, а слева гостиная. Они разделены коридором с лестницей на второй этаж. На фотографиях на кухне стоял гарнитур из темновышневого дерева, но там сделали ремонт и убрали все старые шкафы, заменив их преимущественно полками и несколькими шкафами более светлого оттенка.

Там две духовки и холодильник со стеклянной дверью. Я по-прежнему рассматриваю кухню, когда с лестницы вприпрыжку спускается маленький мальчик. Он пробегает мимо меня, открывает холодильник и достает бутылку «Доктора Пеппера». Я наблюдаю, как он пытается открутить крышку.

– Тебе помочь? – спрашиваю я.

– Да, пожалуйста, – отвечает он, глядя на меня большими зелеными глазами. *Как я вообще могла подумать, что он придурок.* У него такой нежный голос и маленькие ручки, что они даже не способны открыть газировку. Я беру у него бутылку и с легкостью откручиваю крышку. В тот момент, когда я протягиваю бутылку обратно Крю, открывается входная

дверь.

Джереми строго смотрит на Крю.

– Я же сказал, никакой газировки.

Оставив мой чемодан возле стены, он подходит к Крю и вырывает бутылку у него из рук.

– Иди, готовься мыться. Я приду через минуту.

Крю обреченно запрокидывает голову и направляется обратно к лестнице.

Джереми поднимает бровь.

– Никогда не верь этому ребенку. Он умнее, чем мы оба, вместе взятые, – сделав глоток газировки, он возвращает бутылку в холодильник. – Хочешь чего-нибудь попить?

– Нет, спасибо.

Джереми берет мой чемодан и несет по коридору.

– Надеюсь, это не покажется тебе слишком странным, но я размещу тебя в хозяйской спальне. Мы все сейчас спим наверху, и я подумал, так будет проще, потому что это ближайшая комната к кабинету Верити.

– Я даже не уверена, что останусь на ночь, – говорю я, следуя за ним по коридору. У меня жутковатые ощущения от этого места, и хорошо было бы забрать все необходимое и найти отель. – Я планировала осмотреть ее кабинет и вникнуть в ситуацию.

Джереми смеется, открывая дверь в спальню.

– Поверь. Тебе понадобится минимум два дня. Возможно, и больше.

Он опускает чемодан на сундук возле кровати, потом открывает шкаф и показывает на свободное пространство.

– Я освободил место на случай, если тебе понадобится что-нибудь повесить, – потом показывает на ванную комнату. – Ванная полностью в твоём распоряжении. Я не знаю, есть ли там туалетные принадлежности, поэтому если что-то понадобится, скажи. Уверен, у нас это есть.

– Спасибо.

Я осматриваю комнату. Ощущения очень странные. Особенно если учесть, что я буду спать в их кровати. Взгляд падает на спинку – а именно на следы зубов на верхнем краю спинки кровати, прямо по центру. Я поспешно отвожу взгляд, прежде чем Джереми успевает его поймать. По моему выражению он может понять, что я размышляю, кому из них приходилось кусать спинку кровати, чтобы сдерживать крики во время секса. *Был ли у меня когда-нибудь такой страстный секс?*

– Хочешь побыть одна или пойдешь посмотришь дом? – спрашивает Джереми.

– Я в порядке, – уверяю я, направляясь следом за ним. Он выходит в коридор, но я медлю, глядя на дверь спальни. – Тут есть замок?

Он возвращается в комнату, глядя на дверную ручку.

– Сомневаюсь, что мы ее хоть когда-то запирали, – он трясет ручку. – Уверен, я найду замок, если тебе это важно.

Я не спала в спальне без замка с тех пор, как мне было десять. Я готова умолять его найти замок, но при этом не хочу доставлять еще большие неудобства.

– Нет, все нормально.

Он отпускает дверь, но прежде чем выйти в коридор, спрашивает:

– Сейчас я отведу тебя наверх. Ты уже придумала, под каким псевдонимом будешь писать для цикла?

Я не думала об этом с тех пор, как узнала, что «Пантем» согласились на требования, которые мне посоветовал выдвинуть Джереми.

Пожимаю плечами.

– Еще толком не думала.

– Я хочу представить тебя сиделке Верити под псевдонимом, на случай, если ты не хочешь, чтобы твое настоящее имя связали с этим циклом.

У нее такие сильные травмы, что ей нужна сиделка?

– Хорошо. Пусть будет...

Я не представляю, какое выбрать имя.

– На какой ты выросла улице? – спрашивает Джереми.

– Лора-Лейн.

– Как звали твоего первого питомца?

– Чейз. Он был йоркширским терьером.

– Лора Чейз, – объявляет он. – Мне нравится.

Я наклоняю голову, узнав вопросы из шутливой анкеты на фейсбуке.

– Разве не так определяют псевдонимы для участия в порно?

Он смеется.

– Псевдоним для порноактера, псевдоним для писателя. Принцип один, – движением руки он предлагает следовать за ним. – Пойдем, сначала познакомимся с Верити, а потом я отведу тебя в ее кабинет.

Джереми поднимается по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Сразу возле кухни лифт, явно установленный совсем недавно. Должно быть, Верити теперь передвигается в инвалидной коляске. *Господи, бедняжка.*

Джереми дожидается, пока я поднимусь на второй этаж. Коридор делится на две части – три двери с одной стороны и две с другой. Джереми

поворачивает налево.

– Это комната Крю, – поясняет он, показывая на первую комнату. – Я сплю здесь, – он показывает на соседнюю дверь.

Напротив этих двух комнат еще одна дверь. Она закрыта, Джереми тихо стучит и открывает ее.

Сама не знаю, чего я ожидала, но точно не этого.

Она лежит на спине, глядя в потолок, светлые волосы рассыпаны по подушке. Сиделка в голубом костюме сидит в изножье кровати и надевает ей на ноги носки. Крю лежит рядом с Верити на кровати, у него в руках айпад. У Верити пустой, равнодушный к окружающему миру взгляд. Она не замечает сиделки. Не замечает меня. Крю. Джереми, который наклоняется к ней и убирает волосы со лба. Она моргает, и больше ничего. Словно она не понимает, что мужчина, от которого она родила троих детей, проявляет к ней нежность. Я пытаюсь скрыть мурашки на своих руках.

Сиделка обращается к Джереми.

– Она казалась усталой, и сегодня я решила уложить ее пораньше.

Она накрывает Верити одеялом.

Джереми идет к окну и закрывает занавески.

– Она приняла таблетки?

Сиделка приподнимает ноги Верити и заправляет под них одеяло.

– Да, до полуночи ничего делать не нужно.

Сиделка старше Джереми, на вид ей около пятидесяти пяти. У нее короткие рыжие волосы. Она смотрит на меня, потом снова на Джереми, дожидаясь, пока нас представят.

Джереми трясет головой, словно он вообще забыл о моем присутствии. Он смотрит на сиделку и машет в мою сторону рукой.

– Это Лора Чейз, писательница, о которой я вам рассказывал. Лора, это Эйприл, сиделка Верити.

Я жму руку Эйприл и чувствую ее оценивающий взгляд. Она осматривает меня с головы до ног.

– Я думала, вы будете старше, – заявляет она.

Что вообще можно на это ответить? Вместе со взглядом ее комментариев звучит как укол. Или упрек. Не обращая внимания, я улыбаюсь.

– Приятно познакомиться, Эйприл.

– Взаимно.

Она берет с комода сумочку и поворачивается к Джереми.

– Увидимся утром. Ночью проблем возникнуть не должно.

Потом наклоняется, чтобы пощекотать Крю. Тот хихикает и отползает

в сторону. Я отодвигаюсь, выпуская Эйприл из комнаты.

Бросаю взгляд на кровать. Глаза Верити по-прежнему открыты и смотрят в никуда. Я не уверена, что она вообще осознает, что ушла ее сиделка. *Она вообще осознает хоть что-нибудь?* Я ужасно сочувствую Крю. И Джереми. И Верити.

Не уверена, что хотела бы жить в таком состоянии. И знать при этом, что ко мне привязан Джереми... Здесь все такое гнетущее. Этот дом, прошлые трагедии этой семьи и ее нынешняя борьба.

– Крю, не испытывай мое терпение. Я сказал тебе идти мыться.

Крю смотрит на Джереми и улыбается, но с кровати не слезает.

– Считаю до трех.

Крю откладывает айпад в сторону, но продолжает игнорировать Джереми.

– Три... Два...

И наконец, на счет один, Джереми бросается на Крю, хватая его за ноги и поднимает в воздух.

– Ну все, время висеть вниз головой!

Крю хохочет и извивается.

– Только не это!

Джереми оборачивается ко мне.

– Лора, сколько секунд дети могут висеть вниз головой, пока у них не перевернется мозг и они не начнут разговаривать задом наперед?

Я смеюсь.

– Я слышала, двадцать. Но возможно, и пятнадцать секунд.

Крю кричит:

– Нет, папочка, я пойду мыться! Я не хочу, чтобы у меня перевернулся мозг!

– А уши почистишь? Потому что они явно плохо слышали, когда я просил тебя отправляться в душ.

– Клянусь!

Джереми закидывает его на плечо и переворачивает обратно, прежде чем опустить на пол. Ерошит сыну волосы и командует:

– Вперед!

Я наблюдаю, как Крю торопится к двери и по коридору, в свою комнату. Теперь, когда я понаблюдала, как Джереми общается с Крю, дом кажется чуть более гостеприимным.

– Он милый. Сколько ему лет?

– Пять, – говорит Джереми.

Он наклоняется к больничной кровати Верити и немного ее

приподнимает. Потом берет со столика возле ее кровати пульт и включает телевизор.

Мы выходим из спальни, и он прикрывает за собой дверь. Я стою посреди коридора, и он поворачивается ко мне. Прячет руки в карманы своих серых штанов. Судя по его поведению, он хочет сказать мне что-то еще – объяснить подробности. Но он молчит. Вздыхает и смотрит на комнату Верити.

– Крю боялся спать здесь один. Он перенес все стойко, но по ночам ему тяжело. Он хотел быть поближе к ней, но ему не нравится спать внизу. Я решил, ему будет легче, если мы все переедем сюда, – Джереми идет обратно по коридору. – А значит, по ночам весь первый этаж в твоём распоряжении, – он выключает в коридоре свет. – Показать тебе ее кабинет?

– Конечно.

Когда я захожу в комнату, у меня возникает ощущение, что я залезла в ящик с нижним бельем Верити. Все пространство с пола до потолка занимают полки, забитые книгами. Вдоль стен стоят коробки с бумагами. Рабочий стол... *Господи*, ее стол. Он простирается с одного конца комнаты до другого, вдоль стены с огромными окнами, выходящими на задний двор. И каждый сантиметр стола покрыт стопками бумаг.

– Она не слишком организованный человек, – поясняет Джереми.

Я улыбаюсь, чувствуя родство с Верити.

– Как и большинство писателей.

– Понадобится немало времени. Я бы попытался разобраться сам, но для меня это китайская грамота.

Я подхожу к ближайшей полке и провожу рукой по книгам. Это зарубежные издания ее работ. Беру немецкое издание и рассматриваю.

– У нее есть ноутбук и стационарный компьютер, – рассказывает Джереми. – Я написал пароли на самоклеящейся бумажке, – он берет ноутбук, лежащий возле компьютера. – Она постоянно делала заметки. Записывала свои мысли. Писала идеи на салфетках. Записывала диалоги в душе, в водонепроницаемом блокноте, – Джереми кладет ноутбук обратно на стол. – Однажды она использовала маркер, чтобы записать имена персонажей на подгузнике Крю. Мы были в зоопарке, и у нее не было с собой блокнота.

Он медленно обходит ее кабинет по кругу, словно не заходил сюда какое-то время.

– Весь мир был ее манускриптом. Каждая поверхность могла быть использована.

У меня внутри все теплеет – кажется, он ценил творческий процесс жены. Я оборачиваюсь вокруг собственной оси, еще раз все осматривая.

– Я понятия не имела, во что ввязываюсь.

– Я не хотел смеяться, когда ты сказала, что, возможно, тебе не понадобится оставаться на ночь. Но, честно говоря, это может занять больше, чем два дня. В таком случае можешь оставаться, сколько понадобится. Лучше ты побудешь подольше и убедишься, что у тебя есть все необходимые материалы, чем вернешься в Нью-Йорк недостаточно подготовленной.

Я смотрю на полки, где стоит серия, которую мне предстоит закончить. Всего должно быть девять книг. Шесть уже опубликованы, осталось дописать три. Цикл называется «Благородные добродетели», и каждая книга посвящена отдельной добродетели. Мне остались Отвага, Правда и Честь.

Все шесть книг стоят на полках, и я с облегчением вижу дополнительные экземпляры. Беру с полки второй роман и пролистываю страницы.

– Уже прочитала серию? – спрашивает Джереми.

Качаю головой, не желая признаваться, что слушала аудиокнигу. Он может начать задавать вопросы.

– Еще нет. Не было времени между подписанием контракта и поездкой сюда, – ставлю книгу обратно на полку. – Какая твоя любимая?

– Я тоже ни одной не читал. С тех пор, как она написала первую книгу. Я поворачиваюсь к нему.

– Правда?

– Мне не нравилось быть в ее голове.

Сдерживаю улыбку – сейчас он немного напоминает мне Кори. Неспособностью отделить созданный его женой мир от того, в котором она живет. Но Джереми хотя бы кажется чуть более сознательным, чем когда-либо был Кори.

Осматриваю комнату в легком смятении – не знаю точно, из-за присутствия Джереми или из-за беспорядка, который мне придется разбирать.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Да, больше не буду мешать, – Джереми указывает на дверь. – Пойду посмотрю, как там Крю. Чувствуй себя как дома. Еда... Напитки... Все в твоём распоряжении.

– Спасибо.

Джереми закрывает за собой дверь, и я сажусь за рабочий стол Верити.

Вероятно, одно ее рабочее кресло стоит дороже, чем месячная плата за аренду моей квартиры. Интересно, насколько легче писать тому, у кого есть деньги на вещи, которые я всегда мечтала иметь в своем распоряжении для рабочего процесса. Удобная мебель, дополнительный компьютер, возможность вызвать себе массажистку. Наверное, так писать гораздо проще и стресса гораздо меньше. У меня же есть ноутбук с недостающей клавишей и доступ в интернет, когда соседи забывают поставить пароль на Wi-Fi. Я сижу на старом обеденном стуле за складным пластиковым столиком, заказанным на «Амазоне» за двадцать пять баксов.

Большую часть времени у меня даже нет денег на чернила для принтера и бумагу.

Думаю, провести несколько дней в ее кабинете – единственный способ проверить мою теорию. Чем ты богаче, тем богаче и твое воображение.

Беру с полки вторую книгу цикла. Открываю ее – просто взглянуть. Посмотреть, как она продолжила повествование после предыдущей, первой.

И погружаюсь в безотрывное чтение на три часа.

Я даже ни разу не двинулась с места. Глава за главой наполнены интригами и мерзкими персонажами. *Действительно* мерзкими персонажами. Мне понадобится какое-то время, чтобы настроиться на такой образ мыслей. Неудивительно, что Джереми не читает ее работы. Все книги написаны с точки зрения злодея, и для меня это в новинку. Действительно следовало прочесть все эти книги до приезда.

Встаю, чтобы размять спину, хотя на самом деле она даже не болит; рабочее кресло Верити – самая удобная мебель, на которой мне приходилось сидеть в своей жизни.

Оглядываюсь вокруг, раздумывая, с чего начать – с компьютера или с распечатанных документов.

Принимаю решение изучить рабочий стол на компьютере. Просматриваю несколько файлов в «Ворде» – похоже, она предпочитает эту программу. Все они относятся к уже написанным книгам. И не особо меня интересуют. Я хочу найти наброски еще ненаписанных книг. Большинство файлов на ноутбуке дублируют файлы на компьютере.

Возможно, Верити из тех, кто пишет черновики от руки. Я перехожу к коробкам, стоящим вдоль задней стены, рядом с кладовкой. Их покрывает тонкий слой пыли. Просматриваю несколько коробок, доставая рукописи разных стадий писательского процесса, но все они относятся к уже написанным книгам серии. Никаких намеков на то, что она собиралась писать дальше.

Я просматриваю содержимое шестой коробки, когда натыкаюсь на незнакомый заголовок. Рукопись называется «Так тому и быть».

Пролистываю первые несколько страниц, надеясь, что мне повезло и это черновик седьмой книги. Но почти сразу понимаю: нет. Кажется, это... *Личное*. Возвращаюсь к первой странице первой главы и читаю первую строчку.

Иногда я вспоминаю тот вечер, когда встретила Джереми, и задаюсь вопросом – если бы мы не встретились взглядами, моя жизнь в итоге все равно бы оказалась такой же?

Увидев имя Джереми, просматриваю страницу дальше. *Это автобиография.*

Совсем не то, что я ищу. Издательство платит мне не за автобиографию, поэтому нужно просто двигаться дальше. Но я оборачиваюсь через плечо и убеждаюсь, что дверь закрыта, потому что мне любопытно. К тому же такое чтение тоже можно отнести к исследовательской работе. Я должна понять образ мыслей Верити, чтобы понять ее как писателя. *Во всяком случае, это мое оправдание.*

Несу рукопись на диван, устраиваюсь поудобнее и начинаю читать.

Так тому и быть

Верити Кроуфорд

Примечание автора:

Больше всего в автобиографиях я ненавижу лицемерие, прикрывающее каждое предложение. Писатель не смеет писать о себе, если не готов отключить каждый уровень защиты между книгой и собственной душой. Слова должны исходить прямо из утробы, прорываться сквозь плоть и кровь. Уродливые, честные, кровавые и немного жуткие, но совершенно искренние. Автобиография, побуждающая читателя проникнуться к автору симпатией – не настоящая автобиография. Никто не симпатичен с изнанки. После прочтения автобиографии к автору должна возникнуть, в лучшем случае, неприязнь.

И я с этим справлюсь.

То, что вы прочитаете, будет порой столь ужасно на вкус, что вам захочется выплюнуть, но вы проглотите эти слова, и они станут вашей частью, частью *вашей* утробы, они вас поранят.

Но... Даже с моим великодушным предупреждением... Вы продолжите поглощать мои слова, потому что вы здесь.

Живые.

Любопытные.

Продолжайте.

Глава первая

«Найди то, что любишь, и позволь этому тебя убить»

Чарльз Буковски

Иногда я вспоминаю тот вечер, когда встретила Джереми, и задаюсь вопросом – если бы мы не встретились взглядами, моя жизнь в итоге все равно бы оказалась такой же? Было ли мне с самого начала предопределено страдать от такого трагического конца? Или трагический конец – скорее результат неудачного выбора, а не прихоть судьбы?

Конечно, моего трагического конца еще не случилось, иначе я бы не смогла рассказать, что к нему привело. Тем не менее, он близится. Я чувствую это, как чувствовала смерть Частин. И так же, как я приняла ее судьбу, я приму и собственную.

Нельзя сказать, что до встречи с Джереми я была потеряна, но я точно плохо себя осознавала до момента, когда его взгляд остановился на мне.

У меня уже были парни. И даже связи на одну ночь. Но до того момента мне и в голову не приходило представлять с кем-то совместную жизнь. Когда я увидела его, то сразу представила нашу первую ночь, нашу свадьбу, наш медовый месяц, наших детей.

До того момента идея любви всегда казалась мне очень синтетической. Ухищрение фирм, выпускающих открытки. Маркетинговый ход жадных компаний. Любовь меня не интересовала. Моей единственной задачей в тот вечер было напиться бесплатного алкоголя и найти богатого спонсора, чтобы трахаться. Я была уже на полпути, выпив три «Московских мула». И, судя по взгляду Джереми Кроуфорда, я собиралась покинуть ту вечеринку с триумфом. Он выглядел богатым – в конце концов, это был благотворительный вечер. Бедные люди не посещают благотворительных вечеров, если только не *прислуживают* богатым.

Исключая присутствующих.

Он разговаривал с компанией других мужчин, но каждый раз, когда он

смотрел в моем направлении, у меня возникало чувство, что мы одни. И он то и дело мне улыбался. Еще бы. В тот вечер на мне было то красное платье, которое я украла в «Мейсис». *Не судите меня. Я была голодным художником, а оно стоило неприлично дорого.* Я собиралась возместить кражу, когда появятся деньги. Пожертвовать на благотворительность или спасти ребенка – что-нибудь вроде того. В грехах хорошо то, что их не обязательно искупать моментально, а то красное платье сидело на мне слишком идеально, чтобы его упустить.

Это было платье для секса. Из тех, что мужчина может с легкостью отодвинуть, когда хочет оказаться у тебя между ног. Женщины нередко совершают ошибку, выбирая платья для подобных вечеров – они не рассматривают их с точки зрения мужчин. Женщина хочет, чтобы хорошо смотрелась ее грудь, чтобы обтягивалась фигура. Даже если придется пожертвовать комфортом и носить вещи, которые невозможно снять. Но когда на платье смотрят *мужчины*, они не восхищаются тем, как оно облегает бедра, подчеркивает талию или красиво застегивается сзади. Они примеряются, насколько легко его будет снять. Сможет ли он забраться рукой ей под юбку, когда они будут рядом сидеть за столом? Сможет ли он оттрахать ее в машине без неловкой возни с молниями? Сможет ли оттрахать ее в ванной, не снимая одежды?

Ответами на мое украденное красное платье были да, да и, *черт возьми*, да.

Я понимала, что, пока я в таком платье, он не сможет покинуть вечеринку, не подойдя ко мне. И решила больше не обращать на него внимания. Создать впечатление безысходности. Я была не мышью, а сыром. И собиралась ждать, пока он не подойдет.

И через какое-то время он подошел. Я стояла у бара, спиной к нему, когда он положил руку мне на плечо, наклонился вперед и жестом подозвал бармена. В тот момент Джереми на меня не смотрел. Просто держал руку у меня на плече, словно заявляя о своих правах. Подошел бармен, я зачарованно наблюдала. Джереми кивнул в мою сторону головой и сказал:

– Пожалуйста, остаток вечера подавайте ей только воду.

Этого я не ожидала. Я повернулась, положив руку на стойку, и посмотрела ему в лицо. Он убрал руку с моего плеча, но сначала слегка провел пальцами вниз, до самого локтя. Меня будто током ударило, нахлынула волна гнева.

– Я прекрасно способна сама решить, сколько мне следует выпить.

Джереми ухмыльнулся, и хотя меня взбесило превосходство, скрывающееся за этой ухмылкой, он был хорош.

- Уверен, что так.
- Я выпила за вечер всего три коктейля.
- Хорошо.

Я выпрямилась и снова подозвала бармена.

- Еще одного «Московского мула», пожалуйста.

Бармен посмотрел на меня, потом на Джереми. Потом снова на меня.

- Простите, мэ. Но мне сказали подавать вам воду.

Я закатила глаза.

– Я *слышала*, как он просил вас подавать мне воду, я стояла прямо, не двигаясь. Но я не знаю этого мужчину, а он не знает меня, и я хочу заказать еще одного «Московского мула».

- Она будет воду, – повторил Джереми.

Он определенно мне нравился, но его привлекательность быстро таяла из-за шовинистского поведения. Бармен поднял руки и заявил:

– Я не хочу принимать в этом участие. Если вы хотите выпить, идите и закажите в том баре, – он показал на бар напротив.

Я взяла сумочку, высоко подняла подбородок и направилась прочь. В другом баре я нашла стул и стала дожидаться, пока бармен обслужит клиента. Тем временем снова появился Джереми, на этот раз он положил на стойку локоть.

– Ты даже не дала мне шанса объяснить, почему я попросил подавать тебе воду.

Я посмотрела на него, запрокинув голову.

- Прости, я не знала, что должна уделить тебе время.

Он рассмеялся, повернулся к стойке спиной, склонил голову на бок и ухмыльнулся.

– Я наблюдаю за тобой с тех пор, как сюда вошел. За сорок пять минут ты выпила три коктейля, и если продолжишь в том же духе, мне будет неудобно просить тебя уйти со мной. Я бы предпочел, чтобы ты сделала этот выбор в трезвом виде.

Его голос звучал так, словно его горло было покрыто медом. Я пристально смотрела ему в глаза, пытаюсь понять, притворяется он или нет. Может ли такой красивый и предположительно богатый мужчина быть *еще* и тактичным? Несмотря на очевидную дерзость, меня привлек этот мужчина.

Как раз вовремя подошел бармен.

- Что желаете?

Я выпрямилась, отведя взгляд от Джереми.

- Я буду воду.

– Две воды, – сказал Джереми.

И все было решено.

С того вечера прошло много лет, и вспомнить все подробности сложно, но я помню, что с первых мгновений меня тянуло к нему, как прежде не тянуло ни к кому из мужчин. Мне нравился звук его голоса. Нравилась его уверенность. Нравились его идеальные белые зубы. Нравилась щетина на его подбородке. Идеальная длина, чтобы царапать мои бедра. Возможно, даже оставить шрам, если он пробудет там достаточно долго.

Мне нравилось, что он не боялся трогать меня, пока мы говорили, и от каждого прикосновения его пальцев у меня покалывало кожу.

Когда мы допили воду, Джереми повел меня к выходу, положив руку на талию, лаская пальцами мое платье.

Мы подошли к его лимузину, он открыл передо мной заднюю дверь, и я залезла внутрь. Он сел напротив, а не рядом. В машине пахло цветами, но я знала, что это духи. И они мне вполне понравились, хотя и означали, что в лимузине побывала другая женщина. Взгляд упал на полупустую бутылку шампанского и два бокала – на одном виднелись следы красной помады.

Кто она? И почему он уезжает со мной, а не с ней?

Я не стала задавать эти вопросы вслух, потому что он уезжал со мной. И значение имело лишь это.

Несколько минут мы сидели молча, с нетерпением глядя друг на друга. В тот момент он понял, что получил меня, и почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы потянуться вперед, поднять мою ногу и поставить на соседнее с собой сиденье. Он оставил ладонь на моей лодыжке, ласкал ее и наблюдал, как поднимается и опускается моя грудь в ответ на его прикосновения.

– Сколько тебе лет? – спросил он. Вопрос насторожил меня, потому что он выглядел лет на тридцать. Я боялась отпугнуть его правдой и поэтому наврала – сказала, мне двадцать пять.

– Выглядишь моложе.

Он знал, что я лгу. Я сбросила с ноги туфлю и провела пальцами по его ноге.

– Двадцать два.

Джереми рассмеялся и сказал:

– Ты лгунья, да?

– Я подгоняю факты, когда это требуется. Я писатель.

Его рука передвинулась выше.

– А тебе сколько лет?

– Двадцать четыре, – сказал он с той же искренностью, что и я.

– Значит... Двадцать восемь?

Он улыбнулся.

– Двадцать семь.

Его рука уже лежала на моем колене. И я хотела, чтобы она сдвинулась еще выше. На бедро, потом между ног, чтобы исследовала меня изнутри. Я хотела его, но не здесь. Я хотела *поехать* с ним, увидеть, где он живет, оценить удобство его кровати, вдохнуть аромат постельного белья, попробовать на вкус его кожу.

– Где твой водитель? – спросила я.

Джереми бросил взгляд назад, на переднюю часть лимузина.

– Понятия не имею, – ответил он, снова повернувшись ко мне. – Это не мой лимузин.

Вид у него при этом был озорной, и я не могла точно определить, ложь это или правда.

Я прищурилась, пытаюсь понять, действительно ли этот тип привел меня в лимузин, который ему даже не принадлежит.

– Тогда *чей* это лимузин?

Джереми отвел взгляд и теперь смотрел на свою руку, которая рисовала круги на моем колене.

– Не знаю.

Я думала, моя страсть угаснет при осознании, что он может *не быть* богатым, но вместо этого его признание вызвало у меня улыбку.

– Я простой рабочий, – признался он. – Приехал сюда за рулем своей машины. «Хонды-Сивик». И припарковал ее сам, потому что я слишком беден, чтобы платить десять баксов лакею.

Я сама удивилась, насколько меня восхитило, что он привел меня в лимузин, который ему даже не принадлежал. Он не был богат. Он не был богат, *но я все равно хотела с ним переспать*.

– Я работаю уборщицей в офисных зданиях, – призналась я. – Я вытащила приглашение на эту вечеринку из мусорной корзины. Я здесь не должна была оказаться.

Он улыбнулся, и мне еще никогда так не хотелось попробовать улыбку на вкус.

– А ты находчивая, верно? – спросил он. Его рука скользнула под мое колено, и он притянул меня к себе. Я пересела к нему на колени, ведь именно для этого нужны платья вроде того, что было на мне. Я почувствовала, как он твердеет у меня между ног. Он положил мне на нижнюю губу палец. Я провела по подушечке языком, и он резко вздохнул. Не застонал. Не охнул. Он *вздохнул*, и это было самым сексуальным, что я

когда-либо ощущала.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Верити.

– Верити. *Верити*. Очень красиво.

Не сводя взгляда с моих губ, он уже собирался наклониться и поцеловать меня, но я отодвинулась.

– А тебя?

Он посмотрел мне в глаза.

– Джереми.

Он произнес имя быстро, словно не желая терять время на эту неуместную помеху для нашего поцелуя. Как только это слово сорвалось с его губ, они коснулись моих, и в этот момент у нас над головами загорелся свет и мы замерли, прижимаясь друг другу губами и напрягшись – кто-то залез на водительское сиденье лимузина.

– Черт, – прошептал Джереми. – Как не вовремя.

Он оттолкнул меня и открыл дверь. Я как раз успела выскочить наружу, когда водитель понял, что в машине есть кто-то еще.

– Эй! – закричал он, обернувшись.

Джереми схватил меня за руку и потянул за собой, но мне нужно было снять туфли. Я дернула его, и он остановился, пока я стаскивала туфли с ног. Водитель направился в нашу сторону.

– Эй! Какого черта вы забыли в моей машине?

Джереми схватил туфли, и мы побежали по улице, смеясь в темноте, и совсем запыхались, когда добрались до его машины. Он говорил правду. Это была «Хонда-Сивик», хотя и новой модели – хоть что-то. Он прижал меня к пассажирской двери, бросил туфли на асфальт и запустил руку мне в волосы.

Я обернулась на машину, к которой мы прислонились.

– А *это* правда твоя машина?

Он улыбнулся, сунул руку в карман, достал ключи. И разблокировал в качестве доказательства двери, рассмешив меня.

Он наклонился ко мне, *так близко* к губам, и я могла поклясться, что он уже представлял нашу совместную жизнь. Нельзя смотреть на человека так, как он смотрел на меня, – со всей полнотой прошлого – и не представлять будущего.

Он закрыл глаза и поцеловал меня. Поцелуй был полон страсти и уважения – двух чувств, которые, по мнению большинства мужчин, были не способны сосуществовать.

Мне нравилось чувствовать его пальцы в своих волосах и его язык в

своим рту. И я тоже ему нравилась. Я чувствовала это по поцелуям. На тот момент мы почти ничего друг о друге не знали, но, пожалуй, так было даже лучше. Разделить такой интимный поцелуй с незнакомцем – словно сказать: *Я тебя не знаю, но верю: ты мне понравишься.*

Мне нравилось, что он верил, что я ему понравлюсь. Благодаря этому я сама почти поверила, что могу кому-то понравиться.

Когда он отстранился, я захотела уехать с ним. Хотела следовать губами за его губами, хотела обхватывать пальцами его пальцы. Оставаться на пассажирском сиденье, пока он вел автомобиль, было пыткой. Я сгорала изнутри. Джереми зажег во мне огонь, и я была готова на все, лишь бы он не потух.

Он покормил меня, прежде чем затащить в постель.

Отвез в «Стейк энд Шейк», и мы сидели на одном диване, ели картошку фри и пили шоколадные коктейли между поцелуями. Ресторан был почти пустым, и мы сидели в тихом углу, достаточно далеко, чтобы никто не заметил, как рука Джереми скользнула мне между ног. Никто не слышал моего стога. Всем было плевать, когда он убрал руку и прошептал, что не собирается доводить меня до оргазма в «Стейк энд Шейк».

Я была бы не против.

– Тогда отвези меня в свою постель, – сказала я.

И он отвез. Его кровать стояла посреди квартиры-студии в Бруклине. Джереми не был богат. Он едва мог позволить себе еду, которую купил мне в закусочной. Но мне было плевать. Я лежала на спине в его постели, наблюдая, как он раздевается, и вдруг поняла, что сейчас впервые в жизни займусь любовью. У меня был до этого секс, но всегда участвовало только тело, не более того.

Но в тот момент я вложила гораздо больше, чем тело. Мое сердце наполнилось – сама не знаю чем. А раньше, с мужчинами, которые были до Джереми, сердце казалось пустым.

Поразительно, насколько по-другому ощущается секс, когда задействуется больше, чем просто тело. Я подключила сердце, и нутро, и разум, и надежду. Я растворилась в том мгновении. Не в любви. Я просто... *Растворилась.*

Словно я всю жизнь стояла на краю скалы, а после встречи с Джереми наконец решилась прыгнуть. Потому что – впервые в жизни – я была уверена, что не упаду на землю. А взлечу.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, каким безумием было так быстро в него влюбиться. Безумием, потому что эта влюбленность не заканчивалась. Если бы на следующее утро я проснулась и ускользнула

прочь, все обернулось бы короткой интрижкой, и несколько лет спустя я бы об этом даже не вспомнила. Но на следующее утро я не ушла, а значит, это превратилось в нечто большее. С каждым днем наша первая ночь повторялась вновь и вновь. Именно это и есть любовь с первого взгляда. Ее нельзя назвать любовью с первого взгляда, пока ты не проводишь с человеком достаточно много времени, чтобы она *превратилась* в любовь с первого взгляда.

Мы не выходили из его квартиры три дня.

Мы заказывали китайскую еду. И трахались. Заказывали пиццу. И трахались. Смотрели телевизор. И трахались.

В понедельник мы оба отпросились с работы, сказавшись больными, и ко вторнику я стала одержима. Одержима его смехом, его членом, его ртом, его умениями, его историями, его руками, его уверенностью, его добротой, новой и постоянной необходимостью доставлять ему удовольствие.

Мне было *нужно* доставлять ему удовольствие.

Мне было *нужно*, чтобы благодаря мне он улыбался, дышал, вставал по утрам.

И какое-то время так и было. Он любил меня сильнее, чем что-либо или кого-либо. Я стала для него единственной причиной жить дальше.

Пока он не узнал, что есть кое-что важнее меня.

Такое ощущение, что я залезла в ящик с нижним бельем Верити и теперь копаюсь в шелке и кружевах. Я прекрасно понимаю, что не должна была это читать. Я приехала сюда не для этого. Но...

Опускаю рукопись на диван и просто на нее пялюсь. У меня столько вопросов к Верити. Вопросов, которых я не могу ей задать – а Джереми, вероятно, отвечать на них не захочет. Мне нужно узнать ее получше, чтобы понять ее образ мыслей, а автобиография – лучший источник ответов. Особенно эта, столь откровенная.

Я чувствую, что это меня отвлекает, а отвлекаться не следует. Я должна найти, что ищу, и перестать путаться под ногами у этой семьи. Им уже пришлось пройти через многое, и им ни к чему назойливый гость, копающийся в нижнем белье.

Подхожу к гигантскому письменному столу и беру телефон. Уже двенадцатый час. Я начала работать около семи вечера, но не ожидала, что уже так поздно. Я даже не слышала никаких посторонних звуков. Словно кабинет звукоизолирован.

Черт, возможно, так и есть. Если бы я могла позволить себе звукоизолированный кабинет.

Хочу есть.

Странное чувство – хотеть есть в незнакомом доме. Но Джереми сказал, что все в моем распоряжении, поэтому я направляюсь на кухню.

Но далеко не уйду. Я замираю, как только открываю дверь кабинета.

Кабинет точно звукоизолирован, или я бы услышала этот звук. Он доносится сверху, и мне приходится полностью замереть, чтобы на нем сосредоточиться. И молиться, что это вовсе не то, чем кажется.

Тихо и осторожно приближаюсь к лестнице – и действительно, звук доносится со стороны комнаты Верити. Скрип кровати. *Монотонный* скрип – такой звук издает кровать, когда мужчина залезает на женщину.

Боже мой. Прикрываю рот дрожащими пальцами. *Нет, нет, нет!*

Я однажды читала об этом статью. Женщина попала в автокатастрофу и находилась в коме. Она жила в лечебнице, и каждый день к ней приезжал муж. Персонал заподозрил, что он занимается с ней сексом, несмотря на кому, и они установили скрытые камеры. Мужчину арестовали за изнасилование, поскольку его жена была неспособна дать согласие.

Как и Верити.

Я должна что-то сделать. *Но что?*

– Шумно, знаю.

Делаю резкий вдох, поворачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с Джереми.

– Если мешает, могу выключить, – предлагает он.

– Ты меня напугал, – выдыхаю я. С облегчением поняв, что слышала вовсе не то, что думала. Джереми смотрит мне через плечо, наверх, откуда исходит звук.

– Это ее кровать. Каждые два часа поднимаются разные части матраса. Разгружает точки давления.

Чувствую, как по шее расплзается смущение. И молюсь богу, чтобы он не догадался, о чем я подумала. Кладу руку на грудь, чтобы спрятать красноту – я знаю, кожа там покраснела. У меня светлая кожа, и каждый раз, когда я нервничаю, на взводе или смущаюсь, она выдает меня, покрываясь ярко-красными пятнами. Мне хотелось бы осесть на пышный, дорогой ковер и исчезнуть.

Прочищаю горло.

– Надо же, есть такие кровати?

Мне бы пригодилась такая, когда я ухаживала за мамой. Двигать ее самостоятельно было настоящим мучением.

– Да, но они неприлично дорогие. Новая стоит несколько тысяч и даже не входит в страховку.

Я задыхаюсь, услышав цену.

– Я подогреваю еду, – сообщает он. – Хочешь есть?

– Вообще-то как раз шла на кухню.

Джереми идет обратно.

– Это пицца.

– Отлично.

Ненавижу пиццу.

Джереми подходит к микроволновке как раз в тот момент, когда срабатывает таймер. Достает тарелку с пиццей, протягивает мне и готовит себе новую тарелку.

– Как идет работа?

– Хорошо, – отвечаю я. Достая из холодильника бутылку воды и сажусь за стол. – Хотя ты был прав. Там очень много материала. Займет несколько дней.

Прислонившись к столешнице, он ждет, пока разогреется пицца.

– Предпочитаешь работать по ночам?

– Да. Сижу допоздна и, чаще всего, поздно просыпаюсь по утрам.

Надеюсь, это не проблема.

– Наоборот. Я и сам сова. Сиделка Верити уходит по вечерам и возвращается в семь утра, поэтому я не сплю до полуночи, чтобы дать Верити ночные лекарства. А утром передаю ее сиделке.

Он достает тарелку из микроволновки и ставит на стол напротив меня.

Я даже не могу смотреть ему в глаза. Как только я его вижу, то сразу могу думать только о той части рукописи Верити, где она описывает, как он запустил руку ей между ног в «Стейк энд Шейк». *Господи, мне не следовало это читать.* Теперь я буду краснеть каждый раз, когда на него смотрю. И руки у него очень красивые, что отнюдь не исправляет ситуацию.

Нужно сменить направление мыслей.

Немедленно.

– Она говорила с тобой о своем цикле? О том, что произойдет с персонажами? О концовке?

– Если и говорила, я не вспомню, – признается Джереми, опустив взгляд на тарелку. Он рассеянно двигает кусок пиццы по тарелке. – До аварии она уже довольно долгое время ничего не писала. И даже не говорила о писательстве.

– Как давно произошла авария?

Я уже знаю ответ, но не хочу признаваться, что прочитала его семейную историю в Гугле.

– Вскоре после смерти Харпер. На какое-то время ее погрузили в медицинскую кому, потом направили на несколько недель в центр интенсивной реабилитации. Она вернулась домой всего несколько недель назад.

Он съедает еще кусок. Мне неудобно говорить на эту тему, но его разговор, похоже, не смущает.

– Перед смертью мамы я ухаживала за ней, одна. У меня нет братьев или сестер, поэтому я знаю, как это нелегко.

– Да, *нелегко*, – соглашается он. – Кстати, сочувствую насчет мамы. Не уверен, что я сказал тебе это тогда, в туалете кафе.

Я улыбаюсь, но ничего не отвечаю. Я не хочу, чтобы он про нее спрашивал. Я хочу сосредоточиться на нем и Верити.

Снова вспоминаю рукопись, потому что, хотя мы едва знакомы с мужчиной, сидящим напротив меня, у меня создается ощущение, что я его знаю. Как минимум знаю таким, каким его описала Верити.

Интересно, как у них сложилась семейная жизнь и почему она закончила первую главу тем предложением. *«Пока он не узнал, что есть*

кое-что важнее меня».

Зловещая фраза. Словно Верити готовила читателя, что в следующей главе раскроет какую-то ужасную, темную тайну про этого человека. А может, это просто прием, и она расскажет, что он святой, и их дети оказались для него важнее, чем она.

В любом случае я умираю от нетерпения и хочу приступить к следующей главе, а не сидеть и пялиться на Джереми. И меня раздражает, что сейчас, когда у меня столько хлопот, я хочу одного – свернуться на диване и читать о семейной жизни Джереми и Верити. Из-за этого я чувствую себя немного жалкой.

Возможно, роман даже не про них. Я знаю писательницу, которая призналась, что использует в каждой рукописи имя мужа, пока не придумает имя для персонажа. Возможно, так поступает и Верити. Возможно, это очередное художественное произведение, а имя Джереми просто заполняет пробелы.

Похоже, есть только один способ выяснить, правду ли я читаю.

– Как вы с Верити познакомились?

Джереми отправляет в рот пеперони и ухмыляется.

– На вечеринке, – говорит он, откинувшись на спинку стула. Наконец он не выглядит грустным. – На ней было самое потрясающее платье, что я видел. Красное, и такое длинное, что даже немного касалось пола. *Господи*, она была прекрасна, – говорит он с легкой тоской. – Мы ушли вместе. Когда я вышел на улицу, то увидел припаркованный лимузин, открыл дверь, мы залезли внутрь и немного поболтали. Пока не пришел водитель, и мне не пришлось признать, что лимузин не мной.

Я не должна всего этого знать, поэтому заставляю себя рассмеяться.

– Он был не твой?

– Нет. Я просто хотел произвести на нее впечатление. После этого нам пришлось бежать, водитель здорово рассердился.

Он по-прежнему улыбается, словно вернулся в тот вечер с Верити и ее сексуальным красным платьем.

– После этого мы стали неразделимы.

Мне нелегко ему улыбаться. Улыбаться *им*. Думать, какими счастливыми они казались тогда, и видеть, во что превратилась их жизнь теперь. Интересно, есть ли в ее автобиографии подробное объяснение, как они попали из точки А в точку Б? В самом начале она упоминает смерть Частин. А значит, она написала ее, или, по крайней мере, *дополнила*, после первой большой трагедии. Интересно, как долго она над ней работала?

– Когда вы познакомились, Верити уже была писателем?

– Нет, она еще училась в колледже. Это случилось позднее – она написала первую книгу, когда мне пришлось на несколько месяцев уехать по работе в Лос-Анджелес. Думаю, так она коротала время, дожидаясь моего возвращения. Сначала ей отказало несколько издательств, но потом рукопись продалась, и сразу... Все случилось так быстро. Наша жизнь изменилась буквально в одночасье.

– Как она справлялась со славой?

– Думаю, мне это далось тяжелее, чем ей.

– Потому что ты предпочитаешь оставаться в тени?

– Так заметно?

Пожимаю плечами.

– Я тоже интроверт.

Он смеется.

– Верити не совсем обычный писатель. Она любит внимание. Модные вечеринки. А мне там всегда некомфортно. Мне нравится быть дома, с детьми. – Выражение его лица слегка меняется, когда он понимает, что говорит о девочках в настоящем времени. – С Крю, – поправляется он. Качает головой и кладет ладони на шею, словно потягивается. Или словно ему неловко. – Тяжело иногда вспоминать, что их больше нет, – тихо признается он, глядя сквозь меня в пустоту. – Я все еще нахожу их волосы на диване. Носки в сушилке. Иногда я окликаю их, потому что хочу им что-то показать и забыл, что они уже не прибегут ко мне по ступенькам.

Я пристально за ним наблюдаю, потому что все еще сомневаюсь. Я пишу романы в жанре саспенс. И знаю: когда возникают подозрительные ситуации, их практически всегда сопровождают подозрительные люди. Я разрываюсь между желанием побольше узнать о том, что случилось с девочками, и желанием уйти, причем как можно скорее.

Но сейчас я смотрю не на мужчину, который устраивает представление, чтобы вызвать сочувствие. Я смотрю на мужчину, который впервые стал откровенен.

И мне хочется сделать то же самое.

– Мама умерла совсем недавно, но я понимаю, о чем ты. Каждое утро в ту первую неделю я вставала и готовила ей завтрак и только потом вспоминала, что есть его уже некому.

ДжерEMI опускает руки на стол.

– Интересно, как долго это продлится. Или теперь так будет всегда.

– Думаю, время определенно поможет, но, возможно, не повредит и подумать о переезде. В доме, где они никогда не жили, будет возникать гораздо меньше воспоминаний. Их отсутствие станет нормой.

Он проводит рукой по щетине на подбородке.

– Не уверен, что мне нужна норма, где нет никаких следов Харпер и Частин.

– Да, – соглашаюсь я. – Понимаю.

Он смотрит мне в глаза, но молчит. Иногда люди смотрят друг на друга так долго, что становится не по себе. Приходится отводить взгляд.

И я отвожу.

Смотрю на тарелку и провожу пальцем по волнистому краю. Казалось, его взгляд проник гораздо глубже моих глаз, в самые мысли. И даже, хотя он этого не хотел, ощущения очень интимные. Когда Джереми на меня смотрит, создается ощущение, что он изучает меня до самых глубин.

– Пойду работать дальше, – почти шепотом говорю я.

Несколько секунд он не двигается с места, но потом выпрямляется, быстро пододвигая стул, словно только вышел из транса.

– Да, – говорит он, встает и начинает собирать тарелки, – а я подготавливаю лекарства для Верити.

Относит посуду в раковину и, когда я выхожу из кухни, произносит:

– Спокойной ночи, Лоу.

Когда я слышу, как он меня назвал, мое *спокойной ночи* застревает в горле. Улыбнувшись, я покидаю кухню и спешу вернуться в кабинет Верити.

Чем больше времени я повожу в компании Джереми, тем сильнее мне хочется снова углубиться в ту рукопись и узнать его еще лучше.

Беру ее с дивана, выключаю свет в кабинете Верити и забираю рукопись к себе в комнату. Дверь не запирается, и я передвигаю к ней деревянный сундук от кровати, блокируя выход.

После целого дня дороги я очень устала и мне нужно принять душ, но перед сном можно успеть прочитать хотя бы одну главу.

Нужно.

Глава вторая

Я могла бы написать целые романы о первых двух годах наших отношений, но они бы не продавались. Между мной и Джереми было недостаточно драмы. Мы почти не ссорились. Никаких трагедий. Два года между нами царили исключительно приторная любовь и обожание.

Я. Была. Им. *Захвачена.*

Одержима им.

Сомневаюсь, что эту ситуацию можно было назвать здоровой – настолько я стала от него зависима. И, на самом деле, зависима *до сих пор*. Но когда мы находим того, благодаря кому исчезает весь негатив в нашей жизни, очень тяжело не впасть в зависимость от этого человека. Я нуждалась в Джереми, тогда моя душа оставалась живой. Когда мы только повстречались, она была изголодавшейся и истощенной, но его присутствие меня излечило. Иногда я чувствовала, что если его не будет рядом, я не смогу существовать.

Мы встречались почти два года, когда его на время перевели в Лос-Анджелес. Тогда мы только съехались – неофициально. Я сказала неофициально, потому что в какой-то момент просто перестала возвращаться домой. Перестала оплачивать счета и аренду. И только спустя два месяца после того, как я полностью съехала, Джереми узнал, что у меня больше нет квартиры.

Однажды вечером он предложил мне переехать к нему – во время секса. Иногда он так делает. Принимает важные решения о нашей жизни, пока меня трахает.

– Переезжай ко мне, – сказал он, медленно в меня проникая. И опустил губами к моим губам. – Расторгни договор.

– Не могу, – прошептала я.

Он замер и отстранился, чтобы на меня посмотреть.

– Почему нет?

Я опустила руки вниз по его спине, побуждая его продолжить движение.

– Потому что я расторгла его два месяца назад.

Он снова замер, пристально глядя на меня своими насыщенно-зелеными глазами с такими черными ресницами, что я ожидала почувствовать вкус лакрицы, когда их целовала.

– Мы уже *живем* вместе? – спросил он.

Я кивнула, понимая, что он реагирует совсем иначе, чем я надеялась. Он словно остолбенел.

Мне нужно было исправить ситуацию – перевести разговор в другое русло. Дать ему понять, что ничего особенного не произошло.

– Мне казалось, что я сказала тебе.

Он вышел из меня, словно наказывая.

– Ты *не* сказала мне, что мы живем вместе. Я бы это запомнил.

Я поднялась и села перед ним на колени, лицом к лицу. Провела ногтями по обеим сторонам его подбородка и приблизилась губами к его губам.

– Джереми, – прошептала я. – За последние полгода я не провела дома ни одной ночи. Мы живем вместе уже какое-то время.

Я взяла его за плечи и опрокинула на спину. Его голова опустилась на подушку, и я хотела лечь сверху и его поцеловать, но он, казалось, немного злился. Словно хотел обсудить этот вопрос, который я считала закрытым.

Я *не хотела* больше говорить. Я просто хотела, чтобы он довел меня до оргазма.

Поэтому я села на его лицо и опустилась на его язык. Почувствовав, как его руки схватили меня за зад, притягивая к губам, я запрокинула от наслаждения голову. *Именно поэтому я к тебе переехала, Джереми.*

Я наклонилась вперед, схватилась за спинку его кровати и впилась в нее зубами, сдерживая крики.

И разговор был окончен.

Я была счастливее, чем когда-либо в жизни, пока его не перевели в Лос-Анджелес. Конечно, это было лишь временно, но нельзя отнимать у кого-то единственное средство выживания и ожидать, что этот «кто-то» сможет существовать дальше.

В любом случае, я почувствовала себя именно так – словно меня оторвали от единственного источника, питающего мою душу. Конечно, иногда я получала небольшие порции, когда он звонил мне по телефону или по видеосвязи, но одинокие ночи в нашей кровати были ужасны.

Иногда я садилась на подушку, кусала спинку кровати и трогала себя, представляя, что он подо мной. Но потом, достигнув оргазма, я падала обратно в пустую кровать и пялилась в потолок, задаваясь вопросом, как я вообще выжила в те годы своей жизни, когда рядом не было его.

Разумеется, я не могла признаться ему в этих мыслях. Пусть я и была им одержима, но любой женщине известно: если она хочет навсегда удержать мужчину, она должна вести себя так, словно сможет забыть его за один день.

Именно тогда я и стала писателем.

Мои дни наполнились мыслями о Джереми, и если бы я не придумала, как заполнить их мыслями о чем-то другом, пока он не вернется, я боялась, что не выдержу и не смогу скрывать, насколько меня убивает его отсутствие. Я создала вымышленного Джереми и назвала его Лейн. Когда я скучала по Джереми, то писала главу про Лейна. И следующие несколько месяцев моя жизнь стала меньше посвящена Джереми и больше – вымышленному персонажу. Который, по сути, по-прежнему был Джереми. Но писать об этом, вместо того чтобы просто сходить с ума, казалось более продуктивным.

Я написала целый роман за те несколько месяцев, пока его не было. Когда он появился у входной двери, чтобы сделать мне сюрприз неожиданным возвращением, я только закончила редактировать последнюю страницу.

Это была судьба.

Я поприветствовала его минетом. И впервые все проглотила. Настолько счастлива я была его видеть.

Проглотив, я повела себя как истинная леди и улыбнулась ему. Он по-прежнему стоял у входной двери, полностью одетый, только джинсы были спущены до колен. Я встала, поцеловала его в щеку и сказала:

– Сейчас вернусь.

Добравшись до ванной, я заперла за собой дверь, включила в раковине воду, и меня вырвало в унитаз. Когда я позволила ему кончить себе в рот, я не подозревала, как много его спермы там окажется. Как долго мне придется глотать. Нелегко было сохранить самообладание, пока его член затапливал мою глотку.

Я почистила зубы, вернулась в спальню и обнаружила, что он сидит за моим рабочим столом. У него в руках было несколько страниц моей рукописи.

– Это ты написала? – спросил он, повернувшись ко мне на стуле.

– Да, но я не хочу, чтобы ты это читал, – я почувствовала, как начинают потеть ладони, вытерла их о живот и подошла к нему. Когда я дернулась вперед, чтобы схватить бумаги, он резко встал. И поднял их высоко над головой, чтобы я не могла достать.

– Почему мне нельзя прочитать?

Я подпрыгнула, пытаясь опустить его руку и дотянуться до страниц.

– Это еще недоработано.

– Все нормально, – заверил он, делая шаг назад. – Я все равно хочу прочитать.

– Но я не хочу, чтобы ты это читал.

Он схватил остальную часть рукописи и прижал к груди. Он всерьез вознамерился ее прочесть, и мне нужно было непременно его остановить. Я не знала, насколько хорошо у меня получилось, и боялась – ужасно боялась, – что он будет меня меньше любить, если подумает, что я бездарно пишу. Я вскочила на кровать и бросилась ему наперерез, но он проскочил в мою ванную и заперся изнутри.

Я начала стучаться кулаками в дверь.

– Джереми! – вопила я.

Нет ответа.

Он игнорировал меня минут десять, пока я пыталась вскрыть дверь кредитной картой. Потом шпилькой для волос. Потом обещаниями повторного минета.

Прошло еще пятнадцать минут, когда он наконец подал голос.

– Верити?

В этот момент я сидела на полу, прижавшись спиной в двери ванной.

– Что?

– Очень хорошо.

Я не ответила.

– Правда, хорошо. Я очень тобой горжусь.

Я улыбнулась.

Я впервые познала, каково это – когда читатель наслаждается тем, что я для него создала. Из-за этого единственного комментария, милого и простого, мне захотелось, чтобы он продолжил чтение. После этого я оставила его в покое. Залезла в нашу кровать, свернулась под одеялом и заснула с улыбкой на лице.

Он разбудил меня два часа спустя. Его губы коснулись моего плеча, пальцы провели невидимую линию вдоль талии, опускаясь к бедру. Он прижался ко мне сзади и принял мою форму. Как же я скучала...

– Ты проснулась? – прошептал он.

Я мягко застонала, давая понять, что да.

Он поцеловал меня за ухом и сказал:

– Ты охренительная.

Сомневаюсь, что я улыбалась так широко когда-либо прежде. Он перевернул меня на спину и убрал волосы с моего лица.

– Надеюсь, ты готова.

– К чему?

– К славе.

Я рассмеялась, но он оставался серьезен. Он снял штаны и стянул мои трусики. Проникнув в меня, он сказал:

– Думаешь, я шучу? – Поцеловал меня и продолжил: – Твое творчество сделает тебя знаменитой. У тебя невероятный ум. Я бы отымел его, если б мог.

Мой смех перемешался со стоном, он продолжал заниматься со мной любовью.

– Ты говоришь так, потому что правда в это веришь? Или потому что ты меня любишь?

Он ответил не сразу. Движения стали медленными, неторопливыми. Взгляд пристальным.

– Выходи за меня, Верити.

Я не отреагировала – решила, что мне, возможно, послышалось. *Он действительно только что предложил мне выйти за него замуж?* Судя по выражению его лица, в тот момент он был влюблен в меня сильнее, чем когда-либо прежде. Я должна была сразу же ответить «да», ведь этого желало мое сердце. Но вместо этого я спросила:

– Почему?

– Потому что, – ухмыльнулся он. – Я твой главный фанат.

Я рассмеялась, но потом его улыбка исчезла, и он начал меня трахать. Быстрыми, мощными движениями – он знал, что они сводят меня с ума. Спинка кровати билась об стену, и подушка выскакивала у меня из-под головы.

– Выходи за меня, – попросил он снова, его язык оказался у меня во рту, и мы разделили первый за это время настоящий поцелуй.

В тот момент мы так остро нуждались друг в друге, а нашим губам было так сложно удержаться вместе из-за движения тел, что поцелуй получился влажным и болезненным, и я прошептала:

– Хорошо.

– Спасибо, – выдохнул он едва слышно. И продолжил заниматься любовью со мной, *его невестой*, пока мы не покрылись потом, и я почувствовала привкус крови во рту, потому что он случайно прикусил мою губу. Или я прикусила его. Точно я не знала, но это стало неважно, потому что теперь его кровь была моей кровью.

Когда он наконец кончил, он сделал это внутри меня, без презерватива, пока его язык был у меня во рту, его дыхание скользило по моему горлу, и моя вечность переплелась с его вечностью.

Потом он потянулся к джинсам, лежавшим на полу. Снова залез на меня, поднял мою руку и надел мне на палец кольцо.

Он заранее все спланировал.

Я даже не посмотрела на кольцо. Я закинула руки за голову и закрыла глаза, потому что его рука оказалась у меня между ног, и я знала – он хочет посмотреть, как я кончу.

И я кончила.

Следующие два месяца мы вспоминали тот вечер как вечер нашей помолвки. Два месяца я улыбалась каждый раз, когда смотрела на кольцо. Два месяца у меня на глазах выступали слезы, когда я представляла нашу свадьбу. И нашу *брачную ночь*.

Но потом оказалось, что *вечер нашей помолвки* стал *вечером зачатия*.

И теперь начнется реальность. Самая суть моей автобиографии. Тот

самый момент, когда другие писатели выставили бы себя в лучшем свете, а не залезли в рентгеновский аппарат.

Но там, куда мы отправимся, света нет. И это последнее предупреждение.

Впереди тьма.

Плюс кабинета Верити – вид из окон. Стекла возвышаются с пола до самого потолка. И никаких преград. Просто огромные сплошные стекла, через которые видно все. *Кто их моет?* Я пытаюсь найти хоть какое-нибудь пятнышко или пыль.

Минус кабинета Верити – *тоже* вид из этих окон. Сиделка поставила коляску Верити на задней веранде, прямо перед кабинетом. Я вижу ее профиль, она сидит лицом на запад. Сегодня прекрасная погода, сиделка сидит перед Верити и читает ей книгу. Верити пялится в пустоту, и я задаюсь вопросом – осознает ли она хоть что-нибудь? И если да, то насколько много?

Ветер колышет ее тонкие волосы, словно с прядями играют призрачные пальцы.

Когда я смотрю на нее, начинаю сочувствовать еще сильнее. И поэтому я не хочу на нее смотреть, но с такими окнами это невозможно. Я не слышу, что именно читает ей сиделка – возможно, окна звуконепроницаемы, как и остальная часть кабинета. Но я знаю, они там, и поэтому мне сложно сосредоточиться на работе, не поднимая взгляда каждые несколько минут.

Пока мне не удалось найти практически никаких заметок по серии, но я просмотрела только часть материала. Я решила, что лучше потратить сегодняшнее утро на беглое чтение первой и второй книги и заметки о каждом персонаже. Я создаю для себя систему заметок, потому что мне нужно знать этих персонажей так же хорошо, как их знает Верити. Знать, что ими движет, какая у них история.

Замечаю за окном какое-то движение. Поднимаю взгляд и вижу, что сиделка уходит в сторону задней двери. Несколько секунд наблюдаю за Верити, пытаюсь определить, отреагирует ли она как-то на то, что ей перестали читать. Она неподвижна. Руки на коленях, голова опущена набок, словно ее мозг не способен даже послать сигнал, что нужно выпрямиться, пока не заболела шея.

Умной и талантливой Верити больше нет. Неужели ту аварию пережило только тело? Словно она яйцо, сломанное и разлитое, и остались только крошечные фрагменты твердой скорлупы.

Снова опускаю взгляд на стол и пытаюсь сосредоточиться. Но невольно задаюсь вопросом, как Джереми со всем этим справляется.

Внешне от тверд как камень, но внутри *должна* быть пустота. Грустно думать, что теперь это его жизнь. Уход за яичной скорлупой без желтка.

Звучит жестоко.

Я стараюсь не быть жестокой. Просто... Не знаю. У меня ощущение, что всем было бы лучше, если бы она не пережила аварию. Сразу чувствую себя виноватой за эту мысль, но потом вспоминаю последние месяцы, которые я провела, ухаживая за мамой. Я знаю, что мама предпочла бы смерть той мучительной недееспособности, на которую ее обрек рак. Но так прошло лишь несколько месяцев ее жизни... Моей жизни. А у Джереми такой будет *вся* жизнь. Ему придется ухаживать за женой, которая больше не жена. Быть привязанным к дому, который больше не дом. И я не могу представить, чтобы Верити желала ему такой жизни. Не могу представить, чтобы она желала такой жизни *себе*. Она даже не может разговаривать или играть с собственным ребенком.

Молюсь, чтобы она это не осознавала, ради ее же блага. Представить не могу, насколько ей может быть тяжело, если ее разум прежний, но из-за повреждений мозга она не в состоянии проявить себя физически, не способна реагировать, взаимодействовать или выражать собственные мысли.

Снова поднимаю голову.

Она смотрит прямо на меня.

Я вскакиваю, и стул откатывается назад по деревянному полу. Верити смотрит сквозь стекло прямо на меня, повернув голову, глядя мне в глаза. Подношу руку ко рту и делаю шаг назад; я чувствую угрозу.

Я хочу исчезнуть из ее поля зрения и крадусь вправо, в сторону двери. Несколько мгновений мне не удастся скрыться от ее взгляда. Она, как Мона Лиза, наблюдает за мной, пока я иду по комнате. Но когда я дохожу до двери кабинета, зрительный контакт разрывается.

Ее взгляд меня не преследовал.

Опускаю руку и прислоняюсь к стене, наблюдая, как Эйприл возвращается на улицу с полотенцем. Она вытирает подбородок Верити и берет у нее с колен маленькую подушечку, чтобы приподнять голову, проложив ее между плечом и щекой. Теперь Верити больше не заглядывает в окно.

– Черт, – шепчу я в пустоту.

Я боюсь женщины, которая едва шевелится и даже не может разговаривать. Женщины, которая не способна самостоятельно повернуть голову и на кого-то посмотреть и тем более установить пристальный зрительный контакт.

Мне нужно воды.

Открываю дверь, но вскрикиваю от неожиданности, когда у меня за спиной начинает звонить телефон.

Черт подери. Ненавижу адреналин. Пульс скачет с бешеной скоростью, но я выдыхаю и пытаюсь успокоиться, прежде чем ответить. Звонят с незнакомого номера.

– Алло?

– Мисс Эшли?

– Это я.

– Это Донован Бэйкер из «Криквуд апартментс». Вы подавали заявку несколько дней назад?

Какое облегчение, теперь мне есть на что отвлечься. Возвращаюсь к окну и вижу, что сиделка повернула стул Верити, и теперь я вижу только ее затылок.

– Да, чем могу помочь?

– Я звоню, потому что сегодня мы рассмотрели вашу заявку. К сожалению, мы обнаружили, что недавно вас выселяли, и поэтому не можем одобрить заявку на квартиру.

Уже? Я же съехала всего несколько дней назад.

– Но ведь вы уже приняли мою заявку. Я должна переехать на следующей неделе.

– Вообще-то это был только *предварительный* этап. Окончательно заявку мы рассмотрели только сегодня. Мы не принимаем заявки с недавними выселениями. Надеюсь, вы нас понимаете.

Сжимаю ладонью шею. Деньги я получу недели через две, не раньше.

– Пожалуйста, – упрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал не так жалко, как себя ощущаю. – Раньше я никогда не задерживала выплату аренды. Я только что получила новую работу, и если вы позволите мне въехать сейчас, я оплачу аренду за год вперед. Клянусь.

– Вы еще можете подать апелляцию, – говорит он. – Это займет несколько недель, но бывает, апелляции удовлетворяют ввиду исключительных обстоятельств.

– У меня нет нескольких недель. Я уже съехала с предыдущей квартиры.

– Мне очень жаль, – говорит он. – Я отправлю вам наше решение по электронной почте, и внизу письма будет контактный номер для подачи апелляции. Хорошего дня, мисс Эшли.

Он заканчивает разговор, но я по-прежнему прижимаю телефон ухом к плечу. И надеюсь, что вот-вот проснусь от этого кошмара. *Спасибо, мама.*

Какого черта мне теперь делать?

В дверь кабинета мягко стучат. Я вздрагиваю и поворачиваюсь. *Ну что за день такой.* На пороге стоит Джереми и смотрит на меня с глубоким сочувствием.

Я оставила дверь открытой, когда зазвонил телефон. Возможно, он слышал весь разговор. В список прилагательных за сегодняшний день можно добавить слово «опозоренная».

Кладу телефон на стол Верити и падаю в ее стул.

– Моя жизнь не всегда была таким провалом.

Он тихо смеется и заходит в комнату.

– Как и моя.

Я ценю это замечание. Опускаю взгляд на телефон.

– Все в порядке. Я разберусь.

– Я могу одолжить тебе денег, пока не поступит аванс. Придется снимать их со счета нашего фонда, но через три дня они уже будут здесь.

Я еще в жизни так не смущалась, и я знаю, что он это видит, потому что я буквально сжимаюсь в комок, наклонившись над столом и закрыв лицо руками.

– Очень мило, но я не возьму у тебя денег.

Какое-то время он молчит, потом опускается на диван. Расслабленно садится, наклонившись вперед и сложив ладони.

– Тогда оставайся здесь, пока аванс не поступит на счет. Ждать придется недели две, не больше.

Он осматривает кабинет и видит, как много я *не сделала* с тех пор, как вчера приехала.

– Мы не против. Ты совсем не помешаешь.

Качаю головой, но он перебивает меня.

– Лоуэн. Ты согласилась на непростую работу. И лучше ты потратишь здесь много времени на подготовку, чем вернешься завтра в Нью-Йорк и поймешь, что нужно было остаться подольше.

Мне действительно нужно больше времени. Но две недели в *этом* доме? С женщиной, которая меня пугает, с рукописью, которую мне читать не следует, и мужчиной, про которого я знаю слишком много интимных подробностей?

Не самая лучшая идея.

Снова начинаю мотать головой, но он поднимает руку.

– Хватит деликатности. Хватит смущения. Просто скажи «хорошо».

Смотрю на коробки, выстроившиеся вдоль стены у него за спиной. Коробки, к которым я еще не прикасалась. А потом думаю, что если я

проведу здесь две недели, у меня будет время прочитать каждую ее опубликованную книгу, сделать по ним заметки и, возможно, – набросать план трех новых.

Вздыхаю и с некоторым облегчением уступаю.

– *Хорошо.*

Он улыбается, потом встает и идет к двери.

– Спасибо, – добавляю я.

Джереми поворачивается ко мне. И я жалею, что не дала ему просто уйти – могу поклясться, я вижу на его лице следы сожаления. Он открывает рот, словно хочет сказать «Не за что!» или «Без проблем». Но потом просто закрывает рот, выдавливает улыбку и уходит прочь, закрыв за собой дверь.

* * *

Днем Джереми сказал мне, что я должна выйти на улицу, прежде чем солнце скроется за горами. *«Ты поймешь, почему Верити хотела иметь беспрепятственный обзор из своего кабинета».*

Я захватила на заднюю веранду одну из ее книг, чтобы почитать. Там стоит около десятка стульев, и я выбираю место за уличным столиком. Джереми и Крю внизу, у воды, снимают старые доски с причала. Очень милое зрелище – Джереми передает деревяшки Крю. Тот складывает их в большую кучу, а потом берет у отца новые. Джереми каждый раз приходится его ждать, потому что Крю относит их дальше, чем Джереми отрывает новые. Доказательство родительского терпения.

Он немного напоминает мне моего отца. Папа умер, когда мне было девять, но кажется, я никогда не видела его сердитым. Даже на мою мать, с ее ехидными замечаниями и взрывным характером. Хотя иногда меня это возмущало. Я воспринимала его терпение как слабость, когда дело касалось ее.

Продолжаю наблюдать за Крю и Джереми между попытками закончить главу. Но соображать становится трудновато, потому что несколько минут назад Джереми снял рубашку, и хотя я уже видела его без рубашки, я никогда не видела его без майки. После двух часов работы у причала его кожа взмокла от пота. Когда он бьет по дереву молотком, у него на спине напрягаются мускулы, и я сразу вспоминаю последнюю главу Верити. Там было столько интимных деталей об их сексуальной жизни, которая, судя по прочитанному, была очень активной. Куда более активной, чем в любых моих отношениях.

Теперь мне тяжело смотреть на него и *не думать о сексе*. Нельзя сказать, что я хочу заняться с ним сексом. *И нельзя сказать, что не хочу*. Просто как писатель я знаю, что он стал вдохновением для нескольких персонажей книг Верити. И возникает вопрос, следует ли мне вдохновляться им для оставшейся части цикла. То есть... Это не худший вариант. Заставить себя встать на место Верити и представлять Джереми во время работы ближайшие двадцать четыре месяца.

Хлопает дверь, и я отрываю от Джереми взгляд. На веранде стоит Эйприл и смотрит на меня. Ее глаза следуют за мой взглядом и снова возвращаются ко мне. Она видела. Видела, как я рассматриваю нового босса. Какой стыд.

Как долго она наблюдала, пока я на него пялилась? Мне хочется спрятать за книгой лицо, но вместо этого я улыбаюсь, будто не сделала ничего дурного. Ведь я *и не сделала*.

– Я уезжаю, – говорит Эйприл. – Я уложила Верити в кровать и включила ей телевизор. Она поужинала и приняла таблетки, если он вдруг спросит.

Не знаю, зачем она это мне рассказывает, ведь я посторонний человек.

– Хорошо. Доброго вечера.

Она не желает мне доброго вечера в ответ. Возвращается в дом и снова закрывает за собой дверь. Минуту спустя я слышу гудение мотора ее машины – она выезжает на дорогу и исчезает среди деревьев. Снова наблюдаю за Джереми и Крю, Джереми отрывает очередную деревяшку.

Крю смотрит на меня, стоя возле кучи дерева с разобранного рыбацкого причала. Улыбается и машет рукой. Поднимаю руку, чтобы помахать в ответ, но сжимаю пальцы в мягкий кулак, когда понимаю, что Крю машет не мне. Он смотрит куда-то над моей головой, вправо.

Он смотрит на окно спальни Верити.

Оборачиваюсь и смотрю вверх, и в этот момент в ее спальне опускается штора. Бросаю ее книгу на столик, перевернув при этом бутылку воды. Встаю и делаю еще три шага назад, чтобы лучше разглядеть окно, но там никого нет. У меня открывается рот. Я снова смотрю на Крю, но он возвращается обратно к причалу и берет у Джереми еще один кусок древесины.

Видимо, мне мерещится.

Но почему он махал ее окну? Если ее там не было, почему он махал?

Нет, ерунда. Если бы она выглядывала в окно, реакция Крю была бы куда более бурной, если учесть, что она не ходит и не говорит с момента аварии.

А может, он не понимает, что если его мама подойдет к окну, это будет чудом. Ему всего пять. Опускаю взгляд на книгу, теперь залитую водой, беру ее и стряхиваю капли. Порывисто выдыхаю: кажется, весь день я была на грани. Несомненно, мне еще немного не по себе после того, как я подумала, что Верити смотрит на меня, и поэтому я списала все на движение штор.

Отчасти мне хочется об этом забыть, запереться в кабинете и работать весь оставшийся вечер. Но я знаю, что не смогу этого сделать, пока не удостоверюсь, что увиденное мне померещилось.

Оставляю открытую книгу сушиться на уличном столике и иду в дом, к лестнице. Как можно тише. Не знаю точно почему, но я чувствую, что нужно вести себя тихо, если я хочу подсмотреть за Верити. Вполне возможно, она мало что понимает, так какая разница, дам ли я знать заранее о своем приближении? Тихонько поднимаюсь по ступеням и иду по коридору, к двери ее спальни.

Дверь слегка приоткрыта, и мне видно окно, выходящее на задний двор. Прижимаю ладонь к двери и начинаю открывать ее. Прикусив нижнюю губу, просовываю голову в комнату.

Верити лежит в кровати с закрытыми глазами, руки вытянуты вдоль тела поверх одеяла.

Выдыхаю с облегчением и чувствую еще большее облегчение, когда открываю дверь немного шире и вижу работающий вентилятор, который вращается между кроватью Верити и окном во двор. Каждый раз, когда он поворачивается к окну, двигается занавеска.

Выдыхаю еще громче. *Это был чертов вентилятор. Возьми себя в руки, Лоуэн.*

Выключаю вентилятор – в помещении слегка прохладно. Вообще странно, что Эйприл его оставила включенным. Снова бросаю взгляд на Верити, но она по-прежнему спит. Подойдя к двери, я останавливаюсь. И смотрю на комод, на котором лежит пульт. Потом поднимаю взгляд на телевизор, висящий на стене.

Он не работает.

Эйприл сказала, что включила телевизор перед уходом, но телевизор не работает.

Я даже не оборачиваюсь на Верити. Я захлопываю дверь и сбегая вниз по ступеням.

Больше я туда не пойду. Я себя накручиваю. Самый беспомощный человек в этом доме пугает меня сильнее всех. Это абсолютно бессмысленно. Она *не смотрела* на меня сквозь окно кабинета. Она *не*

стояла у окна, глядя на Крю. И она *не выключала* телевизор. Возможно, сработал таймер или Эйприл случайно нажала кнопку дважды, и на самом деле он не включился.

Несмотря на уверенность, что все происходит исключительно в моей голове, я все равно возвращаюсь в кабинет Верити, закрываю дверь и беру новую главу ее автобиографии. Возможно, дальнейшее чтение ее истории убедит меня, что она безвредна, и *мне наконец нужно расслабиться*.

Глава третья

Я поняла, что беременна, потому что моя грудь стала выглядеть лучше, чем когда-либо.

Я очень слежу за собственным телом – что в него попадает, чем его питать, как держать его в тонусе. Когда я росла, я видела, как расширяется талия моей матери из-за лени, и поэтому занимаюсь каждый день, а иногда дважды.

Я очень рано поняла, что человек не однороден. Мы состоим из двух частей, которые делают нас единым целым.

У нас есть сознание, которое включает в себя разум, душу и все нематериальное.

И у нас есть физическое естество, механизм, необходимый сознанию для выживания.

Если ты испоганишь механизм, ты умрешь. Если ты не будешь заботиться о механизме, ты умрешь. Если ты считаешь, будто сознание способно пережить механизм, то умрешь вскоре после того, как уяснишь свою ошибку.

На самом деле это очень просто. Заботиться о физическом естестве. Кормить его тем, что ему *нужно*, а не тем, что подсказывает сознание. Поддаваться вредоносным для тела страстям разума – словно быть слабохарактерным родителем, поддающимся ребенку. *«Ой, у тебя был тяжелый день? Хочешь съесть всю коробку печенья? Хорошо, дорогая. Ешь. И можешь запить газировкой»*.

Заботиться о теле – все равно что заботиться о ребенке. Иногда это тяжело, иногда это выматывает, иногда тебе хочется сдаться, но если ты сдашься, то будешь платить за последствия ближайшие восемнадцать лет.

С моей мамой все так и вышло. Она заботилась обо мне так же, как заботилась о собственном теле. *Очень мало*. Иногда я задаюсь вопросом – она по-прежнему толстая? По-прежнему не заботится о механизме? Ответа

мне не узнать. Я не разговаривала с ней много лет.

Но мне не интересно рассуждать о женщине, которая предпочла больше никогда не говорить обо мне. Я здесь, чтобы обсудить первое, что украл у меня мой ребенок.

ДжерEMI.

Сначала я не заметила кражи.

Сначала, когда мы узнали, что *вечер нашей помолвки* стал *вечером зачатия*, я была искренне счастлива. Была счастлива, потому что был счастлив ДжерEMI. И в тот период, когда моя грудь выглядела лучше, чем когда-либо, я не понимала, сколь губительной станет беременность для машины, исправность которой я с таким трудом поддерживала.

Примерно на третьем месяце, через несколько недель после того, как я обнаружила, что беременна, я начала замечать перемены. Сначала появилась крошечная выпуклость. Я только что вышла из душа и стояла перед зеркалом, глядя на себя в профиль. Приложив ладонь к животу, я почувствовала нечто инородное, и живот начал слегка выпирать.

Я испытала отвращение. Поклялась начать заниматься три раза в день. Я видела, что может сделать с женщиной беременность, но еще я знала, что основной ущерб телу наносится в третьем триместре. Если выяснить, как можно вызвать преждевременные роды – возможно, на тридцать третьей или тридцать пятой неделе, я могла бы избежать самого разрушительного этапа беременности. Сейчас такой продвинутый медицинский уход, дети, рожденные на этом сроке, почти всегда остаются живыми и здоровыми.

– Вау.

Я опустила руку и посмотрела в сторону двери. Там стоял ДжерEMI, прислонившись к проему и сложив руки на груди. Он мне улыбался.

– Начинает выпирать.

– Вовсе нет, – я втянула живот.

Он рассмеялся, подошел и обнял меня сзади. Положил руки мне на живот, повернул к себе, поцеловал и повел спиной вперед к столешнице. Посадил меня и встал между ног.

Он был полностью одет, только вернулся с работы. Я была полностью раздета, только из душа. Между нами были только его штаны и мой живот, который я по-прежнему пыталась втянуть.

Он начал трахать меня на столешнице в ванной, но закончили мы в постели.

Его голова лежала у меня на груди, и он чертил круги по моему животу, когда тот громко заурчал. Я попыталась скрыть звук, прочищая горло, но он рассмеялся.

– Кто-то голодный.

Я начала качать головой, но он приподнялся и посмотрел на меня.

– Чего ей хочется?

– Ничего. Я не голодная.

Он снова рассмеялся.

– Не тебе. *Ей*, – объяснил он, погладив меня по животу. – Разве у беременных женщин не должно быть странных пищевых пристрастий и неумеренного аппетита из-за детей? Ты почти не ешь. И у тебя урчит живот, – он сел в кровати. – Я должен накормить своих девочек.

Его *девочек*.

– Ты пока даже не знаешь, девочка ли это.

Он улыбнулся.

– Это девочка. Я чувствую.

Мне захотелось закатить глаза, потому что технически там еще ничего не было. Ни мальчика, ни девочки. Просто комок. Срок был еще небольшой, и предполагать, что растущий во мне ребенок действительно хочет есть или требует определенной еды, было полным абсурдом. Но я не стала выражать свою точку зрения: Джереми испытывал такой восторг от ребенка, что мне было все равно.

Иногда его восторг восторгал *меня*.

Следующие несколько недель его восторг помогал мне справляться. Чем больше рос мой живот, тем внимательнее он становится. Тем чаще целовал его, когда мы вместе лежали ночью в постели.

По утрам он держал мои волосы, пока меня рвало. Когда он был на работе, то присылал варианты имени для будущего ребенка. Он стал одержим моей беременностью, как я была одержима им. Он пошел со мной на первый прием к врачу.

И я благодарна, что он присутствовал и на втором приеме, потому что в тот день мой мир перевернулся.

Близнецы.

Их двое.

В тот день, когда мы вышли от врача, я вела себя очень тихо. Я уже боялась становиться матерью одного ребенка. Что мне придется любить то единственное, что Джереми любит сильнее меня. Но когда я узнала, что их двое и что это *действительно* девочки, я вдруг поняла, что не согласна становиться третьей по важности для Джереми.

Я пыталась выдавливать улыбку, когда он начинал о них говорить. Делала вид, что счастлива, когда он гладил мой живот, но на самом деле испытывала отвращение, ведь он делал это лишь потому, что внутри были

они. Даже если бы я родила раньше срока, это ничего не меняло. Если их двое, мое тело ждет еще больший ущерб. Меня ежедневно потряхивало при мысли, что они обе растут у меня внутри, растягивают мою кожу, портят мою грудь, желудок и, боже упаси, святилище у меня между ног, которому каждую ночь поклонялся Джереми.

Как после такого Джереми еще сможет меня хотеть?

Во время четвертого месяца беременности я начала надеяться на выкидыш. Молилась о крови, когда заходила в ванную. Представляла, что если я потеряю близнецов, то снова стану для Джереми главной ценностью. Он будет обожать меня, поклоняться мне, заботиться обо мне, беспокоиться обо мне, и не из-за того, что растет у меня внутри.

Я принимала снотворное, пока он не видел. Пила вино, когда его не было рядом. Делала все, что могла, лишь бы уничтожить тех, кто хотел его от меня оттеснить, но тщетно. Они продолжали расти. Мой живот продолжал растягиваться.

На пятом месяце мы лежали в кровати на боку. Джереми трахал меня сзади. Его левая рука обхватила мою грудь, а правая лежала на моем животе. Мне не нравилось, когда он трогал мой живот во время секса. Я начинала думать о детях, и настрой сбивался.

Когда он замер, я подумала, что он достиг оргазма, но потом поняла: он перестал двигаться, потому что почувствовал, как двигаются *они*. Он вышел из меня и перевернул меня на спину, прижимая ладонь к животу.

– Ты почувствовала? – спросил он.

Его глаза загорелись от восторга. Он утратил твердость. Причина его восторга была совершенно не связана со мной. Он прижал ухо к моему животу и ждал, пока кто-нибудь из них снова пошевелится.

– Джереми? – прошептала я.

Он поцеловал меня в живот и поднял взгляд.

Я протянула руку и принялась играть прядями его волос.

– Ты их любишь?

Он улыбнулся, потому что подумал, что я хочу услышать «да».

– Я люблю их сильнее всего на свете.

– Сильнее меня?

Он перестал улыбаться. Не отрывая одну руку от живота, он поднялся вверх и просунул ладонь мне под шею.

– Иначе, – ответил он, целуя меня в щеку.

– Иначе, да. Но сильнее? Твоя любовь к ним крепче, чем любовь ко мне?

Он пристально посмотрел мне в глаза, и я надеялась, что он

рассмеется и ответит: «Конечно, нет». Но он не рассмеялся. Он посмотрел на меня с абсолютной честностью и признался:

– Да.

Правда? Его ответ раздавил меня. Задушил. Убил.

– Но ведь так и должно быть, – продолжил он. – А что? Ты чувствуешь себя виноватой, потому что любишь их сильнее меня?

Я не ответила. Он правда думал, что я любила их сильнее, чем любила его? Я ведь их даже *не знала*.

– Не нужно себя корить, – утешал меня Джереми. – Я хочу, чтобы ты любила их сильнее, чем меня. Наша любовь друг к другу условна. Любовь к ним – нет.

– Моя любовь к тебе безусловна, – возразила я.

Он улыбнулся.

– Нет. Я могу сделать вещи, за которые ты меня никогда не простишь. Но ты всегда простишь собственных детей.

Он ошибался. Я не могла простить их за их существование. Я не могла простить их за то, что они сдвинули меня на третье место. Я не могла простить их за отобранный у нас *вечер нашей помолвки*.

Они еще не родились, но уже забирали то, что когда-то принадлежало мне.

– Верити, – прошептал Джереми и вытер слезу, упавшую из моего глаза. – Ты в порядке?

Я покачала головой.

– Просто не могу поверить, что ты их уже так любишь, хотя они еще даже не родились.

– Знаю, – с улыбкой ответил он.

Он ошибочно принял мои слова за комплимент. Снова опустил голову мне на грудь и прикоснулся к животу.

– Когда они родятся, я совсем размякну.

Он что, собирается плакать?

Он *никогда* не плакал из-за меня.

Возможно, мы недостаточно ссорились.

– Мне нужно в ванную, – прошептала я. Просто чтобы убраться подальше от него и любви, которую он направлял куда угодно, только не на меня.

Он поцеловал меня, и когда я слезла с кровати, повернулся ко мне спиной, забыв, что мы так и не закончили секс.

Он заснул, пока я сидела в ванной, пытаюсь абортить его дочерей проволоочной вешалкой. Я потратила на это полчаса, пока не начало сводить

живот и по ногам не потекла кровь. Я была уверена, она не остановится.

Потом я залезла в кровать, дожидаясь выкидыша. У меня дрожали руки. Ноги онемели от сидения на корточках. Болел живот, к горлу подкатывала рвота, но я не двигалась, потому что хотела быть с ним в постели, когда все случится. Хотела разбудить его, безумно напуганная, и показать кровь. Хотела, чтобы он запаниковал, испугался, пожалел меня, заплакал из-за меня.

Заплакал из-за *меня*.

Бросаю последнюю страницу главы.

Она опускается на отполированный деревянный пол и исчезает под столом, словно пытаюсь от меня скрыться. Я сразу падаю на колени, ищу ее, кладу обратно в стопку страниц, которые хочу спрятать. Я... Я даже не...

Я по-прежнему стою на коленях посреди кабинета Верити, когда на глазах выступают слезы. Они не текут, я сдерживаю их глубокими вдохами, сосредоточившись на мучительной боли в коленях, чтобы отвлечься от мыслей. Я даже не знаю, грусть это или гнев. Могу только сказать, что это было написано совершенно больной женщиной – женщиной, в доме которой я сейчас живу. Медленно поднимаю голову и смотрю на потолок. Она сейчас там, на втором этаже, спит, или ест, или безучастно пялится в одну точку. Я чувствую, что она наблюдает за мной, не одобряя моего присутствия.

И вдруг я понимаю, что все это – несомненная правда.

Мать бы не стала писать такого о себе – о своих дочерях, – если бы это не было правдой. Матери, у которой никогда не было подобных мыслей и чувств, такое бы даже в голову не пришло. Неважно, насколько Верити хорошо пишет; она бы никогда не скомпрометировала себя как мать, рассказав такие ужасные вещи, если бы действительно этого не испытала.

Меня переполняют тревога, грусть, страх. Если она это сделала – если она действительно пыталась убить их в приступе материнской ревности, – на что еще она способна?

Что случилось с этими девочками на самом деле?

Немного подумав, я прячу рукопись в ящик стола, на самое дно, под остальные вещи. Не хочу, чтобы на нее случайно наткнулся Джереми. И прежде чем уехать отсюда, я ее уничтожу. Представить не могу, что он испытает, если ее прочтет. Он скорбит из-за смерти дочерей. Страшно представить, что будет, если он узнает, что они погибли от рук собственной матери.

Дай бог, она стала лучшей матерью после их рождения, но, честно говоря, я слишком шокирована, чтобы читать дальше. Не уверена, что я вообще хочу читать дальше.

Я хочу выпить. Не воды, не соды и не фруктового сока. Иду на кухню и открываю холодильник, но вина там нет. Открываю шкафы над холодильником, но там тоже никакого спиртного. Ящик под раковиной

пуст. Снова лезу в холодильник, но вижу лишь маленькие упаковки фруктового сока для Крю и бутылки воды, которые мне ничем не помогут.

– Ты в порядке?

Оборачиваюсь и вижу, что за обеденным столом сидит Джереми. Перед ним лежат бумаги, и он смотрит на меня с беспокойством.

– У вас в доме есть какой-нибудь алкоголь?

Я кладу руки на бедра, пытаюсь скрыть дрожь в пальцах. *Он не подозревает, какой она была на самом деле.*

Несколько мгновений Джереми меня разглядывает, а потом идет в кладовку. На верхней полке стоит бутылка виски.

– Садись, – предлагает он, на лице по-прежнему отражается беспокойство. Он наблюдает, как я сажусь за стол и опускаю голову в ладони.

Я слышу, как он открывает банку газировки и мешает ее с алкоголем. Через несколько мгновений он ставит передо мной напиток. Я с такой скоростью подношу его к губам, что несколько капель падает на стол. Джереми снова садится на стул и пристально смотрит мне в глаза.

– Лоуэн, – начинает он, наблюдая, как я пытаюсь проглотить виски с колой и сохранить невозмутимый вид. Но морщусь, потому что напиток жжет. – Что случилось?

Ну, Джереми, давай обсудим. Твоя ненормальная жена смотрела мне в глаза. Она подошла к окну своей спальни и помахала вашему сыну. Она пыталась абортить ваших детей, пока ты мирно спал в кровати.

– Твоя жена... – отвечаю я. – Ее книги. Я просто... Там был страшный эпизод, он меня встревожил.

Какое-то время он смотрит на меня безо всякого выражения. А потом начинает смеяться.

– Серьезно? Дело в книге?

Пожимаю плечами и делаю еще один глоток.

– Она прекрасно пишет. А меня, видимо, легко напугать.

– Но ты работаешь в том же жанре, что и она.

– Иногда меня пугают даже собственные книги, – лгу я.

– Возможно, тебе стоит переключиться на романтику.

– После этого контракта – несомненно.

Он снова смеется, качает головой и начинает собирать со стола бумаги.

– Ты пропустила ужин. Если хочешь, он еще теплый.

– Хочу. Мне нужно поесть.

Возможно, это поможет мне успокоиться. Несу свой напиток к плите, где стоит куриная запеканка, покрытая фольгой. Накладываю еду на

тарелку, беру из холодильника воду и снова сажусь за стол.

– Это ты приготовил?

– Ага.

Откусываю кусочек.

– Очень вкусно, – говорю с набитым ртом.

– Спасибо, – он по-прежнему на меня смотрит, но теперь скорее с весельем, чем с беспокойством. Я очень рада, что мне удалось его развеселить. Мне бы тоже хотелось развлечься, но только что прочитанное вызывает у меня вопросы насчет Верити. Ее состояния. Ее честности.

– Могу я задать вопрос?

Джереми кивает.

– Если я лезу не в свое дело, так и скажи. Но есть ли шанс, что Верити полностью выздоровеет?

Он качает головой.

– Врачи не верят, что она сможет снова ходить или говорить, если этого не произошло до сих пор.

– Она парализована?

– Нет, позвоночник в порядке. Но ее разум... Теперь похож на разум младенца. У нее есть базовые рефлексy. Она ест, пьет, моргает, немного двигается. Но все это неосознанно. Я надеюсь, что со временем ей станет немного лучше, но...

Джереми отводит взгляд в сторону лестницы, когда слышит, что вниз спускается Крю. Мальчик появляется в пижаме с Человеком-пауком и запрыгивает Джереми на колени.

Крю. Когда я читала, я забыла про Крю. Если Верити ненавидела тех девочек после рождения так же сильно, как ненавидела их в утробе, она никак не могла согласиться на еще одного ребенка.

А значит, она все-таки установила с ними связь. Возможно, именно поэтому она все и написала – потому что в конце концов полюбила их так же сильно, как и Джереми. Возможно, описание собственных мыслей во время беременности приносило Верити облегчение. Как церковная исповедь.

Эта мысль успокаивает меня, как и слова Джереми о ее травмах. У нее физические и умственные способности младенца. А я напридумывала всякой ерунды.

Крю опускает голову Джереми на плечо. У него в руках айпад, а Джереми что-то читает в телефоне. Они смотрятся очень мило.

Я слишком заиклилась на негативе, связанном с этой семьей, нужно помнить, что остаются и положительные моменты. И это, несомненно,

связь Джереми с сыном. Крю его любит. Хохочет рядом с ним. Ему хорошо с папой. А Джереми не боится проявлять чувства, он только что чмокнул Крю в висок.

– Ты почистил зубы? – спрашивает Джереми.

– Ага, – отвечает мальчик.

Джереми встает, без усилий поднимая Крю.

– Значит, пора в постель, – он перебрасывает Крю через плечо. – Скажи Лоре спокойной ночи.

Крю машет мне рукой, Джереми поворачивает за угол и исчезает на лестнице.

Я обращаю внимание, что он использует мой будущий псевдоним, когда есть кто-то еще, но называет меня Лоуэн, когда мы вдвоем. И еще я обращаю внимание, насколько мне это нравится. А я *не хочу*, чтобы мне это нравилось.

Доедаю остатки ужина и мою в раковине посуду, пока Джереми остается с Крю наверху. Закончив, чувствую себя немного лучше. Не знаю, в чем именно дело – в алкоголе, еде или догадке, что, возможно, Верити написала ту ужасную главу, потому что за ней последует гораздо лучшая. Та, в которой она поймет, каким благословением стали для нее ее девочки.

Выхожу с кухни, и мой взгляд привлекают несколько семейных фотографий, висящих на стене в коридоре. Останавливаюсь, чтобы их рассмотреть. Большинство снимков – с детьми, но на некоторых есть только Верити и Джереми. Девочки удивительно похожи на мать, а Крю пошел в отца.

Они были такой красивой семьей, что на эти фотографии даже грустно смотреть. Я разглядываю каждую из них, заметив, насколько легко отличить друг от друга девочек. У одной широкая улыбка и маленький шрам на щеке. Другая улыбается редко.

Поднимаю руку и прикасаюсь к снимку девочки со шрамом на щеке. Интересно, как давно он у нее? Откуда появился? Иду вдоль ряда снимков к гораздо более ранней фотографии, где близняшки еще совсем маленькие. У улыбчивой есть шрам даже на этом снимке, значит, она получила его совсем рано.

Джереми спускается вниз и останавливается рядом со мной. Я показываю на близняшку со шрамом.

– Это кто?

– Частин, – говорит он. Потом показывает на другую. – А это Харпер.

– Они так похожи на Верити.

Я не смотрю на него, но краем глаза замечаю, что он кивает.

– Откуда у Частин шрам?

– Она с ним родилась, – говорит Джереми. – Доктор сказал, это шрам от фиброзной ткани. Не редкость, особенно у близнецов, потому что им не хватает места.

Смотрю на него, гадая, правда ли это. Или, возможно, каким-то образом так сказалась неудачная попытка аборта Верити.

– У обеих девочек была аллергия на одно и то же? – спрашиваю я.

И сразу подношу руку ко рту и сжимаю челюсть, сожалея о сказанном. Я могла узнать, что у одной из них была аллергия на арахис, только если читала о ее гибели. И теперь он знает, что я читала о гибели его дочери.

– Прости, Джереми.

– Все нормально, – тихо отвечает он. – И нет, только у Частин. На арахис.

Он не развивает тему, но я чувствую на себе его взгляд. Поворачиваю голову, и наши глаза встречаются. Потом он смотрит вниз, на мою руку. Бережно поднимает ее и переворачивает.

– Откуда у тебя это? – спрашивает он и проводит большим пальцем по шраму на моей ладони.

Я сжимаю руку в кулак, но не потому, что пытаюсь спрятать шрам. Он стал почти незаметным, я редко о нем вспоминаю. Я приучила себя о нем не думать. Я прячу его из-за прикосновения Джереми – его палец словно прожег дыру в моей руке.

– Не помню, – быстро говорю я. – Спасибо за ужин. Пойду в душ.

Иду мимо него в хозяйскую спальню. Он уступает мне путь. Добравшись до комнаты, я быстро открываю дверь, так же быстро закрываю ее и прижимаюсь к ней спиной изнутри, пытаюсь заставить себя расслабиться.

Нельзя сказать, что мне неудобно в его присутствии. Джереми Кроуфорд – хороший человек. Возможно, дело в рукописи, потому что я не сомневаюсь – он бы смог поровну разделить любовь между женой и тремя детьми. Он не сдерживает чувств, даже сейчас. Даже когда его жена буквально обездвижена, он продолжает ее самоотверженно любить.

Он из тех мужчин, что могут легко привлечь женщину вроде Верити, но я не уверена, что когда-либо смогу понять, как Верити могла быть настолько им поглощена и одержима, что появление их общего ребенка могло разбудить в ней такую ревность.

Но я понимаю ее влечение к нему. Понимаю лучше, чем мне хотелось бы.

Когда я отхожу от двери, что-то тянет меня за волосы и не пускает. Какого черта? Мои волосы за что-то зацепились. Освобождаюсь и оборачиваюсь, чтобы посмотреть, в чем дело.

Замок.

Видимо, его установили сегодня. Джереми и правда очень внимательный. Протягиваю руку и запираю дверь.

Интересно, Джереми думает, что мне понадобился замок, потому что я чувствую себя здесь недостаточно безопасно? Надеюсь, что нет, потому что замок нужен вовсе не для этого. Я хотела замок, чтобы обезопасить их от себя.

Иду в ванную и включаю свет. Разглядываю собственные руки, провожу пальцами по шраму.

Когда моя мать застала мои сомнамбулические хождения первые несколько раз, она забеспокоилась. Отвела меня на лечение, надеясь, что это поможет лучше снотворного. Мой доктор сказал, что важно отгородить меня от окружающей среды. Например, создать препятствия, которые мне будет трудно преодолеть во сне. Замок на двери моей спальни стал одним из таких препятствий.

И хотя я почти уверена, что заперла его перед сном тогда, много лет назад, это не объясняет, почему на следующее утро я проснулась со сломанным запястьем, вся покрытая кровью.

Я решаю, что больше не буду читать рукопись Верити. Прошло два дня с тех пор, как я прочла о попытке аборта, и рукопись по-прежнему лежит на дне ящика ее стола, спрятанная и нетронутая. Но я ее чувствую. Она живет в кабинете Верити вместе со мной, слабо дышит под хламом, которым я ее завалила. Чем больше я читаю, тем тревожнее мне становится. Тем сложнее сосредоточиться. Я не говорю, что никогда не дочитаю ее, но пока я не продвинусь в работе, мне нельзя отвлекаться.

Я заметила, что теперь, когда я прекратила ее читать, присутствие Верити пугает меня гораздо меньше, чем несколько дней назад. Вчера я вышла немного проветриться после долгого рабочего дня в кабинете и обнаружила Верити с сиделкой за общим столом с Джереми и Крю. Первые несколько дней я была в кабинете, когда они ужинали, и поэтому не знала, что они сажают ее за стол, когда едят. Я не хотела мешать, поэтому вернулась обратно в кабинет.

Сегодня пришла другая сиделка. Ее зовут Мирна. Чуть старше Эйприл, полная и бодрая, с двумя розовыми пятнами на щеках, из-за которых она напоминает старую куклу-пупса. И она сразу нравится мне гораздо больше, чем Эйприл. Хотя, честно говоря, Эйприл нельзя назвать *неприятной*. Но я чувствую, она не доверяет мне в отношении Джереми. Или Джереми в отношении меня. Не знаю точно, чем именно ее напрягает мое присутствие, но понимаю, что она защищает свою пациентку и осуждает другую женщину, которая поселилась в ее доме. Уверена, она считает, что мы с Джереми каждый вечер запираемся в хозяйской спальне после ее ухода. *Жаль, что она ошибается.*

Мирна работает по пятницам и субботам, Эйприл – остальную часть недели. Сегодня пятница, и хотя я рассчитывала переехать в этот день в новую квартиру, я рада, что все так обернулось. Я бы уехала неподготовленной. Дополнительное время меня спасло. За последние два дня я осилила еще две книги серии и получила огромное наслаждение. Потрясающе, как Верити всегда удается писать с точки зрения антагониста. И я уже чувствую, в каком мне нужно двигаться направлении. Но на всякий случай продолжаю искать заметки.

Я сижу на полу и перебираю содержимое очередной коробки, когда приходит сообщение от Кори.

Кори: «Пантем» выпустили сегодня утром пресс-релиз, в котором представили тебя в качестве нового соавтора в серии Верити. Отправил ссылку тебе на почту, если ты вдруг захочешь взглянуть.

Когда я захожу в почтовый ящик, в дверь кабинета кто-то стучит.

– Заходите.

Джереми приоткрывает дверь и заглядывает внутрь.

– Привет. Я еду в «Таргет» купить продукты. Если составишь список, могу захватить, что тебе нужно.

Мне нужно несколько вещей. В том числе тампоны, хотя месячные должны закончиться уже через пару дней. Я просто не ожидала, что пробуду здесь так долго, и взяла с собой недостаточно. Но не уверена, что готова просить об этом Джереми. Встаю, отряхивая джинсы.

– Ты не против, если я поеду с тобой? Так было бы проще.

Джереми открывает дверь чуть шире и отвечает:

– Конечно, нет. Выезжаем минут через десять.

* * *

Джереми сидит за рулем темно-серого джипа «Вранглер» с большими колесами, покрытыми грязью. Я его ни разу не видела, потому что он стоял в гараже, но я совсем не ожидала, что Джереми водит такую машину. Я предполагала, у него «Кадиллак СТХ» или «Ауди А8». То, что обычно водят мужчины в костюмах. Сама не знаю, почему воспринимаю его как профессионального, опрятного бизнесмена со дня нашей встречи. Этот мужчина постоянно носит джинсы или спортивные брюки, работает на улице и оставляет у задней двери грязные ботинки. Джип «Вранглер» подходит ему лучше любого автомобиля.

Мы проезжаем примерно полмили, когда он выключает радио.

– Видела сегодняшний пресс-релиз «Пантема»? – спрашивает он.

Достаю из сумочки телефон.

– Кори прислал мне ссылку, но я забыла прочитать.

– Там всего одно предложение, в «Пабlishерс уикли», – рассказывает Джереми. – Лаконично и мило. Как ты и хотела.

Открываю почту и перехожу по ссылке. Но она ведет не на сайт «Пабlishерс уикли». Кори отправил мне ссылку на объявление, сделанное

в социальной сети на странице Верити Кроуфорд ее пиар-командой.

«Пантем Пресс» с радостью сообщает, что оставшиеся романы в серии «Добродетели» будут написаны в соавторстве с писательницей Лорой Чейз. Верити в восторге от сотрудничества с Лорой и грядущей совместной работы над незабываемым завершением серии.

Верити в восторге? Ха! Ну, теперь я хотя бы знаю, что публичным объявлениям верить не стоит. Начинаю читать комментарии.

- Черт подери, кто такая Лора Чейз?
- ПОЧЕМУ ВЕРИТИ ОТДАЕТ СВОЕ ДИТЯ КОМУ-ТО ЕЩЕ?
- Нет. Нет, нет, нет.
- Так всегда и бывает, да? Заурядный писатель достигает успеха и нанимает худшего писателя, чтобы тот работал за нее?

Опускаю телефон, но этого недостаточно. Выключаю звук, прячу аппарат в сумочку и закрываю ее на молнию.

– Люди жестоки, – бормочу я.

Джереми смеется.

– Никогда не читай комментарии. Верити научила меня этому еще много лет назад.

Мне никогда не приходилось иметь дело с комментариями, потому что я никогда не проявляла особой активности в интернете.

– Буду знать.

Когда мы подъезжаем к магазину, Джереми выпрыгивает из джипа и обегает машину, чтобы открыть мне дверь. Мне становится неловко, потому что я не привыкла к такому обращению, но, возможно, Джереми было бы еще неудобнее, если бы он позволил мне открыть дверь самостоятельно. Он именно такой, каким его описала Верити в своей автобиографии.

Впервые в жизни мужчина открыл мне дверь. *Черт.* Насколько это плохо?

Когда он берет меня за руку и помогает выйти из джипа, я напрягаюсь, потому что не могу предотвратить собственной реакции на его прикосновение. Я хочу большего, хотя не должна хотеть вообще.

Чувствует ли он рядом со мной то же самое?

Секс был недоступен для него уже довольно долгое время, и у меня возникает вопрос, насколько Джереми по нему скучает.

Наверное, приспособиться к такому непросто. Когда изначально брак строится, похоже, главным образом на сексе, а потом секс исчезает из него за одну ночь.

Почему я думаю о его сексуальной жизни, когда мы заходим в «Таргет»?

– Готовить любишь? – интересуется Джереми.

– Нельзя сказать, что *не люблю*. Просто я всегда жила одна и делаю это не слишком часто.

Он берет тележку, и я иду с ним в продуктовый отдел.

– Какая у тебя любимая еда?

– Тако.

Он смеется.

– Ничего сложного.

Он собирает овощи, нужные для тако. Я предлагаю приготовить как-нибудь вечером спагетти. Это единственное блюдо, про которое я могу уверенно сказать, что готовлю его хорошо.

Он подходит к стеллажу с соками, когда я говорю ему, что мне нужно кое-что не из продуктового отдела и я скоро вернусь. Беру тампоны, но и другие вещи, чтобы бросить в тележку вместе с ними – шампунь, носки и несколько футболок, потому что я с собой почти ничего не привезла.

Не знаю, почему я так смущаюсь покупать тампоны. Несомненно, ему уже приходилось их видеть. А зная Джереми, он вероятно не единожды покупал их для Верити. Мне кажется, он из тех мужей, кто делает это не задумываясь.

Нахожу Джереми, но когда подхожу ближе, то замечаю, что рядом с ним две женщины, которые отошли от тележек, чтобы с ним поговорить. Он прижимается спиной к витрине с мороженым, словно хочет растаять и исчезнуть. Я вижу только их затылки, но когда глаза Джереми встречаются мои, блондинка оборачивается посмотреть, что привлекло его внимания. Брюнетка кажется более приятной, но лишь пока не смотрит на меня. Ее взгляд моментально меняет мое мнение.

Я подхожу к тележке, как к дикому животному – опасно и осторожно. Положить ли покупки в тележку, или это будет неловко? Решаю выложить вещи в верхнюю корзину, ясно давая понять: *мы вместе, но не вместе*. Обе незнакомки смотрят на меня, и их брови синхронно поднимаются все выше с каждым выложенным в корзину предметом.

Блондинка, которая стоит ближе к Джереми, пялится на мои тампоны. Потом поднимает взгляд на меня и наклоняет голову набок.

– А вы?

– Это Лора Чейз, – отвечает Джереми. – Лора, это Патриция и Кэролайн.

Блондинка выглядит так, словно ей вручили свежую чашечку чая со сплетнями.

– Мы подруги Верити, – объясняет Патриция. Она посылает мне подчеркнуто снисходительный взгляд. – Кстати, Верити должно быть лучше, раз к ней приехала подруга, – она смотрит на Джереми, дожидаясь объяснений. – Или Лора *твоя* подруга?

– Лора приехала из Нью-Йорка. Она работает с Верити.

Патриция улыбается и хмыкает одновременно, и снова обращается ко мне:

– Как именно можно работать с писателем? Я всегда считала, это скорее индивидуальная работа.

– Так обычно и думают люди, не связанные с литературой, – вмешивается Джереми. И кивает, обозначая конец беседы. – Хорошего вечера, дамы.

Он начинает толкать тележку, но Патриция опускает на нее руку.

– Передавай Верити от меня привет и что мы надеемся на ее скорейшее выздоровление.

– Обязательно, – отвечает Джереми, проходя мимо нее. – Привет Шерману.

Патриция морщится.

– Моего мужа зовут Уильям.

Джереми кивает.

– Ой. Точно. Я их путаю.

Уходя, я слышу, как Патриция фыркает нам вслед. Когда мы сворачиваем в следующий ряд, я спрашиваю:

– Гм. Кто такой Шерман?

– Парень, с которым она спит за спиной у мужа.

Я смотрю на него с изумлением. Он улыбается.

– Господи Иисусе, – посмеиваюсь я. Когда мы подходим к кассе, я все еще продолжаю улыбаться. Не знаю, видела ли я когда-нибудь столь эпичный подкол.

Джереми начинает выкладывать покупки на ленту кассы.

– Возможно, мне не следовало опускаться на ее уровень, но я не выношу ханжей.

– Да, но без ханжей не было бы эпичных кармических моментов вроде того, что я только что наблюдала.

Джерemi достает из тележки остатки продуктов. Я пытаюсь отложить свои отдельно, но он отказывается позволить мне заплатить за себя самостоятельно.

Я не могу отвести от него глаз, пока он расплачивается картой. Я что-то чувствую. Не знаю точно, что именно. Влюбленность? Ну да, все логично. Я *вполне могу* влюбиться в человека, который так предан своей больной жене, что ослеп и не видит никого и ничего вокруг. Он даже не способен увидеть, кто такая на самом деле его жена.

Лоуэн Эшли влюбляется в недоступного мужчину, у которого еще больше проблем, чем у нее самой.

Вот это действительно карма.

Я приехала всего пять дней назад, но кажется, что я здесь гораздо дольше. Дни здесь тянутся долго, не то что в Нью-Йорке.

Утром я слышала, как Мирна рассказывала Джереми, что у Верити температура, и поэтому сегодня она вообще не спускала ее вниз до своего вечернего ухода. Это меня не расстроило. Это значило, что мне не придется терпеть ее присутствие или смотреть на нее из окна кабинета.

А вот на Джереми я смотрю. Он сидит один на задней веранде и смотрит на озеро, откинувшись назад в кресле-качалке, которое стоит на месте последние десять минут. Джереми абсолютно недвижим, лишь иногда моргает. Он сидит там уже какое-то время.

Хотелось бы мне знать, что за мысли витают у него в голове. Он думает о девочках? О Верити? О том, как круто изменилась его жизнь за последний год? Он не брился уже несколько дней, и щетина становится все гуще. Но она ему идет.

Кладу руки на рабочий стол Верити и опускаю сверху подбородок. И сразу жалею, потому что Джереми замечает мое движение. Поворачивается и смотрит на меня через стекло. Я хочу отвести взгляд, сделать вид, что чем-то занята, но совершенно очевидно, что я на него пялилась – в такой-то позе, положив голову на руки. Если я теперь попытаюсь это скрыть, будет еще хуже, поэтому я просто мягко ему улыбаюсь.

Он не улыбается в ответ, но и не отводит взгляда. Мы поддерживаем зрительный контакт несколько секунд, и я чувствую, как его взгляд все переворачивает у меня внутри. Интересно, что он испытывает, когда я смотрю на *него*.

Он делает медленный вдох, поднимается с кресла и уходит в сторону причала. Там он берет молоток и начинает отдирать оставшиеся доски.

Видимо, ему хотелось посидеть в тишине, чтобы его личное пространство не нарушали Крю, Верити, сиделка или я.

Нужно выпить ксанакс^[1]. Я не принимала его уже больше недели. Меня от него мутит и становится сложно сосредоточиться на писательстве или исследованиях. Но я устала от происшествий в этом доме, от которых у меня бешено ускоряется пульс, как сейчас. Адреналин подскакивает, и я не могу взять себя в руки. Джереми, Верити, книги Верити – что-нибудь обязательно сказывается на моем уровне тревожности. Моя реакция на этот дом и его обитателей мешает сосредоточиться куда сильнее, чем небольшие

побочные явления.

Иду в спальню и ищу в сумочке таблетки. Но, не успев открыть пузырек, слышу вопль со второго этажа.

Крю.

Бросаю пузырек на кровать, вылетаю из комнаты и бегу вверх по ступеням. Я слышу его плач. Звук раздается из комнаты Верити.

Мне очень хочется развернуться и побежать в противоположном направлении, но я понимаю, что он – маленький мальчик, и может быть в беде, и поэтому я иду дальше.

Добравшись до двери, я распахиваю ее, не постучав. Крю лежит на полу и держится за подбородок. Его руки покрыты кровью. Рядом с ним на полу лежит нож.

– Крю? – я опускаюсь, поднимаю его и несу в ванную комнату в конце коридора. Там я сажаю его на столешницу.

– Дай посмотреть.

Отрываю его трясущиеся пальцы от подбородка, чтобы открыть доступ к ране. Она кровоточит, но похоже, не слишком глубокая. Подбородок порезан ровно снизу. Видимо, он упал с ножом в руке.

– Ты порезался ножом?

Крю смотрит на меня, широко распахнув глаза. И качает головой, возможно, пытаясь скрыть, что у него был нож. Уверена, Джереми этого не одобрит.

– Мама говорила, я не должен трогать ее нож.

Я замираю.

– Так сказала твоя мама?

Крю не отвечает.

– Крю, – продолжаю я и беру полотенце. Душа уходит в пятки, но я пытаюсь скрыть страх и мочу полотенце водой. – Твоя мама с тобой разговаривает?

Крю сидит, замерев на месте, и лишь качает головой. Я прижимаю полотенце к его подбородку, когда на лестнице раздаются торопливые шаги Джереми. Видимо, он тоже услышал крик Крю.

– Крю! – окликает он.

– Мы здесь.

Вскоре заходит перепуганный Джереми. Я отхожу в сторону, пропуская его вперед, но по-прежнему прижимаю полотенце к подбородку Крю.

– Ты в порядке, приятель?

Крю кивает, и Джереми берет у меня полотенце. Он наклоняется,

разглядывает рану на подбородке сына и поворачивается ко мне.

– Что случилось?

– Думаю, он порезался. Он был в спальне Верити. На полу лежал нож. Джереми смотрит на Крю, теперь скорее с грустью, чем со страхом.

– Что ты делал с ножом?

Крю качает головой и хлюпает носом, пытаясь перестать плакать.

– Не было у меня ножа. Я просто упал с кровати.

Отчасти я чувствую себя виноватой, что выдала бедного ребенка. И пытаюсь прикрыть его.

– Он не держал его. Я просто увидела нож на полу и предположила, что могло произойти.

Я по-прежнему потрясена словами Крю о Верити и ноже, но напоминаю себе, что все говорят о Верити в настоящем времени. Сиделка, Джереми, Крю. Очевидно, Верити запрещала ему играть с ножами раньше, а я выдумала невесть что.

Джереми открывает аптечку за спиной Крю и достает набор для оказания первой помощи. Когда он закрывает зеркальную дверцу, то смотрит на мое отражение.

– Иди, проверь, – одними губами шепчет он, указывая на дверь кивком головы.

Я выхожу из ванной, но останавливаюсь в коридоре. Не люблю заходить в ту комнату, и неважно, насколько беспомощной кажется Верити. Но я знаю, что у Крю не должно быть доступа к ножу, и поэтому плетусь вперед.

Дверь в комнату Верити по-прежнему широко раскрыта, и я прокрадываюсь внутрь, стараясь ее не разбудить. *Впрочем, разве это возможно?* Прохожу мимо кровати к месту, где сидел на полу Крю.

Ножа нет.

Осматриваюсь вокруг на случай, если я случайно задела нож ногой и он куда-нибудь отлетел, пока я поднимала Крю. По-прежнему не сумев его отыскать, опускаюсь на пол, чтобы проверить под кроватью. Там совершенно пусто, только лежит тонкий слой пыли. Просовываю руку под прикроватную тумбочку, но и там ничего нет.

Я точно видела нож. Я не схожу с ума.

Правда?

Кладу руку на матрас, чтобы подняться с пола, но резко падаю назад, на ладони, поймав на себе взгляд Верити. Ее голова изменила положение, повернувшись вправо, и она смотрит на меня.

Черт подери! Задыхаясь от страха, я пчусь назад, подальше от

кровати. Останавливаюсь в паре метров от нее, и даже хотя она всего лишь слегка повернула голову, от страха мне хочется бежать со всех ног. Я поднимаюсь, опираясь на комод, и начинаю двигаться к двери, не сводя с Верити глаз. Я пытаюсь сдержать ужас, но не уверена, что она не кинется на меня с ножом, поднятым с пола.

Закрываю за собой дверь комнаты и какое-то время стою, сжимая ручку, пока мне не удастся одолеть панику. Я размеренно вдыхаю и выдыхаю пять раз подряд, надеясь, что Джереми не заметит ужаса в моих глазах, когда я вернусь, чтобы рассказать ему, что ножа нет.

Но нож был.

У меня дрожат руки. Я ей не доверяю. Не доверяю этому дому. Хотя мне и нужно держать себя в форме, чтобы хорошо выполнять работу, на следующей неделе я предпочту спать в своей арендованной машине на улицах Бруклина, лишь бы не проводить лишнюю ночь в этом доме.

Растираю шею, пытаюсь снять напряжение, и возвращаюсь в ванную. Джереми перевязывает подбородок Крю.

– Повезло, что не придется зашивать, – говорит он сыну. Потом помогает Крю смыть с рук кровь и отправляет его играть. Мальчик проскакивает мимо меня и возвращается в комнату к Верити.

Мне кажется странным, что ему нравится сидеть на ее кровати и играть в айпад. С другой стороны, он наверняка хочет быть рядом с матерью. *Сколько угодно, приятель. Я вообще не хочу рядом с ней находиться.*

– Ты взяла нож? – спрашивает Джереми, вытирая руки полотенцем.

Я пытаюсь не выдать испуга.

– Не смогла найти его.

Джереми пристально смотрит на меня и уточняет:

– Но ты его видела?

– Я думала, что да. Но, возможно, и нет. Сейчас его там не было.

Джереми выходит из ванной.

– Пойду посмотрю, – он направляется в комнату Верити, но останавливается возле двери и поворачивается ко мне. – Спасибо, что помогла ему, – он игриво улыбается, – я знаю, как много ты сегодня работала, – он подмигивает мне, прежде чем зайти к Верити.

Я закрываю глаза, даже не пытаюсь подавить смущение. *Я это заслужила.* Возможно, он думает, что я только и делаю, что пялюсь в окно кабинета.

Возможно, мне стоит принять два ксанакса.

Когда я возвращаюсь в кабинет к Верити, солнце уже садится, а значит,

Крю скоро отправится в душ и в постель. А Верити останется в своей комнате на ночь. И я буду чувствовать себя в относительной безопасности, потому что по какой-то причине в этом доме я боюсь только Верити. А ночью мне с ней сталкиваться не приходится. И вообще, ночь стала здесь моим любимым временем, потому что в эти часы я меньше всего вижу Верити и больше всего – Джереми.

Не знаю, долго ли я смогу и дальше пытаться убеждать себя, что не влюблена в этого человека. И еще не знаю, долго ли я смогу и дальше пытаться убеждать себя, что Верити лучше, чем она есть на самом деле. Теперь, прочитав все книги серии, я начинаю понимать: ее романы так популярны, потому что она пишет их с точки зрения злодея.

Критики от этого в восторге. Когда я слушала первую аудиокнигу по дороге сюда, мне нравилось, что рассказчик казался немного ненормальным. Я задавалась вопросом, как Верити удавалось так вживаться в разум антагонистов. Но это было до того, как я ее узнала.

Технически я не знаю ее до сих пор, но я знаю Верити, которая написала автобиографию. Оказывается, то, как она написала остальные романы, не было для нее уникальным подходом. В конце концов, говорят же, *пиши, о чем знаешь*. И я начинаю думать, что Верити пишет с точки зрения злодея, потому что она и есть злодей. Она умеет быть только плохой.

Я сама чувствую себя немного злодеем, когда открываю ящик и делаю именно то, что поклялась себе больше не делать: читаю очередную главу.

Глава четвертая

Надо отдать им должное: они боролись за жизнь.

У меня ничего не вышло. Попытка аборта, разные таблетки, «случайное» падение с лестницы. Единственным результатом всех моих стараний стал маленький шрам на щеке одного из младенцев. Шрам, в котором точно виновата я. Шрам, о происхождении которого не мог догадаться Джереми.

Через несколько часов после рождения – *слава богу, кесарево сечение* — к нам в палату пришел педиатр. Я закрыла глаза, делая вид, что сплю, но на самом деле я просто боялась врача. Боялась, что он увидит меня насквозь и поймет, что я понятия не имею, как быть матерью этих существ.

Джереми спросил про шрам, когда доктор уже собирался уходить. Тот отмахнулся и сказал, что однояйцевые близнецы нередко царапают друг

друга в утробе. Джереми возразил:

– Но он слишком глубокий для простой царапины.

– Возможно, это фиброзная ткань. Не беспокойтесь. Со временем он поблекнет.

– Меня не волнует внешний вид, – почти оборонительно пояснил Джереми. – Я боюсь, это может быть что-то более серьезное.

– Не волнуйтесь. Ваши дочери абсолютно здоровы. Обе.

Доктор с медсестрой ушли, и в палате остались только Джереми, девочки и я. Одна из сестер спала в стеклянной люльке – не знаю, как она правильно называется. Джереми держал на руках вторую. Он улыбался ей, когда заметил, что я открыла глаза.

– Привет, мамочка.

Пожалуйста, не называй меня так.

Но я все равно ему улыбнулась. Отцовство ему шло. Он выглядел счастливым. И неважно, что его счастье не имело почти никакого отношения ко мне. Но, даже в своей ревности, я его ценила. Возможно, он из тех отцов, что меняют детям подгузники. Помогают их кормить. Я знала, что со временем начну еще сильнее ценить эту его сторону. Мне просто нужно привыкнуть. Привыкнуть к материнству.

– Принеси мне ту, что со шрамом, – попросила я.

Джереми состроил гримасу, давая понять, что огорчен моим лексическим выбором. Знаю, я выразилась странно, но мы еще их никак не назвали. Шрам был единственной отличительной чертой.

Он принес ее и положил мне на руки. Я посмотрела на девочку. Я ждала потока эмоций, но не почувствовала ничего. Потрогала ее за щеку, провела пальцем по шраму. *Видимо, вешалка была недостаточно крепкой.* Возможно, нужно было использовать что-нибудь потверже. Вязальную спицу? Не факт, что хватило бы длины.

– Доктор сказал, шрам мог получиться из-за царапины, – рассмеялся Джереми. – Они подрались еще до рождения.

Я улыбнулась дочери. Не потому что захотелось, а потому что мне полагалось улыбаться. Я не хотела пробудить в Джереми подозрения, будто я обожаю ее меньше, чем он. Я взяла ее ручку и обернула вокруг своего мизинца.

– Частин, – прошептала я. – Ты получишь лучшее имя, раз сестра так жестоко с тобой обошлась.

– Частин, – повторил Джереми. – Мне нравится.

– И Харпер. Частин и Харпер.

Эти два имени были в списках, которые он мне присылал. И меня

вполне устраивали. Я выбрала их, потому что он упомянул их больше одного раза, а значит, они ему особенно нравились. Возможно, если он увидит, как я стараюсь его любить, он не заметит двух зон, где моей любви не хватает.

Частин заплакала. Она извивалась у меня в руках, и я не знала, что делать. Я начала укачивать ее, но мне стало больно, и я прекратила. Она кричала все громче и громче.

– Возможно, она хочет есть, – предположил Джереми.

Я была так увлечена мыслью, что они не переживут родов после всего, чему я их подвергла, что не особенно думала о том, что же будет дальше. Я знала, что грудное вскармливание – лучший вариант, но совершенно не хотела портить этим свою грудь. Особенно если учесть, что их двое.

– Похоже, кое-кто голоден, – сказала медсестра, с важным видом зайдя в палату. – Вы кормите грудью?

– Нет, – сразу ответила я. Мне хотелось, чтобы она немедленно вышла обратно.

Джереми с тревогой на меня посмотрел.

– Ты уверена?

– Их двое, – ответила я.

Мне не понравилось выражение лица Джереми – словно он был во мне разочарован. И я с ненавистью представила, как все будет. Он всегда на их стороне. Я больше не имею для него значения.

– Это не намного сложнее, чем кормить из бутылочки, – заявила медсестра. – Даже удобнее. Хотите попробовать? Посмотреть, как пойдет?

Я не сводила взгляда с Джереми и ждала, когда он избавит меня от этой пытки. Меня убивало его желание, чтобы я кормила их грудью, когда было столько вполне подходящих альтернатив. Но я кивнула и спустила с плеча ночную рубашку, потому что хотела доставить ему удовольствие. Хотела, чтобы он был счастлив, что я мать его детей, даже если *мне* это счастья не доставляло.

Я оголила грудь и поднесла Частин к соску. Джереми наблюдал. Он видел, как она приникла к соску. Как ее головка задвигалась вперед-назад, маленькие ручки вжались в мою кожу. Он наблюдал, как она начала сосать.

Это было неправильно.

Младенец, сосущий то, что раньше сосал Джереми. Мне не понравилось. Как его сможет привлекать моя грудь, если он будет каждый день видеть, как я кормлю ею детей?

– Больно? – спросил Джереми.

– Не особо.

Он опустил руку мне на голову, убрал с лица волосы.

– Ты выглядишь так, словно тебе больно.

Не больно. Просто отвратительно.

Я наблюдала, как Частин продолжает есть. Желудок сжался, я изо всех сил старалась не показывать ему свое отторжение. Уверена, некоторым матерям это кажется прекрасным. Меня раздражало.

– Я не могу, – прошептала я, откинув голову на подушку.

Джерemi наклонился и забрал Частин с моей груди. Я с облегчением выдохнула.

– Все нормально, – успокоил меня Джерemi. – Мы используем смесь.

– Вы уверены? – спросила медсестра. – Кажется, ей понравилось.

– Определенно. Но мы используем смесь.

Медсестра уступила, сказала, что принесет банку «Симилака», и вышла из палаты.

Я улыбнулась, потому что муж по-прежнему меня поддерживал. Прикрыл меня. Поставил меня в тот момент на первое место, и я этим наслаждалась.

– Спасибо, – сказала я ему.

Он поцеловал Частин в лоб и сел с ней на край моей кровати. Посмотрел на дочь и изумленно покачал головой.

– Почему мне уже так хочется их защищать, хотя мы знакомы всего несколько часов?

Я хотела напомнить ему, что он всегда хотел защищать *меня*, но в тот момент это показалось мне неуместным. Я почти почувствовала, что вторгаюсь в чужое личное пространство. Связь между отцом и дочерьми, частью которой мне стать не суждено. Он уже любил их сильнее, чем когда-либо любил меня. И постепенно должен был занять их сторону, пусть даже я и буду права. Все складывалось гораздо хуже, чем я представляла.

Он поднял руку к лицу и смахнул слезу.

– Ты *плачешь*?

Джерemi резко повернулся ко мне, изумленный моими словами. Я запаниковала. Попыталась исправить ситуацию.

– Я в хорошем смысле, – поправилась я. – Я очень рада, что ты так их любишь.

Внезапное напряжение рассеялось. Он снова посмотрел на Частин и сказал:

– Я никогда никого так не любил. Ты думала, что способна любить так сильно?

Я закатила глаза и подумала: *я уже любила так сильно, Джерemi.*

Тебя. Четыре года. Спасибо, что заметил.

Сама не знаю, чему я удивляюсь, когда убираю рукопись обратно в ящик. Содержимое грохочет, когда я с гневом его захлопываю. *Почему я злюсь?* Это не моя жизнь и не моя семья. Прежде чем приехать, я читала отзывы на работы Верити, и в девяти из десяти читатели признавались, что хотели швырнуть книгу об стену.

Мне хочется сделать то же самое с ее автобиографией. Я надеялась, что она увидела свет с рождением девочек, но этого не произошло. Она увидела лишь еще большую тьму.

Она кажется такой холодной и жесткой, но я не мать. Возможно, многие матери чувствуют сначала такое по отношению к детям? Если да, то они точно в этом не признаются. Это как когда мать уверяет, что у нее нет любимчика среди детей, хотя на самом деле он есть. Матери о таком не говорят. Или об этом невозможно узнать, пока не появятся собственные дети.

А может, Верити просто не заслуживала быть матерью. Иногда я думаю о детях. Мне скоро тридцать два, и сказать, будто меня не беспокоит уходящее время, было бы обманом. Но если когда-нибудь и появится мужчина, от которого я захочу детей, это будет кто-то вроде Джереми. А Верити обижалась на него и не ценила, какой он прекрасный отец.

Любовь Джереми к девочкам казалась искренней с самого начала. И кажется искренней до сих пор. А ведь он потерял их совсем недавно. Я постоянно забываю. Возможно, он еще проходит стадии принятия горя, пока справляется с Верити, проводит время с Крю и заботится, чтобы семейные доходы, к которым они привыкли, не иссякли окончательно. Даже малая доля этого всего может показаться некоторым людям невыносимой. Но он справляется со всем одновременно.

На этой неделе я нашла в кабинете у Верити коробки с фотографиями. Спустила одну на пол, но фотографии пока не смотрела. Кажется, с моей стороны это будет очередным вторжением в личное пространство. Эта семья, во всяком случае, Джереми, доверила мне закончить цикл, а я продолжаю отвлекаться на свою одержимость Верити.

Но если Верити вкладывает в свои книги так много себя, мне действительно нужно узнать ее как можно ближе. Это не праздное любопытство, а исследование. Вот и все. Оправдание готово.

Несу коробку с фотографиями на кухню, открываю крышку и достаю

стопку снимков, задаваясь вопросом, кто их распечатал. В наше время люди не так часто печатают фотографии благодаря изобретению смартфонов. Но здесь столько снимков детей. Кто-то потрудился над тем, чтобы каждая фотография обрела физическую форму. Ставлю на Джереми.

Беру портрет Частин. Крупным планом. Смотрю на ее шрам. Вчера его история никак не выходила у меня из головы, и я полезла в Гугл, чтобы выяснить, может ли попытка аборта действительно навредить ребенку в утробе.

И больше я никогда не стану искать подобные вещи в Гугле. К сожалению, многие дети выживают и рождаются с куда более значительными увечьями, чем просто маленький шрам. Частин действительно оказалась везучей. Как и Харпер.

Ну... До определенного момента.

На лестнице слышатся шаги Джереми. Я даже не пытаюсь спрятать фотографии – сомневаюсь, что он будет против.

Когда он заходит на кухню, я улыбаюсь ему и продолжаю рассматривать снимки. Он медлит по дороге к холодильнику, и его взгляд падает на коробку на столе.

– Мне кажется, если я узнаю ее получше, мне будет легче продолжать ее работу, – объясняю я. И снова опускаю взгляд на снимок Харпер, которая редко улыбается.

Джереми садится рядом со мной и берет одну из фотографий Частин.

– Почему Харпер никогда не улыбалась?

Джереми наклоняется и берет у меня снимок Харпер.

– Ей диагностировали синдром Аспергера, когда ей было три. Она была не слишком экспрессивна.

Он проводит пальцем по фотографии, откладывает ее в сторону и достает из коробки другую. Верити с девочками. И протягивает ее мне. Все трое одеты в одинаковые пижамы. Если Верити и не любила девочек, то на этой фотографии она очень правдоподобно изобразила любовь.

– Последнее Рождество перед рождением Крю, – поясняет он. Достает еще несколько снимков и начинает просматривать. Периодически останавливается на фотографиях девочек, но быстро пролистывает снимки Верити.

– Вот, – говорит он, вытаскивая одну из стопки. – Это моя любимая фотография. Редкая улыбка Харпер. Она обожала животных, поэтому на их пятый день рождения мы повели их в зоопарк.

Я с улыбкой смотрю на фото. Но в основном потому, что у Джереми со снимка абсолютно счастливый вид.

– Какими они были?

– Частин была защитницей. Маленький вулкан. Даже когда они были совсем малышами, она чувствовала, что Харпер была другой. Частин опекала ее. Пыталась объяснить мне и Верити, как быть родителями. И господи, когда появился Крю, мы думали, что придется отдать его ей. Она с ума по нему сходила, – он кладет фотографию Частин в стопку уже просмотренных фотографий. – Из нее могла получиться прекрасная мать.

Он берет фотографию Харпер.

– Харпер была для меня особенной. Иногда я сомневаюсь, что Верити понимала ее так же хорошо, как я, но я словно мог ее чувствовать, понимаешь? У нее были проблемы с выражением эмоций, но я знал, когда она радуется и грустит, даже хотя она не очень понимала, как сообщить об этом миру. В целом она была счастлива. Хотя и не сразу проявила интерес к Крю. Пока ему не исполнилось три или четыре и он не начал с ней играть. До этого момента он был для нее словно предмет мебели, – он берет фото детей втроем. – Он про них не спрашивал. Ни разу. Даже не упоминал их имен.

– Это тебя тревожит?

Он смотрит на меня.

– Сам не знаю, тревожиться или испытывать облегчение.

– Возможно, и то и другое, – признаю я.

Он берет фотографию Верити и Крю сразу после рождения Крю.

– Несколько месяцев он ходил на терапию. Но я испугался, что это может стать просто еженедельным напоминанием о трагедиях, поэтому забрал его. Если с возрастом появится в ней необходимость, я снова отведу его к врачу. Чтобы убедиться, что он в порядке.

– А ты?

Он снова смотрит на меня.

– Что я?

– Как *ты*?

Он не отводит взгляда. Не медлит с ответом.

– Когда Частин не стало, мой мир перевернулся. А потом, когда умерла Харпер, он разрушился окончательно, – он опускает взгляд на коробку с фотографиями. – Когда мне позвонили насчет Верити... У меня осталась только одна эмоция – гнев.

– На кого? На бога?

– Нет, – тихо отвечает Джереми. – Я злился на Верити.

Он снова смотрит на меня, и ему даже не нужно объяснять, почему он на нее злился. *Он думает, что она въехала в дерево нарочно.*

В комнате тихо... В доме тоже. Все замерло.

Потом Джереми подается назад и встает. Я встаю вместе с ним, потому что чувствую: он впервые признался в своих чувствах другому человеку. И, возможно, даже себе. Джереми явно не хочет показывать мне свои эмоции, отворачивается и сцепляет ладони на затылке. Я опускаю руку ему на плечо и встаю перед ним, хочет он того или нет. Кладу руки ему на талию, прижимаюсь лицом к его груди и обнимаю его. Он с тяжелым вздохом обнимает меня в ответ. И крепко сжимает – становится ясно, что ему уже очень давно не хватает таких объятий.

Мы стоим так дольше, чем следует, и постепенно нам обоим становится ясно, что пора друг друга отпустить. Его руки расслабляются, и в какой-то момент мы больше не обнимаемся. Мы просто держим друг друга. Чувствуя, насколько давно каждый из нас не испытывал ничего подобного. В доме тихо, и я слышу, как он пытается задержать дыхание. Чувствую его неуверенность, когда его рука медленно перемещается к моему затылку.

Мои глаза закрыты, но я открываю их, потому что хочу на него посмотреть. Какая-то неведомая сила откидывает мою голову назад, в его ладонь, и я поднимаю лицо с его груди.

Он смотрит мне в глаза, и я не знаю, хочет ли он поцеловать или отстраниться, но, в любом случае, уже слишком поздно. Я поняла все, о чем он пытался умолчать, по его объятиям. По тому, как он перестал дышать.

Я чувствую, как он притягивает меня к своим губам. Но потом резко поднимает взгляд и опускает руки.

– Привет, дружок, – говорит Джереми, глядя через мое плечо. Отпускает меня. Делает шаг назад. Я хватаюсь за спинку стула – мне кажется, я стала весить в два раза больше, когда он меня отпустил.

Оборачиваюсь и вижу Крю, мальчик смотрит на нас. Безо всякого выражения. Сейчас он очень напоминает Харпер. Он замечает коробку с фотографиями на столе и спешит к ней. Почти *прыгает*.

Я поспешно отхожу назад, напуганная его поведением. Он берет фотографии и сердито бросает их обратно в коробку.

– Крю, – мягко говорит Джереми. Он пытается взять сына за запястье, но Крю отдергивает руку. – Эй, – Джереми наклоняется к мальчику. Я слышу в его голосе смятение, словно он впервые видит Крю в таком состоянии.

Крю начинает плакать, продолжая бросать снимки в коробку.

– Крю, – повторяет Джереми, не в силах скрыть беспокойства. – Мы

просто смотрим фотографии.

Он пытается прижать мальчика к себе, но тот вырывается из объятий. Джереми снова хватает Крю и прижимает к груди.

– Убери их! – кричит мне Крю. – Я не хочу их видеть!

Я собираю оставшиеся фото и складываю в коробку. Закрываю ее крышкой, поднимаю и прижимаю к груди, пока Крю пытается вырваться от Джереми. Джереми берет его на руки и поспешно покидает кухню. Они отправляются наверх, а я остаюсь стоять на месте, потрясенная и напуганная.

Что это было?

Наверху все тихо уже несколько минут. Я не слышу, чтобы Крю дрался или кричал, и, наверное, это хороший знак. Но чувствую слабость в коленях и тяжесть в голове. Мне нужно лечь. Возможно, не стоило принимать два ксанакса. Или, возможно, не стоило вытаскивать фотографии и рассматривать их перед семьей, которая еще не оправилась от потери. Или же не стоило почти что целоваться с женатым мужчиной. Я потираю лоб, внезапно чувствуя острое желание убежать прочь и никогда не возвращаться в эту обитель горя.

Почему я до сих пор здесь?

Даже в разгар дня, когда солнце несет дозор над нашей частью мира, в этом доме как-то жутковато. Сейчас четыре часа. Джереми снова работает на пристани, а Крю играет рядом на песке.

Дом наполнен тревожной энергией. Она здесь всегда, и, кажется, я никак не могу от нее избавиться. Ночью становится еще хуже, мрачнее и напряженнее. Уверена, основная проблема – в моем восприятии, но от этого не легче, потому что происходящее в нашем сознании может быть не менее опасно, чем реальные угрозы.

Вчера вечером я проснулась, чтобы сходить в туалет. Мне показалось, я услышала в коридоре звук шагов – легче, чем у Джереми, и тяжелее, чем у Крю. Затем, вскоре после этого, будто бы скрипели ступеньки, одна за другой, словно кто-то крался по ним, стараясь ступать как можно осторожнее. Я не сразу смогла снова заснуть, потому что в доме такого размера звуки неизбежны. А в воображении писателя любой звук становится угрозой.

Моя голова резко поворачивается в сторону двери кабинета. Я начеку, даже теперь, но слышу лишь голос Эйприл, которая разговаривает с кем-то на кухне. Такой успокоительный тон она обычно использует в разговорах с Верити, словно пытаюсь уговорить ее вернуться к жизни. Я никогда не слышала, чтобы Джереми разговаривал с женой. Но он признался, что злится на нее. Интересно, он ее еще любит? Сидит в ее комнате и рассказывает ей, как скучает по звуку ее голоса? Мне кажется, это в его духе. Или было бы в его духе. *Но теперь?*

Джереми заботится о Верити, иногда помогает ее кормить, но я никогда не видела, чтобы он обращался к ней напрямую. А значит, возможно, он не верит, что она вообще хоть что-то осознает. Словно человек, о котором он заботится, больше не его жена.

Иду на кухню, потому что хочу есть, но еще и потому, что хочу посмотреть, как Эйприл взаимодействует с Верити. Интересно, проявляет ли Верити хоть какую-то физическую реакцию на это взаимодействие.

Эйприл сидит за столом с обедом Верити. Открываю холодильник и наблюдаю, как она ее кормит. Челюсть Верити движется вверх и вниз, почти как у робота, когда Эйприл отправляет ей в рот ложку пюре. Ее всегда кормят только мягкой едой. Картофельное и яблочное пюре, измельченные овощи. Пресная больничная пища. Беру порцию пудинга и

сажусь за стол с Эйприл и Верити. Эйприл приветствует меня беглым взглядом и кивком, но не более.

Съев несколько ложек, я решаю немного поговорить с этой женщиной, которая отказывается со мной общаться.

– Давно вы работаете сиделкой?

Эйприл вынимает изо рта у Верити ложку и снова погружает обратно в пюре.

– Достаточно долго, чтобы до пенсии осталось единичное число лет.

– Здорово.

– Но ты моя любимая пациентка, – говорит Эйприл Верити. – Определенно.

Она адресует все свои ответы Верити, хотя вопросы задаю я.

– А как давно вы работаете с Верити?

Эйприл снова обращается к Верити.

– Как давно мы этим занимаемся? – спрашивает она, словно Верити вот-вот ответит. – Четыре недели? – Она смотрит на меня. – Да, меня официально приняли на работу около четырех недель назад.

– Вы были знакомы с этой семьей? Ну, до происшествия с Верити?

– Нет, – Эйприл вытирает Верити губы и кладет поднос с едой на стол. – Можно вас на секундочку? – Она кивает головой в сторону коридора.

Я замираю, пытаюсь понять, зачем нам выходить из кухни, чтобы поговорить. Но встаю и следую за сиделкой. Прислоняюсь к стене и кладу в рот очередную ложку пудинга, Эйприл прячет руки в карманы формы.

– Я и не ждала, что вы можете это знать, особенно если прежде вы не имели дело с людьми в состоянии Верити. Но невежливо обсуждать людей вроде нее в их же присутствии, делая вид, что их нет.

Я на мгновение замираю, не успев вытащить ложку изо рта, а потом опускаю ее обратно в стаканчик.

– Простите. Я не знала.

– Тут легко ошибиться, особенно если думаешь, что человек тебя не узнает. Очевидно, мозг Верити работает иначе, чем прежде, но мы не знаем, насколько много она осознает. Просто следите за речью в ее присутствии.

Я выпрямляюсь и отодвигаюсь от стены. Я и не думала, что веду себя невежливо.

– Разумеется, – киваю я.

Эйприл улыбается, и на этот раз, похоже, искренне.

К счастью, неловкий момент прерывается благодаря Крю. Он

врывается в заднюю дверь, неся что-то в руках. Пробирается между мной и Эйприл и вбегает на кухню. Эйприл спешит за ним.

– Мама, – восторженно восклицает Крю, – мама, мама, я нашел черепашку.

Он встает перед ней и показывает черепаху. Гладит животное по панцирю.

– Мама, *посмотри* на нее.

Он поднимает руку выше, пытаясь сделать так, чтобы взгляд Верити сфокусировался на черепахе. Разумеется, ничего не выходит. Ему всего пять, и, возможно, он не способен осознать всех причин, по которым она больше не может с ним говорить, смотреть на него или разделять его радости. Мне сразу становится его жаль, ведь, возможно, он по-прежнему ждет полного выздоровления матери.

– Крю, – подхожу я к нему, – покажи мне свою черепашку.

Он поворачивается и демонстрирует ее мне.

– Это не каймановая черепаха. Папа говорит, что у них отметины на шее.

– Ух ты, – восхищаюсь я. – Как здорово. Пойдем на улицу, подыщем для нее домик.

Крю подпрыгивает от восторга и уносится прочь. Я выхожу за ним из дома и помогаю обыскать окрестности, пока он не находит старое красное ведро. Крю сажает туда черепаху, плюхается на траву и ставит ведро себе на колени.

Я сажусь рядом, отчасти потому, что начинаю очень сильно сочувствовать этому ребенку, но еще потому, что с этого места прекрасно видно Джереми, который работает на причале.

– Папа сказал, мне нельзя оставить черепашку, потому что я убил предыдущую.

Я поворачиваюсь к Крю.

– Убил? Как именно убил?

– Потерял в доме. Мама нашла ее под своим диваном, когда она уже умерла.

А. Ясно. А то в моем сознании уже начали возникать куда более зловещие картины. На мгновение я подумала, что он убил черепашку умышленно.

– Мы можем отпустить ее прямо здесь, в траве, – предлагаю я. – Так ты сможешь увидеть, куда она уползет. Может, она даже приведет тебя к своей секретной черепашьей семье.

Крю достает животное из ведра.

– Как думаешь, у нее есть муж?

– Возможно.

– Может, даже дети.

– Вполне вероятно.

Крю сажает черепаху на траву, но, естественно, она слишком напугана, чтобы двигаться. Какое-то время мы наблюдаем за ней, дожидаясь, пока она высунется из панциря. Краем глаза я вижу – к нам направляется Джереми. Когда он подходит ближе, я поднимаю взгляд, закрываясь рукой от солнца.

– Что вы тут нашли?

– Черепаху, – говорит Крю. – Не волнуйся, я ее не оставлю.

Джереми благодарно мне улыбается. И садится на траву рядом с Крю. Мальчик придвигается к нему поближе и берет за руку, но сразу отстраняется.

– Фу. Ты вспотел.

Он действительно вспотел, но мне это противным не кажется.

Крю вскакивает с места.

– Я голодный. Ты обещал, что мы поедем сегодня в ресторан. Мы не были там кучу лет.

Джереми смеется.

– Лет? Да я водил тебя в «Макдоналдс» всего неделю назад.

– Да, но мы постоянно ездили в рестораны, пока не умерли мои сестры.

Я вижу, как напрягаются от этого замечания плечи Джереми. Он говорил, что Крю не упоминал о девочках с момента их смерти, значит, произошло нечто важное.

Джереми тяжело вздыхает и хлопает Крю по спине.

– Ты прав. Иди, вымой руки и собирайся. Мы должны вернуться до ухода Эйприл.

Крю несется в дом, начисто забыв о черепахе. Джереми провожает его задумчивым взглядом. Потом встает и протягивает мне руку.

– Хочешь с нами? – предлагает он.

Он приглашает меня на дружеский ужин с ребенком, но тоскующее сердце содрогается, словно меня пригласили на свидание. Я улыбаюсь, отряхивая джинсы.

– С удовольствием.

У меня не было причин уделять особое внимание внешности с тех пор, как я приехала к Джереми. И хотя ничего особенного перед отъездом я не сделала, Джереми наверняка заметил тушь для ресниц, блеск для губ и тот факт, что я впервые распустила волосы. Когда мы приехали в ресторан и он открыл передо мной дверь, он тихо произнес:

– Здорово выглядишь.

Его комплимент запал мне в сердце, и я чувствую его до сих пор, хотя мы уже поели. Крю сидит рядом с Джереми. Он рассказывает анекдоты с тех пор, как доел десерт.

– И еще один, – говорит Крю. – Что стоит между окном и дверью?

Джереми даже не пытается отвечать на вопросы Крю, потому что слышал их уже тысячу раз. Я улыбаюсь мальчугану и делаю вид, что не знаю ответа.

– Буква «и», – сообщает Крю, покатываясь от хохота. Его реакция на собственные шутки веселит меня гораздо сильнее самих шуток.

Он продолжает:

– Может ли страус назвать себя птицей?

– Даже не знаю, – протягиваю я.

– Нет, так как он не умеет говорить!

С тех пор как он начал рассказывать анекдоты, я смеюсь, не переставая.

– Твоя очередь, – заявляет Крю.

– Моя? – переспрашиваю я.

– Да, твоя очередь шутить.

Господи. На меня давит пятилетка.

– Хорошо, дай подумать. – Через несколько секунд я щелкаю пальцами. – Вспомнила. Что это такое – зеленое, пушистое и может убить тебя, если упадет с дерева?

Крю наклоняется вперед, положив руки на подбородок.

– Хм... Не знаю.

– Пушистое зеленое пианино.

Крю не смеется над моей шуткой. Как и Джереми. *Сначала.*

Через несколько секунд Джереми начинает хихикать, и я улыбаюсь.

– Не понимаю, – говорит Крю.

Джереми продолжает смеяться, качая головой.

Крю смотрит на Джереми.

– Что смешного?

Джереми обнимает Крю.

– Ничего. Смешно, потому что *не* смешно.

Крю смотрит на меня.

– Анекдоты работают по-другому.

– Хорошо, у меня есть еще, – отвечаю я. – Что это такое – красное и в форме ведра?

Крю пожимает плечами.

– Синее ведро, покрашенное в красный.

Джереми сжимает челюсть, пытаясь сдержать смешок. Его смех – возможно, лучшее из случившегося с тех пор, как я сюда приехала.

Крю морщит нос.

– Ты не очень хорошо рассказываешь анекдоты.

– Да ладно. Смешные же.

Крю расстроено качает головой.

– Надеюсь, ты не пытаешься шутить в своих книгах.

Джереми откидывается на спинку сиденья и хватается за бок, пытаясь сдержать смех, когда подходит официантка со счетом. Джереми берет его и умудряется выдавить:

– Я оплачу.

Когда мы возвращаемся домой, Крю забегает внутрь раньше нас.

– Беги наверх и скажи Эйприл, что мы вернулись, – кричит Джереми ему вслед.

Джереми закрывает дверь гаража, и мы оба медлим, прежде чем идти дальше в дом. Мы стоим в затемненном углу рядом с лестницей, но полоска света из кухни падает ему на лицо.

– Спасибо за ужин. Было весело.

Джереми снимает куртку.

– Да.

Улыбаясь, он вешает куртку на крючок рядом с дверью. Сегодня он выглядит как-то иначе, словно жизнь тяготит его меньше обычного.

– Нужно почаще вывозить Крю.

Я согласно киваю, засунув руки в задние карманы джинсов. Следующие несколько секунд наполняются насыщенным молчанием. Почти как в конце настоящего свидания, когда не можешь выбрать между поцелуем и объятием.

Разумеется, в данном случае все это неуместно, потому что никакого свидания не было.

Но почему сложилось впечатление, что было?

Мы отводим взгляды, когда Крю начинает спускаться по лестнице. Взгляд Джереми на мгновение опускается вниз, но прежде, чем он уходит, я замечаю короткий выдох, словно Крю помешал ему сделать то, о чем бы он

пожалел. Но я не уверена, что об этом пожалела бы я.

Тяжело вздыхаю, иду в кабинет Верити и закрываю за собой дверь. Нужно отвлечься. Я чувствую пустоту – боль в животе, которая не собирается никуда уходить. Словно мне нужно с ним больше мгновений. Мгновений, которых мне не получить. Мгновений, которые мне *не положены*.

Пролистываю страницы рукописи Верити в надежде отыскать интимную сцену с Джереми.

Не знаю, как относиться к собственному поступку – чтение этой автобиографии кажется неправильным по многим причинам, но это не так плохо, как если бы я пересекла с ним черту физически.

Он не может стать моим в реальной жизни, но я могу узнать, каков он в постели, и, возможно, использовать это в своих фантазиях.

Глава пятая

Я была близка к нервному срыву. Я это чувствовала. Или как минимум к скандалу. Вспышке гнева. Истерики. Хотя это было бы неправильно.

Но я уже просто не выдерживала. Если одна из них не плакала, то плакала другая. Если одна из них не хотела есть, то хотела другая. Они редко спали одновременно. Джереми очень помогал и брал на себя половину забот, и если бы у нас был только один ребенок, я бы отдыхала. Но их было двое, так что каждый из нас становился одиноким родителем одного ребенка.

Джереми по-прежнему работал риелтором, когда родились девочки. Он взял две недели отпуска, чтобы мне помогать, но они прошли, и ему пора было возвращаться на работу. Няню мы позволить себе не могли, мой аванс за первую рукопись был небольшим. Я ужасно боялась оставаться одна с детьми, когда ему каждый день придется уходить из дома на девять часов.

Но когда Джереми вернулся к работе, это оказалось лучшим, что со мной когда-либо случилось.

Он уходил в семь утра. Я просыпалась вместе с ним, чтобы он видел, как я забочусь о девочках. Когда он уходил, я клала их обратно в колыбели, отключала видеоняню и возвращалась в кровать. Со дня его возвращения на работу я начала высыпаться лучше, чем когда-либо прежде. Мы жили в угловой квартире, и их комната не соприкасалась с другими жильцами, поэтому никто не слышал, как они плачут.

Даже я не слышала, как они плачут, когда использовала беруши.

Спустя три дня после возвращения Джереми на работу я почувствовала, что жизнь налаживается. Я спала целыми днями, но перед возвращением Джереми я кормила их, купала и начинала готовить ужин. Каждый вечер, когда он заходил домой, дети вели себя спокойно, потому что о них наконец позаботились, из кухни доносился аромат еды, и он приходил в полный восторг от того, как здорово я справляюсь.

Ночные кормления меня уже не напрягали, мой режим перестроился. Я отсыпалась, пока Джереми был на работе. А девочки довольно неплохо спали по ночам, потому что уставали после целого дня плача. Но, возможно, плакать было даже полезно. По ночам, когда все спали, мне удавалось писать, так что у меня даже продвигалась карьера.

Единственное, чего мне не хватало – интимной жизни. Мой врач еще не разрешил мне заниматься сексом, потому что с их рождения прошло всего четыре недели. Но я знала – если мне не удастся вдохнуть жизнь в эту сферу нашего брака, разрушение может быстро распространиться и на другие области. Ужасная сексуальная жизнь – словно вирус. Ваш брак может быть здоровым во всех других отношениях, но если вымирает секс, он начинает заражать все прочие аспекты.

И я твердо решила, что не позволю этому случиться.

Я попыталась заняться с ним сексом, но Джереми боялся сделать мне больно. Даже хотя у меня было кесарево сечение, он беспокоился из-за шва. Он прочитал в интернете, что не может даже ласкать меня пальцами, пока не получит одобрение от доктора, а до осмотра оставалось еще две недели. Он отказался заниматься со мной сексом до одобрения профессионального медика.

Я же не хотела ждать так долго. Не могла. Я скучала по нему. Скучала по нашей связи.

Той ночью Джереми проснулся в два часа ночи, потому что мой язык скользил по его члену. И я почти уверена, что он стал твердым как камень еще до полного пробуждения.

Я поняла, что он проснулся, лишь по тому, что его рука легла на мою голову и пальцы вцепились в волосы. Это было единственное движение, которое он сделал. Он даже не оторвал головы от подушки, чтобы на меня посмотреть, и по какой-то причине мне это понравилось. Я даже не уверена, что он открыл глаза. Он лежал неподвижно и молчаливо, пока я сводила его с ума языком.

Я лизала его и дразнила прикосновениями минут пятнадцать, но в рот не брала. Я знала, как сильно он этого жаждет, но не хотела, чтобы он

кончил во рту. Я хотела, чтобы он отымел меня впервые за несколько недель.

Его рука нетерпеливо сжимала мой затылок и прижимала меня к члену, он молчаливо умолял взять его в рот. Я отказывалась и продолжала бороться с рукой, целовала и лизала его, хотя он хотел лишь одного – оказаться во рту.

Убедившись, что я довела его до состояния, когда страсть пересиливает заботу, я отстранилась. Он двинулся следом. Я упала на спину и раздвинула ноги, и он оказался во мне, не задумавшись ни на секунду. Он даже не был осторожен. Мой язык словно свел его с ума, потому что он входил в меня с такой силой, что *действительно* стало больно.

Это продолжалось почти полтора часа, потому что когда он кончил, я начала сосать, пока он снова не отвердел. И оба раза мы не произнесли ни слова. И даже когда все закончилось, и я оказалась под весом его обмякшего тела, мы не разговаривали. Он скатился и обернулся вокруг меня. Постельное белье было покрыто потом и спермой, но нам слишком хотелось спать, чтобы обращать на это внимание.

Тогда я поняла, что все в порядке. Мы будем в порядке. Джереми по-прежнему поклоняется моему телу, как и всегда.

Возможно, девочки отобрали у нас многое, но я знала: его страсть всегда будет моей.

Пожалуй, на данный момент эта глава была самой тяжелой. Как мать могла спокойно спать, пока в соседней комнате плакали ее младенцы – за гранью моего понимания. Какое бессердечие.

Мне казалось, что Верити может быть социопатом, но теперь я склоняюсь к тому, что она психопат.

Откладывая рукопись и используя компьютер Верити, чтобы освежить в памяти определение слова психопат. Читаю про все особенности личности. *Патологическая лживость, коварство, манипуляторы, не испытывают сожалений или вины, черствость и отсутствие эмпатии, слабый эмоциональный отклик.*

Она подходит под каждую характеристику. Единственное, что заставляет меня сомневаться – ее одержимость Джереми. Психопатам сложнее как влюбиться, так и сохранить любовь. Они быстро переключаются с одного человека на другого. Но Верити не хотела оставлять Джереми. Он стал центром ее вселенной.

Джереми женат на психопатке и даже не догадывается, потому что она сделала все возможное, чтобы это от него скрыть.

Кто-то мягко стучит в дверь кабинета, и я выключаю монитор. Открываю и вижу Джереми. У него влажные волосы, и он одет в белую футболку и черные пижамные штаны.

Это мой любимый вид. Босиком, по-домашнему, просто. Чертовски сексуально, и меня бесит, насколько сильно он меня привлекает. Интересно, испытывала ли бы я эти чувства, если бы не истории из рукописи?

– Прости, что помешал. Мне нужна помощь.

– Что такое?

Он жестом приглашает следовать за ним.

– В подвале есть старый аквариум. Мне просто нужно, чтобы ты придержала мне дверь, чтобы я смог поднять его наверх и помыть для Крю.

Я улыбаюсь.

– Ты позволишь ему оставить черепаху?

– Ага, он ей так обрадовался. Он стал постарше и, надеюсь, теперь не будет забывать ее кормить. – Джереми открывает дверь подвала. – Дверь открывается внутрь. Невозможно подняться по ступеням и выйти наружу, если заняты руки.

Джереми нажимает на выключатель и начинает спускаться по

ступеням. Подвал не кажется продолжением дома. Он запущен и неухожен, словно брошенное дитя. Скрипучие ступени, слой пыли на перилах. В другом случае у меня бы не возникло ни малейшего желания спускаться в такое негостеприимное помещение. Особенно в доме, который и так до ужаса меня пугает. Но подвал – единственное в этом доме место, которого я еще не видела, и мне любопытно, что там внизу. Какие вещи Верити убрала прочь?

На лестнице темно, потому что свет включился только в самом подвале. Добираюсь до нижней ступеньки и с облегчением вижу: помещение вовсе не такое мрачное, как я ожидала. Слева – рабочий стол, который не использовали уже какое-то время. Он покрыт стопками папок и бумаг и напоминает скорее угол для хранения, чем место, где человек мог действительно сидеть и работать.

Справа – коробки вещей, накопленных за годы их совместной жизни. Некоторые с крышками, некоторые нет. Из одной коробки торчит видеоняня, и я содрогаюсь, вспоминая недавно прочитанную главу, где Верити рассказала, как отключала ее днем, чтобы не слышать плача детей.

Джереми просматривает вещи за коробками и между ними.

– Ты здесь работал? – спрашиваю я.

– Да. У меня была фирма по продаже недвижимости, и чаще всего я приносил кучу работы домой, так что здесь был мой кабинет.

Он приподнимает простыню и отводит ее в сторону, открывая аквариум, покрытый слоем пыли.

– Бинго.

Он просматривает содержимое аквариума, чтобы убедиться, все ли на месте.

Я по-прежнему думаю про его оставленную карьеру.

– У тебя была своя фирма?

Он поднимает аквариум и несет к столу на другом конце комнаты. Я освобождаю место, убирая бумаги и папки, чтобы Джереми мог его поставить.

– Да. Открыл ее в тот же год, когда Верити начала писать книги.

– Ты любил работу?

Он кивает.

– Да. Было тяжело, но у меня хорошо получалось, – он включает аквариум в розетку, чтобы проверить, работает ли подсветка. – Когда Верити написала первую книгу, мы оба воспринимали это скорее как хобби, чем как настоящую карьеру. Когда книгу удалось продать, мы по-прежнему относились к этому не слишком серьезно. Но потом о ней

заговорили, продавалось все больше книг. Через несколько лет мои заработки начали смотреться на фоне ее доходов просто трогательно, – он смеется, словно это воспоминание ему приятно. – К моменту, когда она забеременела Крю, мы оба понимали, что я работаю только ради работы. Мой доход никак не влиял на наш уровень жизни. И это был единственный выход. Мне пришлось оставить работу, она требовала слишком много времени.

Он выключает в аквариуме свет, и в этот момент раздается хлопок. Единственная в подвале лампочка отключается.

Наступает абсолютная темнота. Я знаю, он прямо передо мной, но больше его не вижу. Пульс ускоряется, и я чувствую на руке его пальцы.

– Вот, – говорит он и подносит мою руку к своему плечу. – Видимо, сработал предохранитель. Иди за мной, а когда доберемся до верха, просто обойдешь меня и откроешь дверь.

Я чувствую, как напрягаются его мышцы, когда он поднимает аквариум. Держа руку на плече, следую за ним к лестнице. Он шагает медленно – вероятно, ради меня. Потом он останавливается и прижимается спиной к стене. Я протискиваюсь мимо него и на ощупь нахожу ручку. Открываю дверь, и внутрь проникает поток света.

Джереми выходит первый, и как только он освобождает мне путь, я так быстро закрываю дверь, что она хлопает. Он смеется, когда я порывисто выдыхаю.

– Не любительница подвалов, верно?

Качаю головой.

– Не любительница *темных* подвалов.

Джереми ставит аквариум на кухонный стол и снова осматривает.

– Сколько пыли. Ты не против, если я вымою его в твоей ванной? Будет проще, чем в раковине.

Качаю головой.

– Конечно, нет.

Джереми несет аквариум в ванную. Мне хочется пойти следом и помочь, но я сдерживаюсь. Я возвращаюсь в кабинет и изо всех сил стараюсь сосредоточиться на серии, над которой должна работать. Мысли о Верити продолжают отвлекать меня – так происходит каждый раз, когда я читаю главу ее автобиографии. Но я не могу перестать ее читать. Словно произошло крушение поезда, а Джереми даже не понимает, насколько его искорежило.

Предпочитаю не читать дальше, а продолжить работу над циклом, но успеваю сделать очень мало к тому моменту, как Джереми освобождает

ванную. Решаю, что на сегодня хватит, и иду в спальню.

Умывшись и почистив зубы, смотрю на футболки, которые я повесила в шкафу. Мне не хочется надевать их, и я начинаю просматривать вещи Джереми. Рубашка, которую он мне одолжил, хранила его запах весь день. Наконец я натыкаюсь на футболку, достаточно мягкую, чтобы в ней спать. Слева на груди маленькая надпись: «Недвижимость Кроуфорда».

Натягиваю футболку и бреду к кровати. Прежде чем залезть в нее, обращаю внимание на следы зубов на передней спинке. Подхожу ближе и провожу по ним пальцем.

Потом обращаю внимание, что укусов несколько. Верити кусала спинку в пяти или шести местах, но некоторые следы почти незаметны.

Залезаю на кровать и встаю на колени лицом к спинке. Кладу между ног подушку и представляю эту позицию – сидя на лице Джереми и сжимая спинку. Закрываю глаза и просовываю руку под футболку Джереми, представляя, что это его рука гладит меня по животу и ласкает груди.

Приоткрываю рот и втягиваю воздух, но шум над головой сбивает меня. Смотрю на потолок и слушаю грохот кровати Верити, которая гудит и двигается.

Убираю подушку, ложусь на спину и пялюсь в потолок, размышляя, что происходит в голове у Верити – если вообще происходит. Что там, полная тьма? Она слышит, что говорят ей люди? Чувствует солнечный свет на коже? Знает, кто именно к ней прикасается?

Вытягиваю руки вдоль тела и замираю, представляя, каково это – быть не в состоянии контролировать собственные движения. Продолжаю лежать в этой позе, хотя с каждой минутой мне становится все тревожнее. Мне хочется почесать нос, и я сразу задаюсь вопросом, страдает ли Верити, что не может поднять руку и почесаться.

Закрываю глаза и думаю, что, возможно, Верити заслуживает темноту, покой, тишину. Но если она психопатка, то в ее руках по-прежнему находится так много нитей.

Когда я открываю глаза, запах меняется. Как и звуки.

Я прекрасно понимаю, где нахожусь. Я в доме Джереми. Просто... Не в своей комнате.

Смотрю на стены. Стены в хозяйской спальне светло-серые. Эта – желтая. *Желтая, как стены в верхних спальнях.*

Кровать подо мной начинает двигаться, но не из-за того, что двигается кто-то еще. Все происходит иначе... Как-то... Механически.

Сжимаю веки. Господи, пожалуйста. Нет. *Нет, нет, нет, только не говорите, что я в кровати Верити.*

Начинаю дрожать всем телом. Медленно открываю глаза и как можно медленнее поворачиваю голову. Увидев дверь, комод и телевизор на стене, я скатываюсь с кровати и падаю на пол. Подползаю к стене и поднимаюсь, прислонившись к ней спиной. Сжимаю веки. У меня истерика, я едва сдерживаюсь.

Меня так трясет, что я слышу собственное дыхание. Сначала это сдавленные стоны, но когда я открываю глаза и вижу на кровати Верити, я кричу.

И зажимаю рукой рот.

Снаружи темно. Все спят. Шуметь нельзя.

Этого не случалось давно. Уже много лет. Но это случилось, и я в ужасе и не представляю, как здесь оказалась. Потому что думала про нее?

«Сомнамбулизм нелогичен, Лоуэн. В нем нет смысла. Он никак не связан с нашими намерениями».

Я вспоминаю слова своего врача, но не хочу над ними задумываться. *Мне нужно отсюда выбраться. Двигайся, Лоуэн.*

Скольжу вдоль стены в сторону выхода, стараясь оставаться как можно дальше от кровати. Прижимаюсь к двери, по щекам текут слезы. Поворачиваю ручку, открываю ее и выбегаю из спальни.

Но в этот момент меня обхватывают и останавливают руки Джереми.

– Привет, – говорит он и поворачивает меня к себе. Видит слезы на моем лице, ужас в глазах. Ослабляет хватку, и в этот момент я убегаю прочь. Бегу по коридору, вниз по лестнице и не останавливаюсь, пока не захлопываю дверь спальни и не оказываюсь на кровати.

Какого черта? Какого черта?

Сворачиваюсь в клубок на одеяле, глядя на дверь. Начинает нить

запястье, я обхватываю его другой рукой и прижимаю к груди.

Дверь спальни открывается и закрывается за Джереми. Он без футболки, в красных фланелевых пижамных штанах. Он спешит ко мне, и я вижу только красную клетчатую ткань. Потом он опускается на колени, берет меня за руку и заглядывает в глаза.

– Лоуэн, что случилось?

– Прости, – шепчу я, вытирая глаза. – Прости.

– За что?

Качаю головой и сажусь на кровать. Я должна все ему объяснить. Он только что поймал меня в спальне жены посреди ночи, и конечно, у него множество вопросов. Вопросов, на которые у меня нет нормальных ответов.

Джереми садится рядом со мной и закидывает ногу на кровать, чтобы повернуться ко мне лицом. Кладет руки мне на плечи, опускает голову и смотрит очень серьезно.

– Что случилось, Лоу?

– Не знаю, – признаюсь я, покачиваясь вперед-назад. – Иногда я хожу во сне. Такого не случалось очень давно, но недавно я выпила два ксанакса, и возможно... Не знаю...

Мои слова отражают внутреннюю панику. Должно быть, Джереми это чувствует, потому что он притягивает меня к себе и крепко обнимает, пытаюсь успокоить. Несколько минут он больше ни о чем не спрашивает. Успокоительно гладит меня рукой по затылку, и, как бы ни была приятна его поддержка, я чувствую себя виноватой. Слово не заслуживаю ее.

Когда он отстраняется, то больше не может сдержать вопросов.

– Что ты делала в комнате у Верити?

Качаю головой.

– Не знаю. Я там проснулась. Испугалась, закричала и...

Он берет меня за руки. Сжимает их.

– Ты в порядке.

Я хочу согласиться с ним, но не могу. *И как я теперь буду спать в этом доме?*

Невозможно сосчитать, сколько раз я просыпалась в неожиданных местах. Это происходило так часто, что в какой-то период у меня на двери спальни стояло три замка. Мне не впервой просыпаться в странных комнатах, но почему из всех комнат этого дома это оказалась комната Верити?

– Поэтому ты хотела замок на дверь? – спрашивает он. – Чтобы не суметь выйти?

Я киваю, и по какой-то непонятной причине он начинает смеяться.

– Господи, – говорит он. – А я думал, ты боишься *меня*.

Я рада, что он находит в ситуации положительные стороны, потому что я не могу.

– Эй. Эй, – мягко говорит он, приподняв мой подбородок и заглядывая в глаза. – Ты в порядке. Все в порядке. Сомнамбулизм безвреден.

Отчаянно качаю головой, не соглашаясь.

– Нет. *Нет*, Джереми. Это не так, – я прижимаю руку к груди, по-прежнему сжимая запястье. – Я просыпалась на улице, включала во сне плиты и духовки. Даже... – Я выдыхаю. – Я сломала во сне руку и не почувствовала этого, пока не проснулась на следующее утро.

Чувствую всплеск адреналина, когда думаю, что теперь могу добавить случившееся к списку тревожных поступков, совершенных во сне. Хотя и неосознанно, но я поднялась по тем ступеням и залезла в ту кровать. Если я могу сделать нечто столь возмутительное, на что я еще способна?

Отперла ли я дверь во сне или забыла ее закрыть? Я даже не помню.

Отталкиваюсь от матраса и иду к шкафу. Беру чемодан и несколько висящих в шкафу футболок.

– Я должна уехать.

Джереми молчит, и я продолжаю складывать вещи. Я собираю в ванной туалетные принадлежности, когда он появляется у двери.

– Ты уезжаешь?

Я киваю.

– Джереми, я проснулась *в ее комнате*. Даже после того, как ты поставил мне на дверь замок. А вдруг это случится опять? Вдруг я напугаю Крю? – Открываю дверцу душевой, чтобы забрать бритву. – Я должна была все рассказать тебе еще до того, как впервые осталась на ночь.

Джереми забирает бритву из моих рук. И кладет косметичку обратно к раковине. А потом притягивает меня к себе, обхватывает рукой мою голову и прижимает к груди.

– Ты ходишь во сне, Лоу, – он успокоительно целует меня в затылок. – Ходишь во сне. В этом нет ничего страшного.

Нет ничего страшного?

Нерешительно смеюсь, уткнувшись ему в грудь.

– Вот бы моя мать думала так же.

Джереми отстраняется с тревогой во взгляде. Но беспокоится ли он за меня или *из-за* меня? Он ведет меня обратно в спальню и жестом предлагает сесть на кровать, а сам начинает развешивать футболки, которые я засунула в чемодан.

– Хочешь об этом поговорить? – спрашивает он.

– О чем именно?

– Почему твоя мать считала, что это страшно.

Я не хочу об этом говорить. Видимо, он замечает, как изменилось выражение моего лица, потому что он замирает, прежде чем повесить очередную футболку. Бросает ее обратно в чемодан и садится на кровать.

– Не хочу показаться грубым, – говорит он, сверля меня пристальным взглядом, – но у меня сын. Когда я вижу, насколько тебя тревожит этот вопрос, я тоже начинаю волноваться. Почему ты так себя боишься?

Какая-то часть меня хочет защититься, но защищать нечего. Я не могу сказать ему, что безвредна, потому вовсе не уверена в этом. Я не могу заверить его, что такое не повторится, потому что это случилось двадцать минут назад. Единственное, что я могу сказать в свою защиту – что мне далеко до его ужасной жены, но я сомневаюсь, что сама в это верю.

Пока что я не ужасна, но я недостаточно себе верю и не могу утверждать, что так будет всегда.

Опускаю взгляд и сглатываю, готовясь рассказать ему все. Запястье снова начинает ныть. Смотрю на него и на шрам на ладони.

– Я не почувствовала, что случилось с моей рукой, когда это произошло, – говорю я. – Однажды, когда мне было десять, я проснулась утром. Как только я открыла глаза, то почувствовала жуткую боль от запястья до плеча. А потом у меня в голове словно случился взрыв. Я закричала, потому что было ужасно больно. Мама вбежала в спальню, и я помню, как лежала в кровати, страдая от самой мучительной в жизни боли, и вдруг поняла, что дверь не заперта. Хотя накануне вечером я ее запирала.

Отрываю взгляд от руки и смотрю на Джереми.

– Я не могла вспомнить, что произошло, но все вокруг было залито кровью – одеяло, подушка, матрас, я сама. Мои ноги были в грязи, словно ночью я была на улице. Я даже не могла вспомнить, как выходила из комнаты. У нас были установлены камеры видеонаблюдения, которые записывали происходящее перед домом и в нескольких комнатах. Прежде чем их проверить, мама отвезла меня в больницу, потому что нужно было зашить порез и сделать снимок запястья. Когда мы вернулись домой, она включила запись камеры с переднего двора. Мы сидели на диване и смотрели ее.

Беру с тумбочки стакан воды – во рту пересохло. Прежде чем я продолжила, Джереми кладет руку на мое колено и гладит его большим пальцем. Я смотрю на его ладонь и продолжаю рассказ.

– В три утра я вышла на улицу, на переднюю веранду. Залезла на

тонкие перила и так стояла. И сначала больше ничего не делала. Просто... Стояла, Джереми, целый час. Мы смотрели целый час и ждали, надеясь, что с записью что-то не так, потому что никто не в состоянии держать равновесие так долго. Это выглядело неестественно, но я не двигалась. Ни произнесла ни слова. А потом... Я прыгнула. Видимо, в этот момент я сломала запястье, но на записи я никак не отреагировала на травму. Оттолкнулась от земли обеими руками и поднялась на веранду по ступеням. Из моей руки уже текла кровь и капала на пол, но выражение лица оставалось невозмутимым. Я вернулась в свою комнату и заснула.

Я смотрю ему в глаза.

– Я ничего не помню. Как я могла причинить себе такую боль и не почувствовать? Как могла целый час стоять на перилах и ни разу не покачнуться? Видео напугало меня еще сильнее, чем рана.

Он снова обнимает меня, и я с благодарностью прижимаюсь к нему.

– После этого мама отправила меня на двухнедельное психиатрическое обследование, – говорю я, уткнувшись ему в грудь. – Когда я вернулась домой, она переехала в дальнюю спальню и установила себе на дверь три замка. Я стала кошмаром для собственной матери.

Джереми утыкается лицом в мои волосы и вздыхает.

– Очень тебе сочувствую.

Я зажмуриваюсь.

– И сочувствую, что твоя мать не знала, как себя вести. Должно быть, тебе пришлось несладко.

Он дает именно то, что мне сейчас так необходимо. Голос, спокойный и заботливый, руки, готовые защищать, и утешающее присутствие. Я не хочу, чтобы он меня отпускал. Не хочу думать о том, как проснулась в кровати Верити. Не хочу думать о том, насколько мало доверяю самой себе во время сна и даже во время бодрствования.

– Завтра еще поговорим, – обещает он, отпуская меня. – Попробую что-нибудь придумать, чтобы тебе стало спокойнее. Но сейчас просто постарайся заснуть, договорились?

Он сжимает мои ладони и направляется к двери. Я впадаю в панику при мысли, что останусь здесь одна. Что снова засну.

– Что мне делать остаток ночи? Просто запереться?

Джереми смотрит на часы. Без десяти пять. И, немного подумав, возвращается ко мне.

– Ложись, – требует он, подняв одеяло. Я залезаю в кровать, и он укладывается следом.

Обнимает меня и пристраивает мою голову себе под подбородок.

– Уже почти пять, я не буду спать. Но побуду с тобой, пока не заснешь ты.

Он не гладит меня по спине и вообще никак не успокаивает. Его рука абсолютно неподвижна, словно он не хочет, чтобы я неверно истолковала нашу позу. Но, несмотря на его неудобства, я ценю, как он заботится о моем удобстве.

Пытаюсь закрыть глаза и заснуть, но вижу только Верити. И слышу только, как движется наверху ее кровать.

После шести утра он думает, что я заснула. Его рука начинает двигаться, пальцы задерживаются на моих волосах. Движение мимолетное, как и его поцелуй в затылок, но их следы остаются еще долгое время после того, как он выходит из комнаты и закрывает за собой дверь.

Заснуть я так и не смогла, и поэтому теперь наливаю себе вторую чашку кофе, хотя только восемь утра.

Я стою у раковины и смотрю в окно. Примерно в пять утра начался дождь – когда я лежала в постели с Джереми и делала вид, что сплю.

Вижу, как по грязной дороге подъезжает машина Эйприл. *Интересно, расскажет ли ей Джереми о том, что случилось.*

Сегодня утром я его не видела. Наверное, он наверху, где обычно сидит до приезда Эйприл. Я не хочу быть на кухне, когда зайдет Эйприл, и поэтому направляюсь в сторону кабинета. Но неожиданно наталкиваюсь на Джереми, который смягчает удар, сделав шаг назад и взяв меня за плечи. Слава богу – это спасает мой драгоценный кофе.

Он выглядит уставшим, но это исключительно моя вина.

– Доброе утро, – здоровается он, будто так и есть.

– Доброе, – шепчу я. Сама не знаю почему.

Он придвигается ближе и наклоняется, словно хочет, чтобы нас никто не услышал.

– Что скажешь, если я установлю на дверь твоей спальни замок?

Вопрос сбивает меня с толку.

– Но ты уже установил.

– *Снаружи*, – поясняет он.

А.

– Я могу запираю его, когда ты ляжешь спать. Отпирать до того, как проснешься. Если тебе понадобится выйти, можешь написать сообщение или позвонить, и я открою через несколько секунд. Но думаю, ты будешь спать спокойнее, если будешь знать, что не сможешь покинуть комнату.

Даже не знаю, что сказать. Почему-то эта мера кажется более радикальной, чем замок изнутри, хотя цель одна и та же: удержать меня в комнате. Даже мысль об этом неприятна, но *еще* неприятнее думать, что я могу снова оттуда выйти.

– Я согласна. Спасибо.

Эйприл заходит в дом и останавливается возле кухни. Джереми по-прежнему смотрит на меня, не обращая на нее никакого внимания.

– Думаю, сегодня тебе стоит отдохнуть.

Я перевожу взгляд с Эйприл обратно на Джереми.

– Лучше продолжу работать.

Он пристально смотрит на меня, но потом понимающе кивает.
– *Доброе утро*, – здоровается Эйприл, снимая грязные ботинки.
– Доброе, Эйприл, – невозмутимо отвечает Джереми, давая понять, что ему нечего скрывать. И проходит мимо нее к задней двери. Она не двигается. И смотрит на меня через очки на кончике носа.
– Доброе утро, Эйприл, – я выгляжу вовсе не так невинно, как Джереми. Возвращаюсь в кабинет Верити и начинаю работу, хотя еще не в состоянии отойти от ночного происшествия.

Провожу утро в интернете, отвечая на почту. Кори переслал несколько интервью, хотя раньше этого от меня никогда не требовали. Множество похожих вопросов – почему Верити наняла меня, что нового я собираюсь внести, какой прошлый опыт обеспечил мне эту работу. Я копирую многие ответы по несколько раз.

После обеда я концентрируюсь на набросках седьмой книги. Я отчаялась что-то найти, и теперь выстраиваю роман из мелких заметок. Это дается непросто, я чувствую измождение после ночных событий. Мне беспокойно. Но я стараюсь не думать о прошлой ночи.

Ближе к вечеру я чувствую аромат тако. И улыбаюсь, зная, что Джереми приготовил их по моей просьбе. Уверена, он оставит мне тарелку как обычно. Просто мне в моем положении не слишком уютно есть за одним столом с Верити и Эйприл.

Провожу еще несколько минут в раздумьях о Верити, задаваясь вопросом, почему я так ее боюсь. Смотрю на ящик с рукописью. *Еще одна глава, и все. Хватит.*

Глава шестая

С их рождения прошло полгода, но я по-прежнему хотела, чтобы их никогда не существовало.

Но они были, и Джереми их любил. И я старалась. Иногда я задавалась вопросом, стоит ли оно того. Порой мне хотелось собрать вещи, уйти и никогда не возвращаться. Меня останавливал только он. Я знала, что не захочу жить без Джереми. Варианта было два.

Жить с ним и двумя девочками, которых он любил сильнее меня.

Жить без него.

Они прилагались комплектом, иначе никак. Я ненавидела себя за то, что не использовала противозачаточные. Что думала, будто все будет нормально. Ничего не было нормально. Во всяком случае, у меня. Моя

семья будто существовала в снежном шаре. Внутри царил идеальный уют, но меня там не было, я просто наблюдала со стороны.

В ту ночь шел снег, а в квартире было тепло. Но я проснулась от холода. Или *озноба*. Меня трясло. Мне приснился такой яркий кошмар, что он продолжал действовать через несколько часов после пробуждения. Сонное похмелье.

Мне снилось будущее, девочки, Джереми и я. Им было восемь или девять лет. Точнее сказать я не могла, потому что мало знала о детях и как они выглядят в каждом возрасте. Я только помню, как проснулась с *чувством*, что им было восемь или девять лет.

Во сне я проходила мимо их спальни. Я заглянула внутрь и не могла понять, что происходит. Харпер сидела на Частине, накрыв ее голову подушкой. Я бросилась к кровати, испугавшись, что уже слишком поздно. Столкнула Харпер с сестры и убрала подушку. Посмотрела на Частина и в ужасе закрыла рот рукой.

Там ничего не было. Лицо Частина было гладким, словно лысина. Без шрама. Без глаз, без рта. Нечего душить.

Я посмотрела на Харпер, которая наблюдала за мной с мрачным выражением лица.

– Что ты *наделала*?

А потом я проснулась.

Меня напугал не сам сон. А то, насколько он показался пророческим. И как сильно меня задел.

Обняв колени, я качалась на кровати вперед-назад, удивляясь собственным чувствам. Боль. Это была боль. *Боль от потери*.

Я почувствовала во сне боль от потери? Когда я подумала, что Частина умерла, мне захотелось упасть на колени и зарыдать. Я чувствовала абсолютно то же самое, когда думала о возможной смерти Джереми. Я просто перестану функционировать.

Я сидела и плакала, не в силах совладать с эмоциями. Неужели я наконец обрела с ними связь? Во всяком случае, с Частином? Так вот каково быть матерью? Любить так сильно, что мысль о разлуке вызывает физическую боль?

Это были самые сильные чувства, что я испытала с момента зачатия девочек. Пусть даже лишь к одной из них, это все равно кое-что значило.

Джереми повернулся ко мне. Открыл глаза и увидел, что я сижу, обхватив колени.

– Что с тобой?

Я не хотела, чтобы он задавал лишние вопросы, потому что ему всегда

удавалось разгадать мои мысли. Во всяком случае, чаще всего. Как я могла признаться, что полюбила одну из его дочерей, не признавшись, что изначально не любила обеих?

Нужно было что-то делать. Отвлечь его от расспросов. Я по опыту знала, что Джереми не удастся вытянуть из меня правду, если его член будет у меня во рту.

Я сползла вниз, и к тому моменту, как я оказалась над ним, готовая работать ртом, его член уже затвердел. Я постаралась принять в себя как можно больше.

Мне нравилось, когда он стонал. Он был тихим любовником, но иногда, когда мне действительно удавалось застичь его врасплох, он становился не таким тихим. В такие моменты он впадал в эйфорию. И я задалась вопросом, какому количеству женщин удавалось добиться от него звуков? Сколько пар губ оборачивались вокруг его члена?

Я выпустила его из рта.

– Сколько женщин сосали твой член?

Он приподнялся на локтях и озадаченно посмотрел на меня.

– Ты серьезно?

– Просто любопытно.

Он рассмеялся, откинув голову на подушку.

– Не знаю. Не считал.

– Так много? – поддразнила я. Залезла на него и села сверху. Мне нравилось, когда он дергался подо мной и сжимал мои бедра. – Если ты не ответил сразу, значит, больше пяти.

– Точно больше пяти, – признал он.

– Больше десяти?

– Возможно. Вероятно. Да.

Странно, что *это* ревности во мне не вызывало, а вот двое младенцев сводили с ума. Возможно, потому, что девочки были в его жизни сейчас, а все прошлые шлюхи... В прошлом.

– Больше *двадцати*?

Он поднял руки и обхватил мои груди. Сжал их. Судя по выражению лица, он собирался отыметь меня. Жестко.

– Вроде того, – прошептал он, притягивая меня к себе. Приблизил губы к моим губам, скользнул рукой между нами и принялся ласкать меня. – Сколько парней вылизывали твою киску?

– Двое. Я не такая развратница, как ты.

Он рассмеялся мне в губы и перевернул меня на спину.

– Но ты *влюблена* в развратника.

– *Бывшего* развратника, – уточнила я.

Я ошиблась насчет его намерений в тот вечер. Он не отымел меня. Он занялся со мной любовью. Целовал каждый сантиметр моего тела. Заставлял лежать смирно, дразня и пытая, когда сильнее всего на свете мне хотелось сосать его член. Каждый раз, когда я пыталась двинуться, перехватить инициативу, он меня останавливал.

Не знаю, почему мне так нравилось доставлять ему удовольствие, но я любила это больше, чем когда удовольствие доставляли мне. Возможно, это объясняется языками любви или подобной ерундой. Моим языком любви были акты служения. Языком любви Джереми – когда у него сосали член. Мы были идеальной парой.

Он был в нескольких мгновениях от оргазма, когда заплакала одна из девочек. Он застонал, я закатила глаза, и мы оба потянулись к монитору. Он – чтобы на них посмотреть. Я – чтобы его выключить.

Я чувствовала, как он становится внутри меня все мягче, и вытащила из монитора провод питания. Мы по-прежнему слышали из коридора крики, но я не сомневалась, что смогу заглушить их, если мы просто продолжим с того места, где остановились.

– Пойду, проверю, – сказал он, пытаясь с меня слезть. Я толкнула его обратно на кровать и залезла сверху.

– Схожу сама, когда ты закончишь. Пусть немного поплачет. Им это полезно.

Похоже, ему было неловко, но когда его член снова оказался у меня во рту, он сдался.

По сравнению с первой попыткой я научилась проглатывать намного лучше. Я почувствовала, что он готов, и сделала вид, что давлюсь. Не знаю почему, но он всегда кончал, если думал, что я давлюсь его членом. *Мужчины*. Он застонал, я заглотила еще глубже с очередным булькающим звуком, и он кончил. Я проглотила, вытерла рот и встала.

– Спи. Я разберусь.

В этот раз я действительно хотела разобраться сама. И впервые почувствовала не только раздражение при мысли о кормлении. Но я хотела покормить Частин. Взять ее на руки, обнять, любить. Я отправилась в детскую с восторгом.

Но восторг превратился в раздражение, как только я увидела, что плачет Харпер.

Какое разочарование.

Их колыбельки стояли голова к голове, и я с удивлением обнаружила, что Частин спит, несмотря на крики Харпер. Прошла мимо Харпер и

наклонилась над Частин.

Эмоции к ней переполняли меня – до боли. И я очень хотела, чтобы Харпер заткнулась – до боли.

Я взяла Частин из колыбели и отнесла к креслу-качалке. Когда я села, она закопошилась у меня в руках. Я вспомнила свой сон, и в какой ужас я пришла, когда увидела, как ее убивает Харпер. Я почувствовала, что могу заплакать просто от мысли, что однажды могу ее потерять. От мысли, что однажды все может произойти наяву.

Возможно, это была материнская интуиция. Возможно, глубоко внутри я знала, что с Частин случится нечто ужасное, и поэтому мне была дарована эта внезапная, беспредельная любовь к ней. Возможно, это вселенная подсказала мне любить мою малышку как можно сильнее, потому что она пробудет со мной не так долго, как Харпер?

Возможно, поэтому я ничего не чувствовала к Харпер. Потому что жизнь Частин должна была оборваться раньше срока. Она умрет, и останется только Харпер.

Где-то в глубине души я знала, что откладывала любовь к Харпер на потом. На то время, когда Частин рядом уже не будет.

Я зажмурила глаза. От криков Харпер начала болеть голова. *Заткнись, черт тебя подери! Орешь, орешь, орешь! Я пытаюсь установить связь со своим ребенком!*

Еще несколько минут я пыталась не обращать на крики внимания, но потом забеспокоилась, что они встревожат Джереми. Положила Частин в колыбель, удивляясь, что она по-прежнему спит. *Она и правда хорошая малышка.* Я подошла к Харпер, закипая от гнева. Почему-то было ощущение, что увиденный мною сон – ее вина.

Возможно, я истолковала сон неправильно. Возможно, это было не предчувствием, а *предупреждением*. Если я ничего не сделаю с Харпер, пока не будет слишком поздно, Частин умрет.

И внезапно меня охватило неодолимое желание исправить то, что, как я знала, должно случиться. Никогда прежде у меня не было такого яркого сна. Я почувствовала: если я ничего не сумею предпринять, он может сбыться в любой момент. Впервые за все время мне стала невыносима мысль о потере Частин. Было почти так же больно, как при мыслях о потере Джереми.

Я не представляла, как убить человека, тем более младенца. Единственный раз, когда я пыталась это сделать, все закончилось лишь царапиной. Но я слышала о СВДС, синдроме внезапной детской смерти. Джереми заставил меня о нем прочитать. Это не редкость, но я знала

недостаточно, чтобы понять, можно ли определить разницу между удушьем и СВДС.

Хотя я слышала, что люди захлебывались во сне рвотными массами. Возможно, это будет сложнее расценить как умышленное убийство.

Я приложила палец к губам Харпер. Она быстро задвигала головкой вперед-назад, подумав, что это бутылка. Потом начала сосать кончик моего пальца, но желаемого не получила. Выпустила палец изо рта и снова начала кричать. И пинаться. Я запихнула палец глубже ей в рот.

Она продолжала плакать, и я протолкнула его еще глубже. Она резко вдохнула воздух, каким-то образом продолжая плакать. *Может, одного пальца мало.*

Я засунула ей в рот и в горло два пальца, пока костяшки не уперлись в десны, но она не перестала плакать. Я наблюдала, и вскоре ее ручки начали напрягаться, а маленькое тельце задергалось.

Вот что она сделала бы с сестрой, если бы я не успела сделать этого с ней. Я спасаю Частин жизнь.

– Она в порядке? – спросил Джереми.

Черт. Черт, черт, черт.

Я вытащила пальцы у Харпер изо рта, взяла ее на руки и прижала лицом к своей груди, чтобы Джереми не слышал, как она задыхается.

– Не знаю, – ответила я. Он шел в мою сторону. Мой голос звучал испуганно. – Никак ее не успокою. Все перепробовала.

Я принялась похлопывать дочь по затылку, пытаюсь продемонстрировать Джереми, как сильно я беспокоюсь.

И в этот момент ее стошнило прямо на меня. И как только ее стошнило, она закричала. *Завыла.* Хриплым голосом, судорожно втягивая воздух между криками. Никто из нас прежде не слышал такого плача. Джереми схватил ее и забрал у меня, чтобы попытаться успокоить.

Ему было совершенно все равно, что ее на меня вырвало. Он даже на меня не посмотрел. Он очень заволновался, нахмурил брови, наморщил лоб и принялся ее осматривать. Но его беспокойство никак не относилось ко мне. Оно было направлено исключительно на Харпер.

Задержав дыхание, я направилась в ванную, боясь вдохнуть запах. Это я ненавидела в материнстве сильнее всего. Всю *чертову* блевоту.

Пока я была в ванной, Джереми приготовил Харпер еду. Когда я вышла, она уже снова спала. А он был в нашей постели, опять включал видеоняню.

Я замерла. И посмотрела на монитор, где открывался прекрасный вид прямо на Частин и Харпер, лежащих в колыбельках.

Как я могла забыть про чертов монитор?

Если бы он увидел, что я делала с Харпер, между нами все было бы кончено.

Как я могла быть такой беспечной?

Той ночью я почти не спала, представляя, что бы Джереми со мной сделал, если бы увидел, как я пытаюсь спасти Частин от сестры.

О господи. Я сгибаюсь на стуле, схватившись за живот.

– Пожалуйста... Пожалуйста... – выдавливаю я вслух, хотя сама не знаю, к кому я обращаюсь.

Мне нужно выбраться из этого дома. Я не могу здесь дышать. Нужно пойти, посидеть на улице и попытаться очистить голову от всего прочитанного.

Каждый раз, когда я читаю рукопись, внутри все сжимается и начинает болеть живот. После шестой главы я просмотрела несколько следующих, но ни одна не была такой ужасной, как глава с подробным описанием ее попытки задушить свою маленькую дочь.

В последующих главах Верити сосредоточилась в основном на Джереми и Частин, вообще редко упоминая Харпер, и с каждым параграфом это напрягало все сильнее. Она рассказывала про первый день рождения Частин и про то, как Частин впервые осталась на ночь у мамы Джереми в возрасте двух лет. Все, что изначально именовалось в ее рукописи «близнецами», постепенно сократилось до просто «Частин». Если бы я не знала, то подумала бы, что Харпер умерла гораздо раньше.

И только когда девочкам было три года, она снова начала писать о них обеих. Но когда я начала читать очередную главу, в дверь кабинета постучали.

Я открыла ящик и быстро спрятала рукопись внутрь.

– Входите.

Когда Джереми открывает дверь, одна моя рука держит мышь, а другая расслабленно лежит на коленях.

– Я сделал тако.

Я улыбаюсь.

– Уже пора есть?

Он смеется.

– Одиннадцатый час. Есть было пора три часа назад.

Смотрю на часы на компьютере. Как я могла потерять счет времени? Видимо, так бывает, когда читаешь про ненормальную женщину и ее жесткость к собственным детям.

– Я думала, сейчас восемь.

– Ты провела здесь двенадцать часов. Передохни. Сегодня метеорный дождь, тебе нужно поесть, и я сделал тебе «Маргариту».

«Маргарита» и тако. *Только и всего.*

* * *

Я поела на задней веранде, пока мы сидели на креслах-качалках и смотрели метеоритный дождь. Сначала их было немного, но теперь они пролетают минимум каждую минуту.

В какой-то момент я перешла с веранды во двор. И легла на траву, глядя в небо. Джереми наконец сдается и располагается рядом со мной.

– Я и забыла, как выглядит небо, – тихо признаюсь я. – Я так долго прожила на Манхэттене.

– Поэтому я и уехал из Нью-Йорка, – говорит Джереми. И показывает влево, где летит метеорит. Мы наблюдаем за ним, пока он не исчезает.

– Когда вы с Верити купили этот дом?

– Когда девочкам было три. К тому моменту вышли две первые книги Верити, и с большим успехом, поэтому мы решили рискнуть.

– Почему Вермонт? У кого-то из вас здесь родственники?

– Нет. Мой папа умер, когда я был подростком. Мама умерла три года назад. Но я вырос в штате Нью-Йорк, на ферме альпак, представь себе.

Я рассмеялась и повернулась к нему.

– Серьезно? Альпаки?

Он кивает.

– Как именно можно зарабатывать деньги на альпаках?

Джереми смеется.

– На самом деле никак. Именно поэтому я решил учиться бизнесу, а потом начал заниматься недвижимостью. Меня совершенно не привлекала погрязшая в долгах ферма.

– Планируешь скоро вернуться к работе?

Немного подумав, Джереми отвечает:

– Хотелось бы. Я ждал подходящего момента, чтобы не слишком травмировать Крю, но, кажется, такой момент не наступит никогда.

Если бы мы были друзьями, я бы попыталась как-то его утешить. Возможно, взять за руку. Но внутри меня слишком много жажды быть для него больше, чем другом, а значит, друзьями мы быть не сможем. Если между людьми существует влечение, у них лишь два варианта: быть вместе или нет. Третьего не дано.

А поскольку он женат... Я не отрываю руки от груди и не прикасаюсь к нему вообще.

– А родители Верити? – спрашиваю я, чтобы беседа потекла дальше и он не смог услышать моего учащенного дыхания.

Он разводит руками, жестом изображая неведение.

– Я их почти не знаю. Мы редко виделись, пока они окончательно не исключили Верити из своей жизни.

– Исключили? Но почему?

– Сложно объяснить. Они странные. Виктор и Марджери безумно религиозны, до мозга костей. Когда они узнали, что Верити пишет триллеры, то отреагировали, будто она отреклась от своей религии и присоединилась к сатанинскому культу. Они сказали, что если она не прекратит, они больше никогда не будут с ней разговаривать.

Невероятно. Какая... *Жестокость*. На мгновение я даже сочувствую Верити, и мне приходит в голову, что отсутствие материнского инстинкта может быть наследственным. Но все сочувствие улетучивается, когда я вспоминаю, что она сделала с Харпер.

– Как давно они с ней не общаются?

– Сейчас посчитаем... Она написала первую книгу больше десяти лет назад. Значит... Больше десяти лет.

– Они с ней так и не говорили? Они вообще знают, что случилось?

ДжерEMI кивает.

– Я позвонил им, когда умерла Частин. Оставил голосовое сообщение. Они не перезвонили. Потом, когда Верити попала в аварию, ее отец подошел к телефону. Когда я сообщил ему о случившемся с девочками и с Верити, он умолк. Потом сказал: «Бог наказывает грешников, ДжерEMI». Я повесил трубку. И больше от них ничего не слышал.

Кладу руку на сердце и в потрясении смотрю в небо.

– Ого.

– Да, – шепчет он.

Какое-то время мы лежим молча. И видим два метеора, один на юге и один на востоке. Оба раза ДжерEMI показывает на них рукой, но ничего не говорит. Потом, когда наступает затишье, он приподнимается на локоть и смотрит на меня.

– Как думаешь, может, снова начать водить Крю к психотерапевту?

Я поворачиваю к нему голову. Мы совсем близко друг к другу, меньше чем в полуметре. Так близко, что я ощущаю его тепло.

– Да.

Кажется, он ценит мою честность.

– Хорошо, – отвечает он, но не ложится обратно на траву. Он продолжает смотреть на меня, словно хочет спросить что-то еще.

– Ты ходила на терапию?

– Да. И это лучшее, что когда-либо со мной случилось.

Я снова поднимаю взгляд в небо, потому что не хочу видеть его реакцию на свои дальнейшие слова.

– Посмотрев ту запись, где я стояла на перилах, я испугалась, что в глубине души хочу умереть. Несколько недель я пыталась бороться со сном. Боялась ненамеренно нанести себе вред. Но мой врач помог мне понять, что сомнамбулизм никак не связан с истинными намерениями. Ему пришлось повторять это несколько лет, и я наконец поверила.

– Твоя мама ходила на терапию с тобой?

Я смеюсь.

– Нет. Она даже не желала ее со мной обсуждать. В ту ночь, когда я сломала запястье, что-то произошло, и это изменило ее навсегда. Во всяком случае, наши отношения. Связь разорвалась. Вообще-то, моя мать очень напоминает мне...

Я резко смолкаю, потому что осознаю, что собиралась назвать имя *Верити*.

– Напоминает кого?

– Главного персонажа цикла Верити.

– Это плохо?

Я смеюсь.

– Ты действительно их не читал?

Он ложится обратно на траву, уже не глядя на меня.

– Только первую.

– Почему перестал?

– Потому что... Мне было тяжело понять, что все это – плод ее воображения.

Я хочу сказать ему, что он беспокоился не напрасно, мысли его жены жутким образом совпадают с мыслями ее персонажей. Но не хочу создавать для него такой образ Верити. После всего, что ему пришлось пережить, он заслуживает хотя бы положительных воспоминаний о своем браке.

– Она очень сердилась, что я не читаю ее рукописей. Ей нужно было мое одобрение, хоть она и получала его от всех окружающих. Своих читателей, редактора, критиков. Но по какой-то причине ей было нужно именно мое одобрение.

Потому что она была тобой одержима.

– А ты где получаешь одобрение?

Я поворачиваю к нему голову.

– Нигде. Мои книги непопулярны. Если я получаю положительный

отзыв или письмо от поклонника, мне кажется, что обращаются не ко мне. Возможно, потому что я закрытый человек и никогда не встречаюсь с читателями. Я не разрешила публиковать свою фотографию, так что даже если некоторым читателям нравятся мои работы, еще никто не говорил мне этого лично, – я вздыхаю. – Наверное, было бы приятно. Если бы кто-то посмотрел мне в глаза и сказал: «Мне нравятся твои книги, Лоуэн».

Когда я договариваю, по небу пролетает метеор. Мы наблюдаем, как он несется над водой, отражаясь в озере.

– Когда начнешь строить новый причал? – спрашиваю я. Сегодня он наконец закончил разбирать старый.

– Я не буду строить новый причал, – спокойно отвечает он. – Просто надоело на него смотреть.

Я бы продолжила этот разговор, но, кажется, он не хочет.

Он смотрит на меня. И даже хотя сегодня вечером мы с Джереми часто смотрели друг другу в глаза, в этот раз все иначе. Интенсивнее. Я замечаю, как он бросает взгляд на мои губы. Я хочу, чтобы он меня поцеловал. Если он попытается, останавливать не стану. И даже вряд ли испытаю чувство вины.

Он тяжело вздыхает, снова откидывается на траву и смотрит на звезды.

– О чем ты думаешь? – шепчу я.

– Думаю, уже поздно. Пожалуй, пора запереть тебя в твоей комнате.

Я смеюсь над формулировкой. А может, потому, что выпила две «Маргариты». В любом случае, он тоже начинает смеяться. И момент, о конце которого он мог пожалеть, превращается в момент облегчения.

Иду в кабинет и беру ноутбук, чтобы поработать в спальне, когда он отправится спать. Пока он выключает на кухне свет, я открываю ящик и беру несколько страниц рукописи. И кладу их между ноутбуком и грудью.

На двери спальни установлен новый замок, я его еще не видела. Я не хочу рассматривать его или выяснять, можно ли открыть его изнутри, потому что подсознание обязательно это запомнит, и я смогу выбраться наружу.

Джереми стоит у меня за спиной, я захожу и кладу вещи на кровать.

– У тебя есть все что нужно? – спрашивает он.

– Ага, – я возвращаюсь к двери, чтобы запереться изнутри, когда закрою ее.

– Ну хорошо. Спокойной ночи.

– Хорошо, – с улыбкой повторяю я. – Спокойной ночи.

Я хочу закрыться, но он поднимает руки, останавливая меня. Снова приоткрываю дверь, и за эту секунду выражение его лица меняется.

– Лоу, – тихо говорит он. Прислоняется головой к косяку и смотрит на меня. – Я тебя обманул.

Пытаюсь не выдавать тревоги, но не получается. Начинаю вспоминать наш сегодняшний разговор и все предыдущие разговоры.

– Обманул насчет чего?

– Верити никогда не читала твоих книг.

Мне хочется отступить назад, скрыть свое разочарование в темноте. Но я остаюсь на месте, сжимая ручку левой рукой.

– Зачем ты так сказал, если это неправда?

Он на мгновение закрывает глаза и делает глубокий вдох. Потом размыкает веки, выдыхает и выпрямляется. Поднимает руки и хватается за верх дверного проема.

– Это я прочитал твою книгу. Ты хорошо пишешь. *Феноменально*. Именно поэтому я предложил твою кандидатуру ее редактору, – он слегка опускает голову и смотрит мне прямо в глаза. – Мне нравятся твои книги, Лоуэн.

Он опускает руки и закрывает дверь. Я слышу, как щелкает замок, прежде чем его шаги смолкают наверху.

Падаю на дверь, прижимаясь лбом к дереву.

И улыбаюсь, потому что впервые за всю карьеру кто-то, кроме литературного агента, похвалил мое творчество.

Удобно устраиваюсь в кровати с главой, которую принесла с собой. Мне так хорошо от слов Джереми, что я даже не против немного поволноваться перед сном из-за его жены.

Глава девятая

Курица с клёцками.

Это было пятое блюдо, приготовленное мною за те две недели, что мы провели в новом доме.

И единственное блюдо, брошенное Джереми в стену столовой.

Я уже несколько дней чувствовала, что он мной недоволен. Но не знала почему. У нас по-прежнему почти каждый день был секс, но даже секс ощущался как-то иначе. словно он разорвал эмоциональную связь. Трахал меня из супружеского долга, а не потому, что хотел.

Именно поэтому я и решила сделать чертовы клецки. Пыталась угодить ему, приготовив его любимую еду. У него был непростой период на новой работе. Кроме того, он расстроился, что я отправила девочек в

детский сад, не посоветовавшись с ним.

Мы наняли няню в Нью-Йорке, как только мои книги начали продаваться. Она приходила каждое утро, когда Джереми уходил на работу, чтобы у меня была возможность уединиться в кабинете и писать. Няня уходила, когда Джереми возвращался – тогда я выходила из кабинета, и мы вместе готовили ужин.

Должна признать, это было очень удобно. Мне не приходилось заниматься девочками, пока Джереми не было рядом. Но здесь, в глуши, непросто подыскать приходящую няню. Первые пару дней я пыталась справиться с ними сама, но это оказалось слишком утомительно, и я не успевала писать. И в какой-то момент мне так надоело, что я отвезла их в город и отдала в первый же попавшийся детский сад.

Я знала, что Джереми это не понравится, но он понимал – если мы оба хотим продолжать работать, надо что-то делать. Я зарабатывала больше, чем он, и если кому-то из нас пришлось бы оставаться дома и присматривать за ними, то точно не мне.

Но его беспокоило не то, что девочки скучают по дому. Даже наоборот, ему нравилось, что они общаются с другими детьми, он говорил об этом без умолку. Но за несколько месяцев до этого мы обнаружили, что у Частин сильная аллергия на арахис, и Джереми за нее волновался. Он боялся доверить ее кому-то чужому. Боялся, что в саду не уследят, хотя именно Частин была моей любимицей. Я не была тупой. Я убедилась, что все в саду знают о ее аллергии.

В любом случае, чем бы я его ни расстроила, я не сомневалась – тарелка клецок и хороший секс помогут ему об этом забыть.

В тот вечер я нарочно накрыла на стол попозже, чтобы девочки уже спали. Им было всего три, и, к счастью, они ложились уже в семь. А почти в восемь я позвала Джереми ужинать.

Я очень старалась создать романтическую обстановку, но курицу с клецками сложно назвать сексуальной. Я зажгла на столе свечи и включила музыку. И надела нижнее белье, что было для меня редкостью.

Пока мы ели, я попыталась завести с Джереми беседу.

– Кажется, Частин окончательно научилась ходить на горшок, – сказала я. – В саду ей помогли.

– Хорошо, – ответил Джереми, листая одной рукой что-то в телефоне и держа вилку в другой.

Я немного подождала, надеясь, что он отвлечется от экрана. Когда этого не случилось, я поерзала на стуле и снова попыталась привлечь его внимание. Я знала, что обсуждение девочек – его любимая тема.

– Когда я сегодня их забирала, воспитательница сказала, что она выучила на этой неделе семь цветов.

– Кто? – уточнил он, глядя наконец мне в глаза.

– Частин.

Он посмотрел на меня, бросил телефон на стол и продолжил есть.

Что за черт?

Я видела, как он пытается сдержать гнев, и начала нервничать. Джереми никогда не сердился, а если и сердился, я почти всегда знала причину. Но на этот раз все было иначе.

Я не выдержала. Откинулась на спинку стула и бросила салфетку на стол.

– Почему ты на меня злишься?

– Я не злюсь, – ответил он. Слишком быстро.

Я рассмеялась.

– Ты жалок.

Он прищурил глаза и наклонил голову.

– *Прошу прощения?*

Я наклонилась вперед.

– Джереми, просто *скажи*. Довольно этой гребаной пытки молчанием. Будь мужчиной и скажи мне, что случилось.

Он сжал и разжал кулаки. А потом встал и двинул по тарелке, которая полетела через стол прямо в стену. Я еще ни разу не видела, чтобы он выходил из себя. Я замерла, вытаращив глаза, а он выскочил из кухни.

Я услышала, как хлопнула дверь нашей спальни. Посмотрела на беспорядок и решила убраться после примирения, чтобы он знал, как я его ценю. *Пусть даже он ведет себя как кретин.*

Я задвинула свой стул и отправилась в спальню. Он метался по комнате. Когда я закрыла за собой дверь, он поднял взгляд и замер. В тот момент он так старался сформулировать свои мысли – все, что хотел мне высказать. И как бы я ни злилась за то, что он выбросил еду, в которую я вложила столько труда, мне стало его жаль.

– Постоянно, Верити, – сказал он. – Ты говоришь о ней *постоянно*. И никогда не говоришь про Харпер. Никогда не рассказываешь, чему научилась Харпер в саду, или научилась ли она ходить на горшок, или что забавного она сказала. Только Частин, всегда, каждый день.

Черт. Как бы я ни пыталась это скрывать, он все равно видит.

– Неправда, – ответила я.

– *Правда*. И я пытался об этом молчать, но они становятся старше. Харпер заметит, что ты относишься к ним по-разному. Это несправедливо.

Я не знала, как выйти из положения. Можно было перейти в оборону, обвинить в чем-нибудь его. Но я знала, что он прав, поэтому нужно было убедить его, что он не прав. К счастью, он отвернулся, и у меня появилось несколько мгновений подумать. Я подняла взгляд, словно обращаясь за советом к богу. *Дурочка. Тут бог тебе не поможет.*

Я осторожно шагнула вперед.

– Детка. Дело вовсе не в том, что мне больше нравится Частин. Просто она... Сообразительнее. Первой учится новому.

Он повернулся, рассердившись еще сильнее.

– Частин не сообразительнее Харпер. Они разные. Харпер очень умная.

– Знаю, – ответила я, делая к нему еще один шаг. Я продолжала говорить тихо. Ласково. Не обиженно. – Я имела в виду другое. Просто... Мне проще реагировать на поступки Частин, потому что ей это нравится. Она энергичная, как я. Харпер – нет. Ей нужно молчаливое одобрение. С ней я куда сдержаннее. В этом она похожа на тебя.

Он угрюмо смотрел на меня, но я почти не сомневалась, что он купился, и продолжала.

– Когда Харпер не в настроении, я ее не трогаю, поэтому – да, я больше говорю про Частин. И иногда уделяю ей больше внимания. Но лишь потому, что это два разных ребенка с разными потребностями. И мне приходится быть для них двумя разными мамами.

Я хорошо умела нести чушь. Именно поэтому я стала писателем.

Гнев Джереми постепенно угасал. Он расслабил челюсть и провел рукой по волосам, обдумывая мои слова.

– Я беспокоюсь из-за Харпер, – сказал он. – Наверняка сильнее, чем следует. И сомневаюсь, что относиться к ним по-разному и дальше – правильно. Харпер может заметить разницу.

Неделей раньше одна из работниц детского сада высказала мне свои опасения по поводу Харпер. Но до того момента – когда Джереми высказал о ней беспокойство – я об этом совершенно забыла. Она сказала, возможно, Харпер следует проверить на синдром Аспергера. Но до нынешней ссоры с Джереми ее слова вылетели у меня из головы. Слава богу, я их вспомнила – это был отличный способ держать оборону.

– Я не хотела говорить тебе, чтобы не расстраивать, – начала я. – Но одна из воспитательниц посоветовала проверить Харпер на синдром Аспергера.

Тревога Джереми усилилась в десять раз. Я попыталась как можно скорее ее смягчить.

– Я уже звонила специалисту. – *Во всяком случае, позвоню завтра.* – Когда у них появится свободное время, они перезвонят.

Джереми достал телефон и начал изучать потенциальный диагноз.

– Они считают, у Харпер аутизм?

Я забрала у него из рук телефон.

– Не надо. Ты сведешь себя с ума еще до встречи с врачом. Давай сначала проконсультируемся со специалистом и не будем искать ответы о проблемах нашей дочери в интернете.

Он кивнул и притянул меня к себе.

– Прости, – прошептал он мне на ухо. – Неделя выдалась дерьмовая. Сегодня я потерял крупного клиента.

– Джереми, тебе не обязательно работать. Я зарабатываю достаточно, чтобы ты сидел дома с девочками, если тебе так будет легче.

– Если я не буду работать, то сойду с ума.

– Возможно, но детский сад для троих будет стоить очень дорого.

– Мы можем себе позволить... – он умолк и отстранился. – Ты сказала... *Троих?*

Я кивнула. Разумеется, я обманывала его, но мне хотелось улучшить ему настроение. Я хотела, чтобы он был счастлив. И он стал счастлив после новости о моей новой беременности.

– Ты уверена? Я думал, ты больше не хочешь.

– Пару недель назад я пропустила таблетку. Срок еще ранний. Совсем ранний. Только сегодня утром узнала, – улыбнулась я. Потом моя улыбка стала шире.

– И ты счастлива?

– Разумеется. А ты?

Он рассмеялся, потом поцеловал меня, и *все вернулось к норме. Слава богу.*

Я схватила его за рубашку и поцеловала в ответ, страстно желая, чтобы он напрочь позабыл о нашей ссоре. По поцелую он понял, что я хочу большего. Снял с меня рубашку, потом с себя. Не прерывая поцелуя, повалил меня на кровать. Стянув с меня штаны, он увидел, что я надела для него особый комплект белья.

– Ты в нижнем белье? – спросил Джереми. И опустил голову мне на шею. – И приготовила мое любимое блюдо, – расстроено добавил он. Я не понимала, что именно его огорчило, пока он не отстранился, не убрал волосы с моего лица и не сказал:

– Мне так стыдно, Верити. Ты пыталась устроить особенный вечер, а я все испортил.

Он не понимал, что невозможно испортить вечер, если в конце этого вечера он будет любить *меня*. Сосредоточится на *мне*.

Я покачала головой.

– Ничего ты не испортил.

– Испортил. Швырнул тарелку, накричал на тебя, – он притиснул губами к моим губам. – Я все возьму.

И он возместил. Он медленно трахал меня, покрывая поцелуями, посасывая соски. Если бы я кормила грудью, получил ли бы он подобное наслаждение?

Сомневаюсь. Даже после рождения близнецов мое тело оставалось почти идеальным. Кроме шрама на животе, самые важные части были в порядке. Еще вполне крепкими. И храм Джереми между моих ног был по-прежнему хорош и упруг.

Когда я почти достигла финала, он вышел.

– Хочу попробовать тебя на вкус, – прошептал он, спускаясь по моему телу вниз, пока его язык не раскрыл меня.

«Разумеется, ты хочешь меня попробовать, – подумала я. – Я берегла там все специально для тебя. Добро пожаловать».

Он оставался у меня между ног, пока я не кончила. Дважды. Когда он начал подниматься вверх, то остановился и поцеловал меня в живот. И снова проник в меня.

– Я люблю тебя, – прошептал он между поцелуями. – Спасибо.

Он благодарил меня за беременность.

Он занимался со мной любовью с такой заботой, с таким участием. Обмануть про беременность стоило хотя бы ради того, чтобы он снова меня так любил. Чтобы вернуть нашу связь.

Из хорошего девочки принесли в нашу жизнь только одно – казалось, сильнее всего Джереми любил меня во время беременности. И теперь, когда он думал, что я подарю ему третьего ребенка, я уже чувствовала, как его любовь преумножается снова.

Я немного переживала насчет обмана про беременность, но знала – даже если мне не удастся зачать ребенка на этой неделе, всегда есть варианты. Выкидыш изобразить так же легко, как и беременность.

Спустя еще неделю чтения рукописи Верити мне стало скучно. Она начала повторяться. Глава за главой детальных описаний секса с Джереми. Очень мало информации о детях. Она написала два параграфа о рождении Крю, но потом переключилась на рассказ об их с Джереми первом сексе после его рождения.

В определенный момент я начала ревновать. Мне не нравится читать про интимную жизнь Джереми. Сегодня утром я взялась за очередную главу, но потом отложила ее в сторону и вернулась к работе. Я закончила набросок первой книги и отправила его Кори. Он сказал, что переправил его редактору из «Пантема», потому что по-прежнему не читал ни одной книги Верити и не сможет сказать, насколько моя работа им соответствует. И пока я не получу обратной связи, за вторую часть братья смысла нет. Если они захотят что-нибудь изменить, я потрачу время впустую.

Я провела здесь уже почти две недели. Кори сказал, что они уже отправили аванс, и он должен поступить мне на счет со дня на день. Когда придет ответ из «Пантема», скорее всего, настанет время уезжать. Я изучила в кабинете Верити все, что могла. Если бы у меня была возможность уехать до получения денег, я бы уже это сделала.

Сегодня я ударила стену. Я абсолютно опустошена после двух недель столь интенсивной работы. И я могла бы вернуться к чтению автобиографии Верити, но я совершенно не в настроении читать обо всех способах, которыми Верити сосала член своего мужа.

Я скучаю по телевизору. Я не заходила в гостиную с тех пор, как приехала сюда почти две недели назад. Покидаю кабинет Верити, готовлю себе пачку попкорна, устраиваюсь на диване в гостиной и включаю телевизор. Я заслужила немного лени, тем более что завтра у меня день рождения, хоть я и не собираюсь рассказывать об этом Джереми.

Постоянно бросаю взгляды на лестницу, потому что ее прекрасно видно с дивана, но Джереми нигде нет. Последние несколько дней я его почти не видела. Думаю, мы оба понимаем, как близки были к поцелую в тот вечер и насколько это было неправильно, и поэтому теперь избегаем друг друга.

Включаю телевизор и устраиваюсь поудобнее. Спустя пятнадцать минут просмотра программы о ремонте домов я наконец слышу, как спускается Джереми. Он замирает на полпути, увидев меня в гостиной.

Потом преодолевает оставшиеся ступени, подходит ко мне и садится рядом. Достаточно близко, чтобы дотянуться до попкорна, но достаточно далеко, чтобы избежать прикосновений.

– Исследуешь? – спрашивает он, вытянув ноги на журнальный столик. Я смеюсь.

– Конечно. Всегда в работе.

Он зачерпывает ладонью попкорн.

– Верити смотрела телевизор запоем, когда у нее был творческий кризис. Говорила, иногда он подавал ей идеи.

Я не хочу говорить про Верити и меняю тему.

– Сегодня я закончила первый набросок. Если завтра его утвердят, то, возможно, я уеду через несколько дней.

Джереми перестает жевать и смотрит на меня.

– Да?

Мне нравится, что его расстраивает новость о моем отъезде.

– Да. И спасибо, что позволил мне оставаться дольше, чем следовало.

Он удерживает мой взгляд.

– Дольше, чем следовало? – Потом снова начинает жевать и смотрит в телевизор. – Мне показалось, это было *недостаточно* долго.

Я не знаю, что он имеет в виду. Что я недостаточно много поработала, или что он хотел бы провести со мной больше времени.

Иногда, особенно сейчас, я чувствую, как его ко мне тянет, но в другие моменты кажется, что он изо всех сил пытается пресечь возникшую между нами симпатию. И я его понимаю. Правда. Но неужели он собирается провести так весь остаток жизни? Посвятить себя женщине, превратившейся лишь в оболочку человека, на котором он женился?

Я понимаю, он давал клятвы, но какой ценой? Всей жизни? Когда люди женятся, они предполагают, что проживут вместе долгую, счастливую жизнь. Но что, если жизнь одного прервалась, а второй должен исполнять эти клятвы всю оставшуюся жизнь?

Это несправедливо. Если бы я была замужем и мой муж оказался в положении Джереми, я бы не хотела, чтобы он хранил мне верность до конца дней. Но я не уверена, что способна так сходить по мужчине с ума, как Верити сходила с ума по Джереми.

Передача заканчивается, и начинается новая. Несколько минут мы молчим. Не то чтобы мне нечего сказать – *наоборот*. Просто я не уверена, имею ли на это право.

– Я о тебе почти ничего не знаю, – говорит Джереми. Он откидывает голову на диван и спокойно смотрит на меня. – Ты была когда-нибудь

замужем?

– Нет. Пару раз все к тому шло, но не сложилось.

– Сколько тебе лет?

Ну разумеется, он задает этот вопрос за несколько часов до смены моего возраста.

– Ты не согласишься.

Джереми смеется.

– Почему?

– Мне будет тридцать два. *Завтра*.

– Врешь.

– Не вру. Хочешь, покажу права?

– Хочу. Потому что я тебе не верю.

Я закатываю глаза и иду за сумочкой в спальню. Возвращаюсь и протягиваю ему права.

Он смотрит на карточку и качает головой.

– Какой дрянной день рождения. В компании почти незнакомых людей. Весь день за работой.

Пожимаю плечами.

– В ином случае я бы просто сидела одна в квартире.

Он снова смотрит на мои права. Когда он проводит большим пальцем по моей фотографии, у меня пробегают мурашки. Он даже не трогал меня – он потрогал мои чертовы *права*, – а я уже завелась.

Жалкое зрелище.

Джереми отдает мне права и встает с дивана.

– Ты куда?

– Готовить тебе пирог, – бросает он и выходит из гостиной.

Я улыбаюсь и иду вслед за ним на кухню. Джереми Кроуфорд готовит пирог – такое пропустить нельзя.

* * *

Я сижу за кухонным столом и наблюдаю, как он покрывает пирог глазурью. За все проведенное здесь время это лишь второй раз, когда мне действительно весело. За последний час мы не обсуждали ни Верити, ни свои трагедии, ни контракт. Пока пекся пирог, я сидела на барном стуле, а Джереми прислонился передо мной к столешнице, и мы обсуждали кино, музыку, свои предпочтения и неприязни.

Мы действительно начали узнавать друг друга ближе вне связавших

нас обстоятельств. В тот вечер, когда мы ходили ужинать с Крю, он был расслаблен, но я не видела его таким в стенах этого дома с самого приезда.

Я почти – *почти* — могу понять одержимость Верити.

– Иди в гостиную, – говорит он и достает из ящика свечи.

– Зачем?

– Затем. Я должен внести пирог и спеть тебе «С днем рождения». Все как полагается.

Я качаю головой, спрыгиваю со стула и возвращаюсь на диван. Выключаю звук телевизора, чтобы ничто не мешало мне слушать, как он поет поздравительную песню. И постоянно нажимаю на пульте кнопку с информацией, проверяя время. Он ждет полуночи.

И ровно в полночь я вижу отблеск свечи – он заходит в гостиную. Я смеюсь, когда он начинает тихо петь песню, чтобы не разбудить Крю.

– С днем рождения тебя, – шепчет он. Он отрезал один кусок пирога и вставил свечу. – С днем рождения тебя.

Я все еще смеюсь, когда он подходит к дивану и садится рядом со мной – медленно, чтобы не уронить пирог и не загасить свечу.

– С днем рождения, дорогая Лоуэн. С днем рождения тебя.

Мы сидим друг к другу лицом, чтобы я могла загадать желание и задуть свечу, но я не знаю, чего желать. Мне повезло получить великолепную работу. И скоро мне на счет поступит самая крупная сумма денег, что я когда-либо получала. Единственное, чего мне сейчас хочется, но чего я получить не могу – он. Смотрю ему в глаза и задуваю свечу.

– Чего ты пожелала?

– Если расскажу, то не сбудется.

Он улыбается, и по мне, так очень игриво.

– Может, расскажешь, когда сбудется.

Джереми не отдает пирог, а демонстрирует его мне, разламывая вилкой.

– Знаешь секретный ингредиент такого сочного пирога?

Он протягивает мне вилку.

– Нет. Какой?

– Пудинг.

Я отправляю кусочек в рот и улыбаюсь.

– Очень вкусно.

– *Пудинг*, – повторяет он.

Я смеюсь.

Он держит тарелку, я отламываю еще кусок и предлагаю ему вилку. Он качает головой.

– Я уже попробовал. На кухне.

Не знаю почему, но я жалею, что этого не видела. А еще хочу попробовать вкус шоколада на его губах.

Джереми поднимает руку.

– У тебя глазурь на... – он показывает на мои губы. Я пытаюсь стереть ее, но он качает головой. – Вот здесь, – он проводит большим пальцем по моей нижней губе.

Я проглатываю кусок пирога.

Его палец задерживается на моей губе. Медлит.

Проклятье. Я не могу дышать.

Он так близко, что у меня все болит, но я не знаю, что можно сделать. Мне хочется бросить вилку, хочется, чтобы он бросил тарелку с пирогом, хочется, чтобы он меня поцеловал. Но это не я здесь связана брачными узами. Я не хочу делать первый шаг, а он *не должен* делать первый шаг, но меня отчаянно к нему тянет.

Он не бросает тарелку, а протягивает руку и ставит ее на стол. И в этот же момент кладет руку мне на затылок и прижимается губами к моим губам. С каким бы нетерпением я ни ждала этого момента, все происходит совершенно неожиданно.

Я закрываю глаза, бросаю вилку на пол и откидываюсь на ручку дивана. Он следует за мной и залезает сверху, наши губы не размыкаются ни на миг. Я приоткрываю рот, и его язык проникает внутрь. Медленный темп поцелуя длится недолго. Вкусив друг друга, мы словно сходим с ума. Именно так я и представляла поцелуй с Джереми. Радиоактивный, взрывной, зажигательный. Опасный во всех смыслах.

Мы обмениваемся поцелуями со вкусом шоколада, тянемся друг к другу, сталкиваемся. Его рука впивается в мои волосы, и с каждой секундой мы все сильнее вжимаемся в диван – он упирается в меня, а я утопаю в подушках.

Его губы отрываются от моих, словно ему не терпится попробовать на вкус другие части моего тела. Подбородок, шею, грудь. Словно он по мне изголодался. Он целует и прикасается ко мне с жадой мужчины, постившегося всю жизнь.

Его рука пролезает мне под футболку, и теплые пальцы медленно двигаются по коже, словно капли горячей воды.

Он возвращается к губам, но лишь на мгновение. Он прикасается к моему языку, отстраняется и снимает рубашку. Мои руки оказываются у него на груди, словно им там и место. Я хочу рассказать ему о желании, которое я загадала, задув свечу, но боюсь, что разговор заставит его

задуматься о происходящем и остановиться, поэтому я молчу.

Откидываю голову на ручку дивана, желая, чтобы он продолжил меня исследовать.

И он продолжает. Снимает с меня футболку и видит, что под ней нет белья. Джереми стонет – и это прекрасный звук – и припадает ртом к моему соску. С моих губ срывается стон.

Я поднимаю голову, чтобы на него посмотреть, и кровь стынет в жилах, когда мой взгляд приковывает фигура, стоящая на лестнице. Она просто стоит и наблюдает, как губы ее мужа ласкают мою грудь.

Мое тело резко напрягается.

Сжав кулаки, Верити спешит обратно в свою комнату.

Я ахаю, отпихиваю Джереми, отталкиваю.

– Верити, – выдыхаю я. Он прекращает целовать меня и поднимает голову, но не двигается. – Верити, – повторяю я, пытаюсь донести до него, что он должен с меня слезть.

Он недоуменно поднимается на руках.

– Верити! – говорю я снова, но с большей настойчивостью. Это все, что я могу сказать. Страх поработил меня, я пытаюсь вдохнуть, выдохнуть.

Какого черта?

Джереми встает на колени и отстраняется от меня, держась за спинку дивана.

– Прости.

Я вжимаюсь в угол, подальше от него. Закрываю рот рукой.

– О господи.

Слова просачиваются сквозь дрожащие пальцы.

Он пытается прикоснуться ко мне, чтобы успокоить, но я уклоняюсь.

– Прости, – повторяет он. – Мне не следовало тебя целовать.

Я качаю головой – он не понимает. Он думает, я расстроена и чувствую себя виноватой, потому что он женат, но я *видела* ее. Стоящей. Она *стояла*. Я показываю на лестницу.

– Я ее видела, – тихо шепчу я, боясь произносить это вслух. – Она стояла на лестнице.

Я вижу на его лице недоумение, он поворачивается к ступенькам.

– Лоуэн, она не может *ходить*.

Я не сумасшедшая. Встаю и начинаю пятиться от дивана, прикрывая голую грудь рукой. И снова показываю на ступени, но на этот раз говорю в полный голос:

– Твоя чертова жена стояла на чертовой лестнице, Джереми! Я знаю, что видела!

По моим глазам он видит, что я говорю правду. Через две секунды он вскакивает с дивана и бежит по ступеням в ее спальню.

Я не останусь здесь одна.

Натягиваю футболку и спешу за ним. Я отказываюсь оставаться в этом доме одна даже на секунду.

Когда я добегаю до верха лестницы, он стоит в дверях ее комнаты и смотрит внутрь. Слышит мои шаги. И просто... Уходит. Не глядя проходит мимо меня и спускается по ступеням.

Я делаю несколько шагов и заглядываю в ее комнату. Лишь на секунду. Этого достаточно, чтобы понять – она по-прежнему лежит в кровати. Под одеялом. *И спит.*

Я качаю головой, чувствуя, как слабеют колени. *Это невозможно.* Умудряюсь добраться обратно до лестницы, но на полпути вниз мне приходится сесть. Я не могу двигаться. Едва дышу. Мое сердце никогда не колотилось с такой скоростью.

Джереми стоит внизу и смотрит на меня. Наверное, он не знает, что думать. Я сама не знаю, что думать. Он ходит вперед-назад перед лестницей, периодически на меня поглядывая – судя по всему, ждет, когда я начну смеяться над своей дурной шуткой. *Это была не шутка.*

– Я ее видела, – шепчу я.

Он меня слышит. И смотрит на меня, но не с гневом, а с извинением. Поднимается на лестницу, помогает мне встать, обхватывает за талию и ведет вниз. Приводит в спальню, закрывает дверь и крепко меня обнимает. Я утыкаюсь ему в шею, пытаюсь избавиться от образа Верити.

– Прости, – говорю я. – Я просто... Может, я слишком мало сплю... Может...

– Это я виноват, – перебивает Джереми. – Ты работала две недели без перерыва. Ты истощена. А потом я – мы – это паранойя. Чувство вины. Не знаю, – он берет в ладони мое лицо. – Думаю, нам обоим нужно минимум двенадцать часов крепкого сна.

Я уверена, что я ее видела. Можно сваливать это на усталость или чувство вины, но я ее видела. Видела все. Сжатые кулаки. Разгневанное лицо, прежде чем она развернулась и ушла.

– Хочешь воды?

Качаю головой. Я не хочу, чтобы он уходил. Не хочу оставаться одна.

– Пожалуйста, не бросай меня сегодня одну, – прошу я.

Выражение его лица непроницаемо. Он слегка кивает и говорит:

– Не брошу. Но мне нужно выключить телевизор и запереть двери. Убрать в холодильник пирог. Вернусь через несколько минут.

Я иду в ванную, чтобы умыться, надеясь, что холодная вода поможет мне успокоиться. Напрасно. Когда я возвращаюсь в спальню, Джереми закрывает дверь на замок.

– Я не могу остаться на всю ночь, – говорит он. – Крю может испугаться, если проснется и не обнаружит меня на месте.

Я залезаю в кровать и смотрю в окно. Джереми ложится рядом и обнимает меня. Я чувствую, как бьется его сердце – почти так же быстро, как мое. Он опускает голову ко мне на подушку, находит мою руку, и наши пальцы переплетаются.

Я пытаюсь следовать за его дыханием, чтобы замедлить свое. Дышу носом, потому что челюсть слишком сильно зажата. Джереми целует меня в висок.

– Расслабься, – шепчет он. – Ты в порядке.

Я пытаюсь расслабиться. И, возможно, у меня получается, но лишь потому, что мы лежим довольно долго, и мышцам становится трудно держать напряжение.

– Джереми? – шепчу я.

Он проводит большим пальцем по моей руке, давая понять, что меня слышит.

– Возможно ли... Может ли она симулировать свое состояние?

Он отвечает не сразу. Словно всерьез размышляет над моим вопросом.

– Нет, – наконец отвечает он. – Я видел снимки.

– Но люди поправляются. Повреждения заживают.

– Знаю. Но Верити не смогла бы такое изобразить. Никто не смог бы. Это невозможно.

Я закрываю глаза. Он пытается убедить меня, что знает ее достаточно хорошо и уверен – она на подобное не способна. Но я знаю один факт, неизвестный Джереми... Я знаю, что он не знает Верити вообще.

Вчера вечером я засыпала с уверенностью, что видела Верити на лестнице.

Но проснулась в сомнениях.

Я провела большую часть жизни, не доверяя себе во время сна. Теперь я начинаю сомневаться в себе и во время бодрствования. *Я правда ее видела? Или мне привиделось из-за стресса? И чувства вины за связь с ее мужем?*

Часть утра я провожу в постели, не желая покидать комнату. Джереми ушел к себе примерно в четыре утра. Я слышала, как он запер дверь, а минуту спустя пришло сообщение с просьбой писать, если он мне понадобится.

Примерно после обеда Джереми постучал в дверь кабинета. Когда он вошел, то выглядел так, словно не спал вообще. Он плохо высыпался всю неделю, и исключительно из-за меня. С его точки зрения я – истеричка, которая просыпается посреди ночи в кровати его жены, а потом утверждает, что видела его жену на лестнице после долгожданного поцелуя.

Я думала, он зашел, чтобы попросить меня уехать, и, честно говоря, более чем готова это сделать, но деньги еще не поступили на счет. А значит, в некотором смысле я здесь застряла.

Он зашел в кабинет сообщить мне, что установил новый замок. На этот раз на дверь *Верити*.

– Я подумал, так тебе будет легче засыпать. Зная, что ей никак не выйти из комнаты, даже если это было бы возможно.

Даже если это было бы возможно.

– Я буду запираю ее только ночью, когда мы спим, – продолжил он. – Эйприл я сказал, что дверь открывается ночью из-за сквозняков. Не хочу, чтобы она предполагала другие варианты.

Я поблагодарила Джереми, но после его ухода мне вовсе не стало легче. В глубине души меня тревожит, что он установил замок из-за *собственного* беспокойства. Разумеется, я хотела, чтобы он мне поверил, но раз он мне верит, это может *действительно* оказаться правдой.

Но в таком случае я бы предпочла ошибаться.

Мучительно раздумываю, как поступить с рукописью Верити. Я хочу, чтобы Джереми тоже узнал про жену известную мне правду. Считаю, он имеет право знать, что она сделала с его дочерьми, особенно если учесть,

как много времени проводит с ней наверху Крю. И мне по-прежнему кажутся подозрительными его слова о разговорах Верити. Знаю, ему всего пять, и он мог запутаться, но если есть малейшая вероятность обмана от Верити, Джереми должен о ней знать.

Но пока мне не хватает мужества отдать ему рукопись – вероятность крайне ничтожна. Гораздо логичнее винить в моих видениях усталость и недосып, чем думать, что женщина умудряется на протяжении нескольких месяцев изображать инвалидность. *Безо всяких очевидных причин.*

Кроме того, я еще не дочитала ее. И не знаю, чем все закончится. Я не знаю, что произошло с Харпер или Частин, и идет ли об этом речь в рукописи вообще.

Читать осталось немного. Наверное, я выдержу всего одну главу, а потом придется снова приходить в себя от ужасов этой истории. Проверяю, закрыта ли дверь кабинета, начинаю следующую главу и решаю пропустить ее, как и несколько остальных. Я не хочу читать даже про простой поцелуй, а уж тем более про секс. Не хочу испоганить наш поцелуй чтением о том, как он делал это с другой.

Пропустив очередную откровенную сцену, я добираюсь до главы, где может быть описана гибель Частин. Снова проверяю дверь и начинаю читать.

Глава тринадцатая

Я забеременела Крю через две недели после того, как наврала Джереми о своей беременности. Словно на мою сторону встала сама судьба. Я поблагодарила Бога молитвой, хотя и не верила в его участие.

Думаю, Крю был хорошим младенцем. На тот момент я зарабатывала так много денег, что могла позволить себе круглосуточную няню. Джереми ушел с работы и сидел дома с детьми, и няня была не слишком нужна, поэтому я называла ее домработницей, *но она была няней.*

Она позволила Джереми каждый день работать дома. У меня в кабинете установили новые окна, и я могла наблюдать за ним практически с любого ракурса.

Какое-то время все шло хорошо. Я брала на себя легкие аспекты материнства, предоставляя Джереми и няне тяжелые. И очень много путешествовала. Приходилось ездить в книжные туры и на интервью, и хотя мне не нравилось расставаться с Джереми, он предпочитал оставаться дома с детьми. Со временем я научилась ценить эти поездки. Заметила, что

после недельного отсутствия Джереми уделяет мне почти столько же внимания, как до появления детей.

Иногда я обманывала его: говорила, что мне нужно в Нью-Йорк, а сама бронировала квартиру в Челси и проводила неделю перед телевизором. А потом возвращалась домой, и Джереми трахал меня, словно в первый раз. Жизнь была прекрасна.

Пока все не кончилось.

Это случилось мгновенно. Словно солнце замерзло и перестало освещать наши жизни, и, как бы мы ни старались, его лучи до нас больше не добирались.

Я стояла возле крана и мыла курицу. *Чертову сырую курицу.* Я могла делать что угодно... Поливать лужайку, писать, вязать, *что угодно.* Но я всегда буду вспоминать проклятую отвратительную курицу, думая о моменте, когда нам сообщили о смерти Частин.

Зазвонил телефон. *Я мыла курицу.*

Джереми взял трубку. *Я мыла курицу.*

Он повысил голос. *Все еще мыла чертову курицу.*

А потом раздался звук... Гортанный, мучительный звук. Я услышала, как он сказал: «нет» и «как» и «где она» и «мы сейчас приедем». Когда он положил трубку, я видела в окне его отражение. Он стоял в коридоре, сжимая дверной косяк, словно боялся упасть на колени. Я продолжала мыть курицу. По щекам струились слезы, колени дрожали. Желудок сжался.

Меня стошнило на курицу.

Именно таким я навсегда запомню худший момент в моей жизни.

На протяжении всей поездки до больницы я гадала, как Харпер это сделала. Задушила ее, как в моем сне? Или придумала более хитроумный способ убить сестру?

Они ночевали в гостях у подруги, Марии. Они уже оставались у нее несколько раз. И мама Марии, Китти – *какое глупое имя* – прекрасно знала об аллергии Частин. Частин не выходила из дома без «ЭпиПена»^[2], но в то утро Китти нашла ее без сознания. Она набрала 911 и позвонила Джереми, как только Частин увезли в больницу.

Когда мы приехали в больницу, у Джереми еще была напрасная надежда, что они ошиблись, и Частин в порядке. Китти встретила нас в коридоре и все твердила:

– Мне так жаль. Она не просыпалась.

И больше ничего. *Она не просыпалась.* Не она мертва. Лишь она не просыпалась, словно Частин – испорченная капризная девчонка, которая отказывалась вставать.

Джереми побежал по коридору в приемный покой реанимации. Его вывели и сказали нам ждать в семейной комнате. Всем известно, что это комната, куда отправляют членов семьи умершего человека. Именно тогда Джереми понял, что ее больше нет.

Я никогда не слышала, чтобы он так кричал. Взрослый мужчина стоял на коленях и рыдал, как ребенок. Он бы смутил меня, если бы я не была с ним вместе.

Когда мы ее наконец увидели, она была мертва меньше суток, но уже не пахла Частин. Она уже пахла смертью.

Джереми задавал уйму вопросов. Все вопросы. *Как это случилось? У них в доме был арахис? Во сколько они легли спать? Достали ли вообще из сумки «ЭпиПен»?*

Правильные вопросы и мучительно правильные ответы. Причину смерти подтвердили лишь неделю спустя. Анафилактический шок.

Мы были крайне бдительны насчет ее аллергии на арахис. Неважно, куда они ехали или с кем оставались, Джереми по полчаса рассказывал все подробности и объяснял, как пользоваться «ЭпиПеном». Я всегда считала это излишней предосторожностью, поскольку нам пришлось использовать его всего лишь раз за всю ее жизнь.

Китти прекрасно знала об аллергии и убирала все орехи, когда приезжали девочки. Но она не знала, что девочки залезут посреди ночи в кладовку, наберут всяких закусок и утащат к себе в комнату. Частин было всего восемь. Поздней ночью девочки решили перекусить. По словам Харпер, они не знали, что где-то содержались орехи. Но на следующее утро, когда они встали, *Частин не просыпалась*.

Джереми прошел фазу отрицания, но он никогда не сомневался, что Частин съела арахис случайно. А я сомневалась. Я знала. *Знала*.

Каждый раз, когда я смотрела на Харпер, я видела ее вину. Я ждала этого долгие годы. *Годы*. Я знала, с тех пор, как им было по шесть месяцев, что Харпер найдет способ убить сестру. И какое же идеальное преступление она совершила. Ее не мог заподозрить даже собственный отец.

Но мать могла. *Меня* убедить было немного сложнее.

Разумеется, я скучала по Частин и грустила из-за ее смерти. Но в том, насколько тяжело это воспринял Джереми, было нечто неприятное. Он был опустошен. Обездвижен. Через три месяца после ее смерти я начала терять терпение. С момента ее гибели у нас был секс лишь дважды, и оба раза он даже не целовал меня с языком. Он словно был отстранен и использовал меня, чтобы снять напряжение, почувствовать себя лучше, испытать нечто

другое, кроме агонии. Я хотела большего. Хотела вернуть прежнего Джереми.

Однажды ночью я попыталась. Повернулась к нему и положила руку ему на член, пока он спал. Я начала водить по нему вверх и вниз, дожидаясь, когда он затвердеет. Но тщетно. Вместо этого он убрал мою руку и сказал:

– Все в порядке, Верити. Вовсе не обязательно.

Он сказал это, словно сделал мне одолжение. Словно пытался меня утешить.

Но мне утешение было не нужно.

Не нужно.

У меня было восемь лет, чтобы принять произошедшее. Я знала, что это произойдет – видела во сне. Я отдавала Частин всю свою любовь каждую минуту, пока она была жива, поскольку знала, что случится. Я знала, что Харпер сделает с ней нечто подобное. Хотя доказать ее причастность было невозможно. Даже если бы я попыталась, Джереми никогда бы мне не поверил. Он слишком ее любит. И никогда не поверил бы в столь ужасную вещь – что можно сделать такое с собственной сестрой-близнецом.

Отчасти я чувствовала свою ответственность. Если бы я еще раз попыталась задушить ее в младенчестве, или оставила бы рядом открытую бутылку отбеливателя, когда она была совсем маленькой, или врезалась бы пассажирским сиденьем в дерево, отстегнув ее и отключив подушку безопасности, этого всего можно было бы избежать. У меня было столько вариантов подстроить ее гибель. И ее *следовало* подстроить.

Если бы я остановила Харпер, Частин бы по-прежнему была с нами.

И, возможно, Джереми не был бы все время таким ужасно *грустным*.

Верити в гостиной. Эйприл спустила ее в лифте прямо перед вечерним уходом. Необычная перемена в распорядке, и я не уверена, что она мне нравится.

Эйприл сказала:

– Сегодня вечером она очень бодрая. Я подумала, пусть ее уложит Джереми.

Она оставила Верити перед телевизором, пристроив кресло возле дивана.

Верити смотрит «Колесо Фортуны»^[3].

Или... Во всяком случае, пялится в том направлении.

Я стою у двери в гостиную и за ней наблюдаю. Джереми наверху, с Крю. Снаружи темно, и в комнате не включен свет, но телевизор освещает бесстрастное лицо Верити.

Представить не могу, чтобы человек мог так долго имитировать болезнь. Даже сомневаюсь, возможно ли это вообще. Испугается ли она громкого звука?

Рядом со мной, у входа в гостиную, стоит чаша с декоративными стеклянными и деревянными шариками. Я оглядываюсь и достаю из чаши один деревянный. Бросаю в ее сторону. Он падает перед ней на пол, но она остается неподвижна.

Я знаю, она не парализована, но как ей это удастся? Даже если из-за повреждений мозга она не способна понимать речь, она должна как-то реагировать на звук, верно? Хоть как-нибудь?

Если только она не специально приучила себя не реагировать.

Я наблюдаю за ней еще какое-то время, но потом меня снова начинают одолевать пугающие мысли.

Возвращаюсь на кухню, оставив ее наедине с Пэтом Сейджаком и Ванной Уайт.

В рукописи Верити осталось всего две главы. И я молюсь, чтобы перед отъездом я не нашла где-нибудь вторую часть: все эти перипетии просто невыносимы. После каждой главы мне становится тревожнее, чем после хождения во сне.

Я испытала облегчение, узнав, что она никак не связана с гибелью Частин, но меня смущают ее рассуждения. Она кажется такой беспристрастной. Поверхностной. Она потеряла дочь, но думала лишь о

том, как следовало убить Харпер, и ей надоело ждать, пока Джереми оправится от случившегося.

Смущают – это мягко говоря. К счастью, скоро все закончится. Большая часть автобиографии повествует о прошлых годах, но события последней главы произошли недавно. Меньше года назад. За несколько месяцев до смерти Харпер.

Смерти Харпер.

Это следующее, о чем я должна узнать. Возможно, сегодня вечером. Не знаю. Последние несколько дней я мало сплю и боюсь, что, дочитав рукопись, я не смогу спать вообще.

Сегодня я готовлю для Джереми и Крю спагетти. И пытаюсь сосредоточиться на процессе, а не на бессердечности Верити. Я специально рассчитала время, чтобы Эйприл ушла до ужина. И надеюсь, Джереми отвезет Верити наверх прежде, чем мы сядем за стол. Мой день рождения почти закончился, и не приведи господь мне есть праздничный ужин, сидя рядом с Верити Кроуфорд.

Я размешиваю соус для пасты и вдруг понимаю, что телевизор не слышно уже несколько минут. Осторожно опускаю ложку и кладу ее на плиту рядом с кастрюлей.

– Джереми? – спрашиваю я, надеясь, что он в гостиной. Надеюсь, что это из-за него перестал работать телевизор.

– Сейчас спущусь! – отзывается он сверху.

Я закрываю глаза и чувствую, как учащается пульс. *Если эта сучка выключила чертов телик, я выйду из дома прямо в тапках и никогда не вернусь.*

Сжимаю кулаки – я по горло сыта этим дерьмом. Этим домом. И этой чертовой психопаткой.

Я не крадусь в гостиную. Я врываюсь.

Телевизор по-прежнему включен, но звук не работает. Верити сидит в той же позе. Подхожу к столику рядом с ее креслом и хватаю пульт. Телевизор переключили в беззвучный режим, и с меня хватит. *Хватит. Телевизоры не отключают звук самостоятельно!*

– Ты чертова сучка! – бормочу я.

Собственные слова шокируют меня, но недостаточно, чтобы уйти. Словно каждое прочитанное слово ее рукописи разжигает во мне огонь. Я снова включаю звук и бросаю пульт на диван, подальше от нее. Опускаюсь перед ней на колени, чтобы посмотреть ей прямо в глаза. Меня трясет, но на этот раз не от страха. Меня трясет от ярости. От ярости, потому что она была Джереми такой женой. Потому что была Харпер такой матерью. И я в

ярости, что происходит все это странное дерьмо, но вижу его только я. Я устала чувствовать себя сумасшедшей!

– Ты даже не заслуживаешь тела, в котором застряла, – шепчу я, глядя ей в глаза. – Надеюсь, ты умрешь, задохнувшись собственной рвотой, как пыталась убить в младенчестве собственную дочь.

Я жду. Если она там... Если меня услышала... Если всех обманывает... Мои слова на нее действуют. Она вздрогнет, или набросится на меня, или сделает хоть *что-то* еще.

Она не двигается. Я пытаюсь придумать, что еще можно сказать, чтобы ее спровоцировать. Чтобы она не смогла сдержаться. Я встаю, наклоняюсь к ней и говорю на ухо:

– Сегодня вечером Джереми будет трахать меня в твоей кровати.

Я снова жду... Звука. Движения.

Но единственное, что я замечаю – запах мочи. Он наполняет воздух. Мои ноздри.

Я смотрю на ее штаны, и в этот момент Джереми начинает спускаться вниз.

– Звала меня?

Я пачусь от коляски и случайно задеваю ногой деревянный шарик, который кинула в нее раньше. Показываю на Верити и наклоняюсь за шариком.

– Она... Думаю, ее нужно переодеть.

Джереми берет коляску за ручки и вывозит ее из гостиной в сторону лифта. Я подношу руку к лицу и прикрываю во время вдоха рот и нос.

Сама не знаю, почему я никогда не задумывалась, кто ее моет и переодевает. Я думала, основную часть работы выполняет сиделка, но, очевидно, не всю. Из-за того, что у Верити недержание, что приходится менять ей подгузники и ее мыть, мне становится еще жалче Джереми. Сейчас он везет ее наверх именно для этого, и я злюсь.

Злюсь на Верити.

Несомненно, ее нынешнее состояние – результат ее ужасного отношения к Джереми и детям. Теперь, всю оставшуюся жизнь, Джереми придется страдать от последствий кармы Верити.

Это неправильно.

И даже хотя она никак не отреагировала на мои слова, тот факт, что я ее напугала, убедил меня, что она там. *Где-то там*. И теперь она знает, что я ее не боюсь.

Я поужинала вместе с Крю, который все время играл в айпаде. Я хотела дождаться Джереми, но знала – он не хотел бы, чтобы Крю ел один, и мальчику уже пора было ложиться спать. Пока Джереми занимался Верити, я уложила Крю спать. К тому моменту, как Джереми помыл ее, переодел и уложил в кровать, спагетти совсем остыли.

Когда Джереми наконец спускается вниз, я мою посуду. Мы почти не разговаривали с того момента, как поцеловались. Не знаю, как сложится наше общение – возможно, нам будет неловко, и мы разойдемся, как только он поест. Я слышу его за спиной, он ест чесночный хлеб, пока я отмываю посуду.

– Прости, – говорит он.

– За что?

– Что пропустил ужин.

Пожимаю плечами.

– Ты не пропустил его. Ешь.

Он берет из шкафа тарелку и накладывает себе спагетти. Потом ставит ее в микроволновку и опирается на столешницу рядом со мной.

– Лоуэн.

Я смотрю на него.

– Что случилось?

Качаю головой.

– Ничего, Джереми. Мне здесь не место.

– Как скажешь.

Я не хочу продолжать этот разговор. Мне правда здесь не место. Это его жизнь. Его жена. Его дом. И я проведу здесь еще максимум два дня. Вытираю руки полотенцем и слышу писк микроволновки. Он не двигается, чтобы открыть ее, потому что слишком занят мной, пытается чего-то от меня добиться.

Я прислоняюсь к столешнице и вздыхаю, откинув голову назад.

– Просто... Мне тебя жаль.

– Не нужно.

– Ничего не могу поделать.

– Можешь.

– Нет. Не могу.

Он открывает микроволновку и достает тарелку. Ставит ее на столешницу, чтобы охладить, и снова смотрит на меня.

– Это моя жизнь, Лоу. Тут уж ничего не попишешь. Твоя жалость мне не поможет.

Я качаю головой.

– Но ты ошибаешься. Ты *можешь* все изменить. Тебе не обязательно так жить, день за днем. Есть специальные места, где о ней позаботятся гораздо лучше. У нее будет больше шансов. А вы с Крю не будете привязаны к этому дому каждый день, всю оставшуюся жизнь.

Джерemi сжимает челюсть. Я знаю, мне не следовало этого говорить.

– Я ценю твою уверенность, что я заслуживаю большего. Но поставь себя на место Верити.

Он не представляет, насколько подробно я изучила место Верити за последние две недели.

– Поверь, представляла, – я раздраженно зажимаю руку в кулак и стучу им по столешнице, пытаюсь понять, как лучше сформулировать. – Она бы не хотела для тебя такого, Джерemi. Ты узник собственного дома. Крю узник этого дома. Ему нужно отсюда уезжать. Бывать на каникулах. Возвращайся к работе и отправь ее туда, где за ней смогут полноценно ухаживать.

Джерemi качает головой, прежде чем я успеваю закончить предложение.

– Я не могу так поступить с Крю. Он уже потерял обеих сестер. Он не перенесет еще одной подобной потери. Пока она здесь, Крю хотя бы может проводить с ней время.

Он не привел в качестве аргумента собственное желание, чтобы она осталась. Только желание Крю.

– Она может иногда приезжать. Необязательно отправлять ее на все время. Забирай ее домой на выходные, пока Крю не в школе.

Я подхожу к нему, обхватываю его лицо руками. Я хочу, чтобы он понял, как я за него беспокоюсь. Возможно, если он поймет, что кто-то действительно заботится о его благополучии, то воспримет этот разговор более серьезно.

– Не забывай о себе, Джерemi, – тихо говорю я. – Будь эгоистичнее. Ты заслуживаешь жизнь, некоторые аспекты которой никак не связаны с ней, а только с тобой, с тем, чего ты хочешь.

Я чувствую, как под ладонями сжимается его челюсть. Он отстраняется от меня, вжимает руки в гранит, опускает голову.

– Чего я хочу? – тихо повторяет он.

– Да. Чего *ты* хочешь?

Он откидывает голову назад и издает смешок, словно это глупый

вопрос. А потом произносит одно словно, будто это самый простой ответ в его жизни.

– Тебя.

Отталкивается от столешницы и бросается ко мне. Обеими руками хватая меня за талию, прижимается лбом к моему лбу и смотрит мне в глаза с нескрываемой жаждой.

– Я хочу *тебя*, Лоу.

Мое облегчение венчается поцелуем. Совсем иным, чем первый. На этот раз он осторожен, его губы лениво встречаются с моими, рука ложится мне на шею. Он наслаждается моим вкусом, распаяя мое желание с каждым движением языка. Немного наклоняется, приподнимает меня и оборачивает мои ноги вокруг своей талии.

Мы уходим с кухни, но я не хочу открывать глаза, пока мы не окажемся одни за запертой дверью. На этот раз Верити ничего не испортит.

Когда мы добираемся до спальни, он отпускает меня, и я сползаю вниз, наши губы разделяются. Он оставляет меня стоять возле кровати и направляется к двери.

– Раздевайся, – говорит он, не глядя на меня, пока запирает замок.

Это приказ. И я рада его выполнить, раз дверь заперта. Мы снимаем одежду, наблюдая друг за другом. Он стягивает джинсы, пока я снимаю футболку, а потом приходит очередь его футболки и моих джинсов. Я расстегиваю бюстгальтер в сопровождении его взгляда. Он не прикасается ко мне, не целует, просто смотрит.

Я снимаю трусики, и меня переполняют эмоции: страх, наслаждение, волнение, страсть, трепет. Спускаю их на бедра, потом ниже и стряхиваю с ноги. Выпрямляюсь и демонстрирую себя.

Он жадно меня рассматривает, снимая остатки одежды. У меня екает сердце – насколько точно бы ни описывала его Верити, я не была готова к такой привлекательности его тела.

Мы стоим друг перед другом, обнаженные, и у нас перехватывает дыхание. Он делает шаг навстречу, не спуская взгляда с моего лица. Теплые руки гладят меня по щекам и волосам, и губы приближаются к моим губам. Он целует меня, мягко и нежно, лишь слегка поддразнивая языком.

Его пальцы скользят по моему позвоночнику, и я вздрагиваю.

– У меня нет презерватива, – говорит он, обхватив меня за ягодицы и прижимая к себе.

– Я не пью таблетки.

Несмотря на мои слова, он поднимает меня и кладет на кровать. Его губы на мгновение обхватывают мой левый сосок, а потом прижимают к

моим губам. Он склоняется надо мной.

– Я вытащу.

– Хорошо.

Услышав это слово, он улыбается. Шепчет «хорошо» и начинает проникать в меня. Мы так сосредоточены на соединении, что даже не целуемся. Просто дышим друг другу в рот. Я зажимаю глаза, когда он пытается уместиться во мне целиком. Несколько секунд мне больно, но когда он начинает двигаться, на место боли приходит приятная наполненность, и с моих губ срывается стон.

Джереми целует меня в щеку, потом в губы и отстраняется. Открыв глаза, я вижу мужчину, сосредоточенного исключительно на зрелище перед ним. В его взгляде нет ничего далекого. Сейчас существуем только он и я.

– Знаешь, сколько раз я мечтал быть с тобой?

Видимо, это риторический вопрос, потому что его губы сразу встречаются мои, не позволяя что-либо ответить. Он обхватывает мою грудь. Мы проводим в этой позиции примерно минуту, а потом он выскальзывает и переворачивает меня на живот. Входит сзади и наклоняется к моему уху:

– Я возьму тебя в каждой позе, как я это представлял.

Его слова огнем загораются у меня внутри.

– Прошу, – удается выдавить мне.

Он кладет ладонь мне на живот и поднимает меня на колени, прижимая спиной к своей груди и оставаясь во мне.

Его дыхание обжигает мой затылок. Я поднимаю руку и хватаю его за голову, прижимая ртом к своей коже. Эта позиция длится секунд тридцать, и его руки оказываются у меня на талии. Он поворачивает меня к себе и сажает сверху.

Я чувствую себя беспомощной рядом с его силой, его руками, которые с легкостью перемещают меня по кровати каждые несколько минут. Я понимаю, что каждый раз, когда я читала о его близости с женой, она всегда обладала над ним определенным контролем.

Я уступаю весь контроль ему.

Позволяю брать меня, как ему хочется.

Это продолжается больше получаса. Каждый раз, когда он приближается к финалу, он выходит из меня и начинает целовать, а потом снова проникает в меня, целует, меняет позу, проникает, целует, меняет позу. И я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Наконец мы оказываемся, как я предполагаю, в одной из его любимых поз – он лежит на спине, головой на подушке, между моих бедер. Не знаю точно, из-за кого мы оказались в этой позе – из-за меня или из-за него. Я

еще не опустилась к его губам, потому что я смотрю на следы зубов на спинке кровати.

И закрываю глаза, потому что не хочу их видеть.

Его ладони скользят по моему животу к груди. Он обхватывает мои груди руками и начинает медленно раскрывать меня языком. Я откидываю голову назад и издаю такой громкий стон, что приходится прикрывать рот рукой.

Похоже, звук ему нравится, потому что он снова делает то же самое, и от наслаждения я падаю вперед и хватаюсь за спинку кровати. Открываю глаза, и вижу ее в нескольких сантиметрах от себя. Следы зубов Верити, оставленные после того, как он имел ее в той же позе – всего в нескольких сантиметрах.

Когда пальцы Джереми скользят по моему животу и присоединяются к его языку, я уже не могу сдерживать крики. В этой позе мне приходится наклониться вперед и заглушить звуки оргазма.

Я кусаю древесину.

И чувствую следы зубов Верити под своими зубами. Другие. Несовпадающие с моими. Я сильнее вгрызаюсь в древесину и кончаю, твердо решив оставить еще более глубокие отметины. Решив, что буду думать только о Джереми и о себе, когда впредь буду смотреть на эту спинку.

Верити проводит большую часть времени в одной комнате, но ее присутствие ощущается почти в каждом уголке этого дома. Я больше не хочу думать о ней, находясь в этой спальне.

Кончив, я приподнимаюсь и открываю глаза, чтобы рассмотреть свежие отметины. Едва я успеваю стереть с них пальцем слюну, Джереми переворачивает меня на спину, и я вдруг вновь оказываюсь под ним. Чтобы достичь оргазма, ему даже не нужно в меня входить. Он прижимается к моему животу, и я чувствую, как по коже разливается тепло, пока его губы находят мои.

Судя по неистовому поцелую, нас ждет долгая ночь.

Наш второй раз случился в душе полчаса спустя. Мы ласкали друг друга и целовались, и потом он снова оказался во мне – я прижалась ладонями к стене душа, пока он проникал в меня под струями воды.

В последний момент он вышел и кончил мне на спину, потом отмыл меня.

Теперь мы снова в постели, но уже почти три утра, и я знаю, что скоро он вернется к себе в комнату. Мне этого не хочется. С ним все происходит именно так, как я представляла, и я вдруг стала не против оставаться в этом доме, если буду в его объятиях. Так я чувствую себя в безопасности, хотя он даже не представляет, чего следует бояться.

Он прижимает меня к себе, обхватив рукой, и я лежу у него на груди. Его пальцы движутся вверх и вниз по моей руке. Мы боролись со сном, задавая друг другу вопросы. Они становятся все более личными – только что он спросил меня, какими были мои предыдущие отношения.

– Поверхностными.

– Почему?

– Сомневаюсь, что это вообще можно назвать отношениями. Мы воспринимали их так, но они строились исключительно на сексе. Нам не удавалось совместить наши жизни вне спальни.

– Как долго это продлилось?

– Некоторое время, – я приподнимаюсь и смотрю на него. – Это было с Кори. Моим агентом.

Пальцы Джереми замирают на моей руке.

– С тем, кого я видел?

– Да.

– И он по-прежнему твой агент?

– Он прекрасный агент.

Я снова опускаю голову ему на грудь, и пальцы Джереми продолжают движение по моей руке.

– Я даже немного ревную.

Я смеюсь, потому что чувствую, как смеется он. На мгновение становится тихо, а потом вопрос задаю я.

– А какими были ваши отношения с Верити?

Джереми вздыхает, и моя голова приподнимается с его грудью. Потом он перекладывает меня на подушку и поворачивается на бок, чтобы

посмотреть мне в глаза.

– Я отвечу на вопрос, но не хочу, чтобы ты плохо обо мне думала.

– Не буду, – обещаю я, качая головой.

– Я любил ее. Она была моей женой. Но иногда я сомневался, что мы действительно знаем друг друга. Мы жили вместе, но наши миры будто не соприкасались, – он проводит кончиками пальцев по моим губам. – Она безумно притягивала меня. Уверен, тебе неприятно это слышать, но это правда. Наша сексуальная жизнь была прекрасна. Но остальное... Не знаю. Я будто с самого начала чувствовал: чего-то не хватает, но остался, женился на ней, и мы создали семью, потому что считал – более глубокая связь невозможна. Я думал, что однажды проснусь, посмотрю ей в глаза и что-то щелкнет, словно загадочный кусочек пазла наконец встанет на место.

Я не упустила, что он говорил о любви к ней в прошедшем времени.

– И ты постепенно нашел эту связь?

– Такую, как я надеялся, – нет. Но почувствовал нечто похожее, мимолетную глубину, которая подтвердила, что такая связь возможна.

– Когда?

– Несколько недель назад, – тихо говорит он. – В туалете кафе, с женщиной, которая не была моей женой.

И он сразу целует меня, словно не желает слышать ответ. Возможно, чувствует себя виноватым. За мгновенное чувство связи со мной после многолетних попыток почувствовать эту связь с его женой.

Даже если он не хочет, чтобы я реагировала на это признание, я чувствую, как внутри меня что-то растет, словно его слова погружаются в меня и расширяются в груди. Он прижимает меня к себе, я закрываю глаза и прижимаюсь к нему. Мы больше не разговариваем и проваливаемся в сон.

Я просыпаюсь примерно два часа спустя от его голоса.

– Черт, – он садится, сбрасывая одеяло. – *Черт.*

Я протираю глаза и переворачиваюсь на спину.

– Что такое?

– Я не собирался засыпать, – он тянется вниз за лежащей на полу одеждой. – Когда Крю проснется, меня здесь быть не должно.

Он целует меня дважды и направляется к двери. Отпирает ее и тянет за ручку.

Дверь не поддается.

Джереми начинает дергать ручку, а я сажусь в кровати, натягивая одеяло на голую грудь.

– Черт, – повторяет он. – Дверь заклинило.

У меня внутри все падает, и я резко забываю о наслаждениях ночи. Я

возвращаюсь в реальность и снова чувствую себя одиноко в этом зловещем доме. Качаю головой, хотя Джереми меня не видит – он стоит лицом к двери.

– Не заклинило, – тихо говорю я. – Ее заперли. Снаружи.

Джереми поворачивается и встревоженно смотрит на меня. Потом пытается открыть дверь обеими руками. Когда он понимает, что я права и дверь закрыта снаружи, то принимается колотить по ней кулаками. Я остаюсь на месте, напуганная тем, что он может обнаружить, когда дверь наконец откроется.

Он пробует все подряд и наконец начинает звать Крю.

– Крю! – кричит Джереми и стучит по двери спальни.

А вдруг она забрала его?

Я не знаю, чего от нее ожидать. Ей даже не нравятся собственные дети. Но нравится Джереми. Она *любит* Джереми. Если ей известно, что он провел ночь в моей комнате, она может забрать Крю из мести.

Джереми еще ни о чем не подозревает. Он думает, это Крю так шутит с нами. Или что замок каким-то образом защелкнулся сам, когда он закрывал вчера дверь. Для него возможны только эти объяснения. Сейчас он скорее раздражен и вовсе не встревожен.

Джереми смотрит на будильник на тумбочке и снова стучит кулаком в дверь.

– Крю, открой! – он прижимается к ней лбом. – Скоро придет Эйприл, – тихо говорит он. – Она не должна застать нас здесь вместе.

Вот о чем он думает?

Я боюсь, что его жена похитила его сына посреди ночи, а он беспокоится, что его застанут в постели у гостей.

– Джереми?

– Что? – он продолжает бить кулаком в дверь.

– Знаю, ты считаешь, это неправдоподобно. Но... Вчера вечером ты запер комнату Верити?

Кулак Джереми замирает на двери.

– Не помню, – тихо говорит он.

– Если каким-то невероятным образом нас заперла здесь Верити... Возможно, Крю больше не в доме.

Он смотрит на меня, и его глаза наполняются страхом. Он спешит к окну, дергает ручку и открывает его, но стекла два. Справиться со вторым не так легко. Джереми без колебаний подходит к кровати, снимает с подушки наволочку и оборачивает ей руку. Выбивает стекло и вылезает на улицу.

Через несколько секунд я слышу, как он отпирает дверь моей спальни, проходя мимо в сторону лестницы. Когда я выхожу из комнаты, он уже у Крю. Я слышу, как он бежит по коридору в комнату Верити. Когда он возвращается на лестницу, мое сердце уходит в пятки.

Он качает головой. И наклоняется, опустив руки на колени и тяжело дыша.

– Они спят.

Джереми опускается на корточки, словно колени вот-вот не выдержат, и проводит руками по волосам.

– *Спят*, – с облегчением повторяет он.

Я чувствую облегчение. Хотя нет.

Моя паранойя начинает влиять на Джереми.

Я совсем не помогаю ему, высказывая свои опасения. Через несколько секунд в дом заходит Эйприл. Она смотрит на меня, потом на Джереми, сидящего на лестнице. Он поднимает взгляд и видит Эйприл.

Джереми встает, спускается по ступеням и, не глядя ни на меня, ни на Эйприл, направляется к двери, распахивает ее и выходит на улицу.

Эйприл смотрит то на меня, то на дверь.

– Тяжелая ночь с Крю, – пожимаю плечами я.

Не знаю, верит ли мне сиделка, но она начинает подниматься по лестнице, словно ей плевать, правда это или нет.

Иду в кабинет и закрываю за собой дверь. Достая оставшуюся часть рукописи и принимаюсь за чтение. Мне нужно закончить сегодня. Нужно узнать, чем все кончится и *есть ли* вообще конец. Потому что у меня возникает ощущение, что я должна показать рукопись Джереми. Он должен знать, что не ошибался, когда говорил об отсутствии связи. Потому что он действительно не знал Верити.

В этом доме что-то не так, и у меня такое чувство, что скоро случится что-то еще. Беда не приходит одна.

В конце концов, этот дом полон хроников. И давно пора произойти следующей трагедии.

Глава четырнадцатая

Утро смерти Харпер вспомнить несложно – это случилось всего несколько дней назад. Я помню, как она пахла. *Сальными волосами. Она не мыла голову два дня. Что на ней было надето. Фиолетовые легинсы, черная футболка и вязаный свитер. Что она делала. Сидела с Крю за столом и*

раскрашивала раскраску. Последнее, что сказал ей в тот день Джереми. Я люблю тебя, Харпер.

В тот день исполнилось шесть месяцев со дня смерти Частин. А значит, я провела сто восемьдесят два с половиной дня с чувством обиды на виноватого ребенка.

В ночь накануне ее смерти Джереми спал наверху. Крю зовет его почти каждую ночь, и последние два месяца он спит в гостевой комнате на втором этаже. Я пыталась убедить его, что это вредно для Крю. Что он балует мальчика. Но Джереми меня больше не слушает. Его интересуют только два оставшихся ребенка.

Даже странно, детей теперь на одного меньше, но каким-то образом они требуют *больше* внимания.

Со смерти Частин секс был у нас четыре раза. Когда я пытаюсь, он не возбуждается. Даже когда я сосу его член. Самое худшее, что это, похоже, его совсем не беспокоит. Он мог бы принять виагру, но отказывается. Говорит, ему нужно больше времени, чтобы свыкнуться с жизнью без Частин.

Время.

Знаете, кому время *не* понадобилось? Харпер.

После гибели Частин ей даже не пришлось приходить в себя. Она не плакала. Не уронила ни единой слезинки. Это странно. Ненормально. Даже я плакала.

Думаю, можно объяснить, почему Харпер не плакала. Так бывает, когда человек чувствует себя виноватым.

Возможно, я и пишу все это из-за чувства вины.

Потому что Джереми должен знать правду. Однажды, каким-то образом, он это найдет. И поймет, как чертовски сильно я его любила.

Но вернемся к дню, когда Харпер встретила неизбежное.

Я стояла на кухне и смотрела, как она раскрашивает. Она показывала Крю, как смешивать цвета и получать новые. Они смеялись. Я вполне понимала, отчего смеется Крю, но Харпер? Непростительно. Я устала сдерживать гнев.

– Ты вообще расстроилась, что Частин умерла?

Харпер подняла взгляд и посмотрела мне в глаза. Она делала вид, что меня боится.

– Да.

– Ты даже не плакала. Ни разу. Твоя сестра-близнец умерла, а ты ведешь себя, будто тебе *плевать*.

– Мне не плевать. Я по ней скучаю.

Я рассмеялась. И мой смех спровоцировал *искренние* слезы. Она отодвинула стул и убежала в свою комнату.

Я посмотрела на Крю и махнула рукой в сторону Харпер.

– *Теперь* она плачет.

Видимо, Джереми столкнулся с ней наверху, потому что я слышала, как он стучится в ее дверь.

– Харпер? Милая, что случилось?

Я изобразила его писклявым детским голосом. «*Милая, что случилось?*»

Крю захихикал. Ну, я хотя бы могу развеселить четырехлетку.

Через минуту Джереми спустился на кухню.

– Что с Харпер?

– Злится, – наврала я. – Я не позволила ей играть у озера.

Джереми поцеловал меня в висок. Поцелуй показался мне искренним, и я улыбнулась.

– Сегодня прекрасная погода, – сказал он. – Выведи их погулять.

Он стоял сзади и не видел, как я закатила глаза. Нужно было объяснить слезы Харпер как-нибудь получше, потому что теперь мне придется тащиться на улицу, чтобы с ними играть.

– Я хочу к воде, – сказал Крю.

Джереми взял ключи и бумажник.

– Иди, скажи Харпер, чтобы обувалась. Мама вас отведет. Я вернусь к обеду.

Я повернулась к нему.

– Ты куда?

– В магазин. Я же говорил.

Да, говорил.

Крю побежал наверх, и я вздохнула.

– Лучше я поеду за покупками. А ты останься, поиграй с ними.

Джереми подошел ко мне, обнял, прижался лбом к моему лбу. У меня екнуло сердце.

– Ты ничего не пишешь уже полгода. Не выходишь на улицу. Не играешь с детьми, – он прижал меня к себе. – Детка, я начинаю о тебе волноваться. Просто выведи их на полчаса на воздух. Получи витамин Д.

– Думаешь, у меня депрессия? – спросила я. Просто смешно. Ведь депрессия была у него.

Джереми положил ключи на столешницу и обхватил мое лицо ладонями.

– Думаю, у нас обоих депрессия. И так будет продолжаться какое-то

время. Мы должны заботиться друг о друге.

Я улыбнулась. Мне понравилось, что, по его мнению, мы переживаем все вместе. Возможно, так и было. Потом он поцеловал меня, впервые за много месяцев – с языком и почти без горечи. Как в старые добрые времена. Я прижала его к себе и поднялась на цыпочки, поцелуй стал глубже. Я почувствовала, как он твердеет, и в этот раз без принуждения.

– Я хочу, чтобы сегодня ты спал в нашей комнате, – прошептала я.

Он улыбнулся, не отрываясь от моих губ.

– Хорошо. Но выспаться не удастся.

Его интонации, горящие глаза, улыбка. *Ты вернулся, Джереми Кроуфорд. Я скучала.*

Когда Джереми уехал, я повела его чертовых детей играть у воды. И взяла с собой последнюю написанную книгу серии. Пора возвращаться в строй. Я уже пропустила все сроки, но в «Пантем» терпеливо ждали из-за трагического «несчастливого случая» с Частин.

И, возможно, они бы проявили еще больше участия, если бы знали, что произошло с ней на самом деле.

Крю вышел на причал и направился к лодке. Я напряглась, потому что пристань старая, и Джереми не любит, когда они на нее выходят. Но Крю легкий, так что я ничего не сказала. Вряд ли он бы мог провалиться.

Он сел на край причала и засунул ноги в лодку. Странно, что она еще не уплыла. Она держалась на одной потертой веревке.

Крю этого не знает, и, возможно, когда-нибудь мы ему расскажем, но он был зачат в этой лодке. Неделя, когда я обманула Джереми насчет беременности, оказалась самой урожайной на секс за всю историю наших отношений. Но я уверена, что получилось все именно в лодке. Именно поэтому я назвала сына Крю^[4]. Я хотела, чтобы он носил имя с морской тематикой.

Я скучала по тем дням.

Я вообще по многому скучала. В основном по нашей жизни до появления детей. Во всяком случае, близнецов.

Сидя в тот день на берегу и наблюдая за Крю, я задумалась, каково было бы иметь только одного ребенка, его. Если умрет Харпер, нам снова придется приходить в себя, но я не сомневалась: мы справимся. После гибели Частин я горевала и не была готова оказывать поддержку. Но если не станет Харпер, я смогу помочь Джереми прийти в себя.

На этот раз мне горевать почти не придется – вся моя скорбь была предназначена Частин.

Может, почти вся скорбь Джереми тоже была предназначена Частин.

Возможно.

Раньше я думала, что люди переносят смерти своих детей одинаково тяжело. Что потерять второго или даже третьего ребенка так же невыносимо, как и первого.

Но это было до того, как мы с Джереми потеряли Частин. Ее гибель насквозь пропитала нас скорбью. Каждую клеточку, каждый член.

Если лодка перевернется вместе с детьми – если Харпер утонет, – возможно, Джереми не сможет вместить это горе. Возможно, он уже наполнился до краев.

Если ты уже потерял одного ребенка, то можешь потерять и остальных.

Если для скорби не останется места и Харпер больше не будет рядом, мы втроем сможем стать идеальной семьей.

– Харпер.

Она сидела в нескольких метрах от меня, возилась в песке. Я встала и отряхнула джинсы.

– Пойдем, милая. Давай покатаем твоего брата на лодке.

Харпер подпрыгнула и поспешила на причал, не зная, что никогда больше не ощутит под ногами твердую землю.

– Я сяду вперед, – сказала она. Я последовала за ней. Помогла детям залезть в лодку – сначала Крю, потом Харпер. Потом села и осторожно спустилась к ним. И оттолкнулась веслом от причала.

Я села сзади, Крю посередине. Я вывела лодку на глубину, а они сидели, наклонившись к воде, трогая ее пальцами.

Я огляделась вокруг – на озере никого не было. Мы живем в большой бухте, и туда редко добираются люди. День был тихий.

Харпер выпрямилась и вытерла руки об легинсы. Она обернулась, повернувшись к нам с Крю спиной.

Я наклонилась вперед, к уху Крю. Закрывает его рот рукой.

– Крю. Милый. Задержи дыхание.

Схватила за борт лодки и перенесла весь свой вес вправо.

Я слышала короткий визг. Не знаю, Крю это был или Харпер, но после этого визга и всплеска я ничего не слышала. Только давление. Тишина давила мне в уши, и я била ногами и руками, пока не оказалась на поверхности.

Я слышала плеск. Крики Харпер. Крики Крю. Я подплыла к Крю и обхватила его руками. Посмотрела на дом, надеясь, что сумею добраться с ним до берега. Мы были дальше, чем я рассчитывала.

Я поплыла. Харпер кричала.

Плескалась.

Я плыла дальше.

Она все кричала.

Тишина.

Я слышала еще один всплеск.

Снова тихо.

Я плыла дальше, не оборачиваясь, пока не почувствовала под ногами ил. Крю задыхался и кашлял и покачивался вверх-вниз, вцепившись в меня. Держать его на плаву оказалось труднее, чем я рассчитывала.

Джереми меня за это поблагодарит. За спасение Крю.

Конечно, он будет опустошен, но и благодарен.

Мне было интересно, будем ли мы спать грядущей ночью в одной постели. Он будет измотан, но захочет спать со мной рядом, обнять меня, убедиться, что я в порядке.

– Харпер! – закричал Крю, как только его легкие освободились от воды.

Я прикрыла Крю рот, потащила его к берегу и опустила на песок. Его глаза округлились от страха.

– Мамочка, – заплакал он, показывая мне за спину. – Харпер не умеет плавать!

Я была вся в песке – он прилип к рукам, плечам, бедрам. Легкие горели огнем. Крю попытался уползти обратно к воде, но я схватила его за руку и заставила сесть. И оглянулась на озеро, но там ничего не было. Ни криков. Ни всплесков.

Крю паниковал все сильнее.

– Я пыталась ее спасти, – прошептала я. – Мама пыталась ее спасти.

– Иди, достань ее! – завопил он, указывая на озеро.

Я представила, как все будет выглядеть, если он расскажет кому-нибудь, что я не вернулась в воду. Большинство матерей не вышли бы на берег, пока не нашли бы своего ребенка. Нужно возвращаться в воду.

– Крю. Мы должны спасти Харпер. Ты помнишь, как позвонить папе с маминого телефона?

Он кивнул, вытирая с щек слезы.

– Иди. Иди домой и позвони папе. Скажи, что мама пытается спасти Харпер и что он должен позвонить в полицию.

– Хорошо! – ответил он и побежал домой.

Он был таким хорошим братом.

Я замерзла и задыхалась, но пошла обратно в озеро.

– Харпер? – тихо позвала я по имени, испугавшись, что если закричу

слишком громко, у нее откроется второе дыхание и она вынырнет на поверхность.

Я не торопилась. Боялась заплывать слишком далеко и наткнуться на нее, к ней прикоснуться. А вдруг она еще жива и вцепится в мою одежду? Попытается затащить под воду?

Я прекрасно понимала, что должна быть здесь, когда появится Джереми. Должна плакать. Замерзать. На грани гипотермии. Бонусные очки, если меня увезут на «Скорой».

Перевернутую лодку уже прибило ближе к берегу. До этого мы с Джереми уже несколько раз переворачивались, и я знала, что в такой позиции возникают воздушные карманы. А что, если Харпер доплыла до лодки? Схватила за нее и теперь пряталась внутри? И дожидалась папу, чтобы рассказать, что я натворила?

Я направилась к лодке. Осторожно, чтобы случайно не дотронуться до дочери. Добравшись, я задержала дыхание и опустила под воду. И вынырнула уже внутри.

Ох, слава богу, подумала я.

Ее там не было.

Слава богу.

Я услышала, как Крю зовет меня издалека. Снова нырнула и выбралась из-под лодки. С паникой в голосе окликнула Харпер, как поступила бы по-настоящему опустошенная мать.

– Харпер!

– Папа едет! – крикнул с берега Крю.

Я принялась выкрикивать имя Харпер еще громче. Полиция приедет совсем скоро, еще до Джереми.

– Харпер!

Я несколько раз нырнула, чтобы сбилось дыхание. И продолжала погружаться под воду, пока не почувствовала, что едва держусь на поверхности. Я выкрикивала ее имя, пока офицер полиции не вытащил меня из воды.

Я продолжила звать ее, периодически добавляя «Моя дочь!» или «Моя девочка!»

Сначала ее искал в воде один человек. Потом двое. Потом мимо меня кто-то пронесся на причал. Пробежал до конца и нырнул в воду. Когда он показался на поверхности, я увидела, что это Джереми.

Невозможно описать выражение его лица, когда он звал ее. Решительность, ужас, психоз.

В этот момент я уже плакала по-настоящему. У меня была истерика. Я

хотела улыбнуться ее искренности, но не стала, потому что в глубине души понимала – я облажалась. Я видела это по лицу Джереми. Теперь ему будет еще сложнее, чем после гибели Частин.

Такого я не ожидала.

Она пробыла под водой примерно полчаса, когда он наконец нашел ее. Запуталась в рыболовной сети. Я не разглядела с берега, зеленая была сеть или желтая, но помнила, что в прошлом году Джереми потерял желтую сеть. Каковы были шансы, что я переверну лодку именно в том месте, где она висела под водой? Если бы сети не было, возможно, Харпер добралась бы до берега.

Когда ее распутали, мужчины помогли Джереми поднять Харпер на причал. Джереми пытался откачать ее, пока не пришел парамедик. И даже тогда он не остановился.

Он продолжал, пока мог. Причал начал рушиться, Джереми упал в воду и схватил Харпер. Трое мужчин остались наверху и хотели поднять тело.

Наверное, этот момент будет преследовать его всю жизнь. Как он поймал мертвое тело дочери, которое упало на него в воду.

Джереми не отдал ее. Он встал на ноги и вынес ее на берег. Добравшись, опустился на песок, не выпуская тело из рук. Он уткнулся лицом в ее мокрые волосы, и я услышала его шепот:

– Я люблю тебя, Харпер. Я люблю тебя, Харпер. Я люблю тебя, Харпер.

Он повторял это вновь и вновь. Его страдания причиняли мне боль. Я подползла к нему, к ней и обхватила их руками.

– Я пыталась спасти ее, – прошептала я. – Я пыталась спасти ее.

Он не отпустил Харпер. Парамедикам пришлось вырывать ее у него из рук. Он оставил меня с Крю и залез в машину «Скорой помощи».

Джереми даже не спросил меня, что случилось. Не сказал, что уезжает. Он вообще на меня не посмотрел.

Я ожидала другой реакции, но понимала, что у него шок. Он придет в себя. Просто нужно время.

Я сижу, вцепившись в унитаз, и меня рвет. Меня затошнило еще до конца главы. Я трясусь, словно была там. И собственными глазами видела, что эта женщина сотворила с собственной дочерью. С Джереми.

Прижимаюсь лбом к руке, раздумывая, что делать.

Рассказать кому-то? Джереми? Обратиться в полицию?

Но что полиция может ей сделать?

Они куда-нибудь ее отправят. В психиатрическую больницу. Джереми станет свободен.

Чищу зубы и смотрю в зеркало. Прополоскав рот, выпрямляюсь и вытираю губы. И вижу на руке шрам. Никогда не думала, что он покажется мне незначительным, но я начинаю чувствовать именно так. Моя история с мамой – ерунда по сравнению с этим.

У нас была нарушена связь.

Это – убийство.

Хватаю сумку и ищу ксанакс. Зажав таблетку в кулаке, направляюсь на кухню. Достая из шкафа рюмку и наливаю виски, до самых краев. Беру ее в руки, и в этот момент заходит Эйприл. Она останавливается, глядя на меня.

Я смотрю ей в глаза, кладу в рот таблетку и залпом выпиваю рюмку.

Возвращаюсь к себе в комнату и запираю дверь. Потом задвигаю занавески на выбитое окно, чтобы закрыться от солнца.

Я закрываю глаза, натягиваю себе на голову одеяло и пытаюсь понять, что делать дальше.

* * *

Я просыпаюсь спустя какое-то время, чувствуя в теле приятное тепло. Что-то прикасается к моим губам. Я открываю глаза.

Джереми.

Я выдыхаю, не отрываясь от его губ, когда он опускается на меня, и страстно отвечаю на его ласку. Но он не знает, что я вкладываю в этот поцелуй жалость к нему. Из-за ситуации, о которой он ничего не знает.

Я убираю одеяло, чтобы между нами не было никаких преград. Продолжая целовать меня, он поворачивается на бок, прижимая меня к

себе.

– Сейчас два часа дня, – шепчет он. – Ты в порядке?

– Да, – обманываю я. – Просто устала.

– Я тоже, – он проводит пальцами по моему предплечью, потом берет меня за руку.

– Как ты сюда попал? – спрашиваю я, вспомнив, что заперла дверь изнутри.

Он улыбается.

– Через окно. Эйприл повезла Верити к врачу, а Крю не вернется из школы в ближайший час.

После таких новостей я расслабляюсь окончательно. Верити в доме нет, а значит, переживать нечего.

Джереми кладет голову мне на грудь и смотрит на ноги, проводя пальцем по краю трусиков.

– Я проверил замок. Оказывается, если хлопнуть дверью, его можно случайно защелкнуть.

Я ничего не отвечаю: сомневаюсь, что могу в это поверить. Вероятность есть, но вариант с Верити кажется мне гораздо правдоподобнее.

Джереми приподнимает мою футболку – я снова взяла ее у него из шкафа. И целует меня между грудей.

– Мне нравится, когда ты носишь мои футболки.

Провожу пальцами по его волосам и улыбаюсь.

– Мне нравится, что они пахнут тобой.

Он смеется.

– И какой же у меня запах?

– Петрикор.

Он проводит губами по моему животу.

– Я даже не знаю, что это значит, – бормочет он.

– Это слово описывает аромат свежего дождя после жары.

Он снова возвращается к моим губам.

– Не знал, что для этого есть слово.

– Для всего есть слово.

Он быстро целует меня, потом отстраняется. Задумчиво сводит брови.

– А для того, что я делаю, слово есть?

– Возможно. Что ты имеешь в виду?

Он проводит пальцем по моей челюсти.

– Это, – тихо говорит он. – Влюбляюсь в женщину, хотя не должен.

Несмотря на его дополнение, у меня замирает сердце. Ужасно, что он

испытывает вину за собственные чувства. Но я его понимаю. В каком бы состоянии ни была его жена, он спит с другой женщиной в их постели. Сложно придумать этому оправдание.

– Ты чувствуешь себя виноватым? – спрашиваю я.

– Да, – несколько мгновений он молча меня рассматривает. – Но недостаточно виноватым, чтобы остановиться, – он опускает голову на подушку рядом со мной.

– Но нам придется остановиться, – напоминаю я. – Я должна вернуться на Манхэттен. А ты женат.

Судя по глазам, он скрывает мысли, которые не хочет озвучивать. Мы молча смотрим друг другу в глаза. Наконец он целует меня и говорит:

– Я подумал над тем, что ты сказала прошлым вечером на кухне.

Я молчу и боюсь продолжения. Прислушался ли он ко мне? Согласился ли, что качество его жизни не менее важно, чем жизнь Верити?

– Я позвонил в реабилитационный центр, ее будут забирать по будням, начиная с понедельника. Она будет возвращаться домой по выходным, трижды в месяц.

Он ждет моей реакции.

– Думаю, так будет лучше для вас троих.

Я словно вижу – скорбь начинает испаряться. Из него, из этого дома. В окно дует ветер, в доме тихо, Джереми выглядит умиротворенным. В этот момент я принимаю решение о рукописи.

Я не буду ничего делать.

Если я докажу, что Верити убила Харпер, Джереми не станет легче. Ему станет только хуже. Откроется столько ран... И появятся свежие, еще более глубокие.

Не уверена, что присутствие Верити безопасно, но со временем это можно выяснить. Думаю, Джереми просто стоит повысить бдительность. Поставить в комнату Верити камеру с датчиком движения. Если она действительно притворяется, он узнает. А если он узнает, то никогда не позволит ей приближаться к Крю.

К тому же в реабилитационном центре за ней будут следить куда пристальнее.

Кажется, все стало нормально. Безопасно.

– Останься еще на неделю, – просит Джереми.

Я планировала уехать утром, но теперь, когда я знаю, что Верити скоро покинет дом, то с удовольствием осталась бы еще на целую неделю, без Эйприл и Верити.

– Ладно.

Он поднимает бровь.

– Ты хотела сказать – хорошо.

Я улыбаюсь.

– Хорошо.

Он прижимается губами к моему животу, целует меня и снова залезает сверху.

Он проникает в меня, не снимая с меня футболки. Мы занимаемся любовью так долго, что мое тело расслабляется, поддаваясь его движениям. Когда я чувствую, как мышцы его рук начинают напрягаться под моими пальцами, я не хочу заканчивать. Не хочу, чтобы он оставлял мое тело.

Я крепко обхватываю его ногами и нахожу губами его губы. Он стонет и погружается в меня еще глубже. Мы продолжаем целоваться, когда он кончает – его губы замирают, дыхание учащается, и он даже не пытается из меня выйти. Он валится на меня, оставаясь внутри.

Мы молчим, прекрасно осознавая произошедшее. Но ничего не обсуждаем.

Отдышавшись, Джереми выходит из меня и опускает руку, запуская пальцы мне между ног. Он наблюдает за мной, прикасаясь ко мне, и дожидается, когда я достигну оргазма. Когда это происходит, я не пытаюсь сдерживать крики – к счастью, в доме никого нет.

Когда все заканчивается, я расслабленно лежу на кровати, и он целует меня в последний раз.

– Мне нужно ускользнуть, пока никто не вернулся.

Я улыбаюсь, наблюдая, как он одевается. Он целует меня в лоб и вылезает обратно в окно.

Не знаю, почему он не воспользовался дверью, но это меня смешит.

Закрываю лицо подушкой и улыбаюсь. Что на меня нашло? Видимо, чертов дом совсем вскружил мне голову, потому что половину времени я готова бежать отсюда сломя голову, а половину времени мечтаю остаться здесь навсегда.

Эта рукопись точно сводит меня с ума. Я чувствую, что влюбляюсь в мужчину, хотя знаю его всего несколько недель. Но я влюбляюсь в него не только в реальной жизни. Я влюбилась в него благодаря словам Верити. По ее описаниям я узнала, что он за человек, и поняла – он заслуживает большего. Я хочу дать ему то, чего не дала она.

Он заслуживает быть с тем, кто поставит любовь к его детям превыше всего.

Убираю с лица подушку и кладу себе под бедра, приподнимая их, чтобы сохранить внутри то, что он оставил во мне.

Когда я снова заснула, мне снился Крю. Повзрослевший, лет в шестнадцать. Во сне не произошло ничего примечательного, во всяком случае, я этого не помню. Помню только чувство, когда смотрела ему в глаза. Будто он злой. Словно все, на что обрекла его Верити и что он видел, отпечаталось в его душе, и он пронес это с собой сквозь детство.

С тех пор прошло несколько часов, и я невольно раздумываю, насколько молчание о рукописи в интересах Крю. Он видел, как утонула сестра. Видел, как мать отказалась ей помогать. И хотя он еще очень маленький, возможно, эти воспоминания сохранятся. И он всегда будет помнить, как она попросила его задержать дыхание, прежде чем намеренно перевернуть лодку.

Мы сидим на кухне – только я и Крю. Эйприл уехала около часа назад, а Джереми наверху, укладывает Верити. Я сижу за столом, ем крекеры с арахисовым маслом и наблюдаю, как Крю играет в айпаде.

– Во что играешь? – спрашиваю я.

– «Той Бласт».

Ну, хотя бы не «Фоллаут» и не «Гранд Тефт Ауто». Он еще не безнадёжен.

Крю смотрит, как я откусываю кусочек крекера. Кладет айпад и заползает на стол.

– Тоже хочу, – заявляет он.

Я смеюсь, наблюдая, как он ползет по столу к арахисовому маслу. Даю ему нож. Он кладет на крекер большой ком и откусывает, усевшись на колени. Взгляд наполняется удовольствием.

– Вкусно.

Крю слизывает масло с ножа, и я морщусь нос.

– Жуть. Нельзя облизывать нож.

Он хихикает, словно это смешно.

Я откидываюсь на спинку стула, восхищаясь этим мальчиком. Если учесть, что ему пришлось пережить, он – прекрасный ребенок. Не капризничает, не кричит и по-прежнему умудряется радоваться мелочам. Я больше не считаю его придурком. Как в день знакомства.

Я улыбаюсь ему. Его невинности. И снова задаюсь вопросом, помнит ли он тот день. Интересно, зависит ли от воспоминаний Крю программа его лечения. Ведь даже родной отец не знает, на что обрекла его Верити – я

чувствую, что это на моей совести. Это я читала рукопись. И должна рассказать Джереми, что его сын может оказаться травмирован сильнее, чем он думает.

– Крю, – начинаю я, вращая рукой банку с арахисовым маслом, – можно задать тебе вопрос?

Он оживленно кивает.

– Ага.

Я улыбаюсь, стараясь не напугать его расспросами.

– У вас была лодка?

Он замирает. Потом отвечает:

– Да.

Я пристально смотрю на него, пытаюсь определить, можно ли продолжить, но он непоницаем.

– Вы когда-нибудь играли в ней? Ну, вдали от берега?

– Да.

Он снова облизывает нож, и я испытываю некоторое облегчение – значит, разговор не слишком тяготит его. Может, он даже ничего не помнит. Ему всего пять; очевидно, что он воспринимает реальность иначе, чем взрослые.

– Ты помнишь, как вы катались на лодке? С мамой? И Харпер?

Крю не кивает и не говорит «да». Он смотрит на меня, и я не могу понять, боится ли он отвечать на вопрос или просто не помнит. Потом опускает взгляд на стол, разрывая зрительный контакт. Опускает нож в банку и снова сует себе в рот, смыкая губы.

– Крю, – я подхожу ближе и осторожно кладу руку ему на колено. – Почему перевернулась лодка?

Крю снова смотрит на меня, вытаскивает нож изо рта и говорит:

– Мама сказала, я не должен отвечать тебе, если ты будешь спрашивать про нее.

Чувствую, как с лица схлынула краска. Крю спокойно продолжает облизывать нож. Я так сильно сжимаю стол, что белеют костяшки.

– Она... Твоя мама говорит с тобой?

Крю смотрит на меня несколько секунд, не отвечая, а потом качает головой, словно собирается отказаться от собственных слов. Он понимает, что не должен был этого говорить.

– Крю, твоя мама делает вид, что не может разговаривать?

Крю сжимает зубы, не вынимая ножа изо рта. Я вижу, как нож проходит между зубами и втыкается в десны.

Начинает течь кровь. Я вскакиваю, роняя стул, хватаю нож за ручку и

вытаскиваю у Крю изо рта.

– Джереми!

Прикрыв рот Крю рукой, я оглядываюсь в поисках полотенца. Тщетно. Крю не плачет, но его глаза полны ужаса.

– Джереми! – теперь воплю я. Отчасти потому что мне нужна его помощь, отчасти от испуга.

Джереми подбегает к Крю, запрокидывает его голову назад, заглядывает ему в рот.

– Что случилось?

– Он... – Я даже не могу этого произнести. Хватаю ртом воздух. – Он ткнул в рот ножом.

– Придется зашивать, – Джереми берет сына на руки. – Возьми мои ключи. Они в гостиной.

Я спешу в гостиную и хватаю со стола ключи Джереми. Следую за ними в гараж, к джипу Джереми. У Крю в глазах стоят слезы – ему становится больно. Джереми открывает заднюю дверь и сажает Крю в кресло. Я открываю дверь, чтобы залезть на переднее сиденье.

– Лоуэн, – говорит Джереми. Я оборачиваюсь. – Я не могу оставить Верити одну. Тебе придется остаться.

Сердце уходит в пятки. Джереми помогает мне спуститься, прежде чем я успеваю возразить.

– Я позвоню тебе после приема.

Он забирает у меня из руки ключи, и я, замерев на месте, наблюдаю, как он сдает задом из гаража. Разворачивает машину и выезжает на дорогу.

Опускаю взгляд на свои руки, покрытые кровью Крю.

Я больше не хочу здесь оставаться, не хочу, не хочу, ненавижу эту работу.

Через несколько секунд я понимаю, что мои желания не играют никакой роли. Я здесь, как и Верити, и я должна убедиться, что ее дверь закрыта. Спешу обратно в дом и поднимаюсь по ступеням в ее комнату. Ее дверь широко открыта – возможно, потому что Джереми торопился вниз.

Она в кровати. Но укрыта лишь наполовину, и одна нога свисает, словно Джереми услышал мой крик и сорвался, не успев нормально ее уложить.

Не моя проблема.

Хлопаю дверь и запираю ее снаружи, размышляя, как еще можно обеспечить собственную безопасность. Спускаясь вниз, вспоминаю, что видела в подвале видеоняню. Подвал – последнее место, куда я хочу пойти, но приходится преодолеть страх, включить в телефоне фонарик и

спуститься вниз. Когда я была здесь с Джереми, то не особо осматривалась вокруг. Но я помню, что некоторые коробки были закрыты.

Осветив помещение, я замечаю, что почти все коробки сдвинуты с места и открыты, словно кто-то в них рылся. Мысль о том, что это могла быть Верити, заставляет меня действовать еще быстрее. Я не хочу оставаться здесь дольше, чем нужно. Иду туда, где видела в прошлый раз видеоняню – она лежала прямо сверху, в одной из немногих открытых коробок.

Ее нет.

Но в тот момент, когда от страха я уже готова отказаться от поисков, я замечаю на полу коробку. Хватаю видеоняню и несусь обратно к ступеням. С огромным облегчением открываю дверь и выхожу из подвала.

Разматываю провода и подключаю пыльный монитор к розетке возле компьютера Верити. И спешу вверх, но останавливаюсь на полпути. Разворачиваюсь. Иду на кухню и беру нож.

Возвращаюсь к комнате Верити и отпираю замок, сжимая в руке нож. Она лежит в той же позе. Нога по-прежнему свисает с кровати. Прижимаясь спиной к стене, я крадусь к комоду и ставлю на него камеру. Направляю на кровать и включаю в розетку.

Потом возвращаюсь к двери, но мешкаю, прежде чем покинуть комнату. Делаю шаг вперед, по-прежнему сжимая нож, как можно быстрее поднимаю ногу Верити и закидываю на кровать. Накрываю ее одеялом, поднимаю поручни, выхожу в коридор и закрываю за собой дверь.

Запираю ее.

К дьяволу это дерьмо.

Тяжело дыша, я спускаюсь вниз и иду к раковине. Смываю с рук засохшую кровь. Провожу несколько минут, счищая ее со стола и с пола. Потом возвращаюсь в кабинет и сажусь перед монитором.

Перевожу камеру на телефоне в режим съемки видео на случай, если она пошевелится. Если она пошевелится... Я хочу, чтобы Джереми это увидел.

Я жду.

Жду целый час. Смотрю на телефон, дожидаясь звонка от Джереми. Смотрю на монитор, дожидаясь разоблачения Верити. Я слишком напугана, чтобы выйти из кабинета и предпринять что-то еще. Подушечки пальцев болят от постоянного стука по столу.

Спустя еще полчаса я снова начинаю в себе сомневаться. *Она бы уже пошевелилась.* А она даже не открывала глаза. Она не могла видеть, как я поставила камеру, потому что у нее были закрыты глаза.

Если только она не открыла их, пока я шла в кабинет. В таком случае она видела видеоняню и знает, что я наблюдаю.

Я качаю головой. *Рехнуться можно.*

Осталась последняя глава рукописи. Нужно с этим покончить, если я планирую остаться здесь еще на неделю. Невозможно больше то бояться, то подозревать себя в безумии. Беру несколько последних страниц, не отворачиваясь от монитора. Буду читать и наблюдать за ней.

Глава пятнадцатая

Прошло всего несколько дней со смерти Харпер, но за эти несколько дней мой мир изменился сильнее, чем за все предыдущие годы на этой земле.

Меня допрашивала полиция. Дважды. Можно понять – они хотят убедиться в правдоподобности моей истории. Это их работа. Они задавали простые вопросы. Отвечать было легко.

«Вы можете рассказать, что произошло?»

«Харпер наклонилась из лодки к воде. Лодка перевернулась. Мы все погрузились под воду, но Харпер выплыть не смогла. Я пыталась спасти ее, но начала задыхаться, и мне нужно было вытаскивать Крю».

«Почему на ваших детях не было жилетов?»

«Мы думали, что мы на мелководье. Сначала мы были совсем близко к причалу, но потом... Отдалились».

«Где был ваш супруг?»

«Уехал в магазин. Перед отъездом он попросил меня отвести детей к воде».

Ответы на вопросы я сопровождала приступами рыданий. И периодически сгибалась пополам, словно ее гибель причиняла мне физическую боль. Думаю, представление получилось правдоподобным, и им было неудобно допрашивать меня дальше.

Увы, с Джереми такое не работало.

Он был хуже следователей.

Со смерти Харпер он не выпускал Крю из поля зрения. Мы спали втроем внизу, в нашей комнате – Крю посередине, мы с Джереми по сторонам, разделенные очередным ребенком. Но сегодня все было иначе. Сегодня я попросила Джереми меня обнять, и тогда он положил Крю с другой стороны и лег посередине. Я прижималась к нему полчаса, надеясь заснуть, но он не прекращал чертовы расспросы.

- Почему ты повезла их кататься на лодке?
- Они попросили.
- Почему на них не было жилетов?
- Я думала, мы близко к берегу.
- Какие были ее последние слова?
- Я не помню.
- Когда ты добралась до берега с Крю, она еще была на поверхности?
- Нет. Не думаю.
- Ты поняла, что лодка вот-вот перевернется?
- Нет. Все случилось слишком быстро.

Вопросы ненадолго закончились, но я знала: он не спит. Наконец, через несколько минут молчания он произнес:

- Просто я не понимаю.
- Чего ты не понимаешь?

Он отодвинулся, освободив пространство между моим лицом и своей грудью. Он хотел, чтобы я на него посмотрела, и я подняла голову.

Он прикоснулся к моей щеке, нежно, костяшками пальцев.

– Верити, почему ты сказала Крю, чтобы он задержал дыхание?

В тот момент я поняла – все кончено.

В тот момент он понял – все кончено.

Он думал, будто знает свою жену... Но впервые действительно понял, что означает мой взгляд. А я поняла: как бы я ни пыталась его убедить... Он никогда не поверит мне. Слова Крю были важнее. Это не в его природе. Он ставит детей выше жены, и именно это я ненавижу в нем сильнее всего.

Но я все же пыталась. Пыталась его убедить. Но сложно говорить убедительно, когда по твоим щекам струятся слезы, а голос дрожит на словах: «Я сказала это, когда мы уже переворачивалась. Не раньше».

Он молча посмотрел на меня. А потом отпустил. И отстранился, и я уже понимала – это самый последний раз. Он отвернулся и обхватил Крю, словно стал его доспехами.

Его защитником.

От меня.

Я пыталась лежать неподвижно, не проявляя реакции, чтобы он решил, будто я заснула, но лишь тихо плакала. Когда слезы усилились, я ушла в кабинет и закрыла за собой дверь, чтобы Джереми не услышал рыданий.

Добравшись до кабинета, я открыла рукопись и начала печатать. Кажется, больше рассказывать не о чем. Будущего нет. Прошлого тоже.

Я добралась до конца истории?

Не знаю, что будет дальше. Я предсказала убийство Частин, но не

знаю, как закончится моя собственная жизнь.

Умру ли я от рук Джереми? Или от *собственных* рук?

А может, ничего и не кончится. Может, завтра утром Джереми проснется и увидит, как я сплю рядом. И вспомнит все хорошее, все минеты, всю проглоченную сперму. И поймет, сколько времени у нас появится на подобные вещи теперь, с одним ребенком.

Или... Может, он проснется с уверенностью, что гибель Харпер не была случайной. Может, он сдаст меня полиции. Может, захочет заставить меня расплатиться за мой поступок.

Тогда... *Так тому и быть.*

Я просто въеду в дерево.

Конец

Я даже не успеваю осознать финал, потому что слышу, как машина Джереми заезжает в гараж. Складываю страницы в стопку и смотрю на монитор. Верити по-прежнему лежит неподвижно.

Он подозревал ее?

Сжимаю ладонями шею, пытаюсь снять напряжение, накопившееся после прочтения последней главы. Как он может продолжать за ней ухаживать? Купать и переодевать ее всю оставшуюся жизнь? Просто ради выполнения данных ей клятв?

Если он действительно подозревал ее в убийстве Харпер, как он вообще может оставаться с ней в одном доме?

Я слышу, как открывается дверь гаража, и выхожу из кабинета в коридор. Джереми стоит у лестницы и держит Крю на руках.

– Шесть стежков, – шепчет он. – И куча обезболивающих. Он вырубился на всю ночь.

Он несет Крю наверх и укладывает спать. Я не слышу, чтобы он заходил к Верити на обратном пути.

– Хочешь кофе? – предлагаю я.

– Пожалуйста.

Он идет за мной на кухню, где обнимает сзади и утыкается в волосы, пока я ставлю кофе. Я прижимаюсь к нему, голову переполняют вопросы. Но я молчу, не зная даже, с чего начать.

Поворачиваюсь и тоже его обнимаю. Мы стоим так несколько минут. Наконец он отпускает меня и говорит:

– Мне нужно в душ. Я весь в крови.

И только тогда я замечаю. Капли на его руках, пятна на футболке. Кажется, пачкаться в крови становится нашей традицией. Хорошо, что я не суеверная.

– Я буду в кабинете.

Мы целуемся, и он бежит наверх. Я дожидаюсь кофе, чтобы налить чашку и себе. Я по-прежнему не представляю, как подступить к нему со своими вопросами, но после прочтения последней главы их слишком много. Грядущая ночь может оказаться длинной.

Я слышу, как он включил воду, как раз когда наливаю кофе. Беру чашку и возвращаюсь в кабинет, а потом проливаю все на пол. Чашка разбивается. Горячая жидкость обжигает мне ноги и стекает по пальцам, но

я не могу пошевелиться.

Замерев на месте, я пялюсь в монитор.

Верити на полу. На руках и коленях.

Хватаю телефон и окликаю Джереми.

– Джереми!

Верити поворачивает голову набок, словно слышит мой крик. Прежде, чем я успеваю включить дрожащими пальцами камеру, она заползает обратно в кровать. Принимает позу. Замирает.

– Джереми! – выкрикиваю я вновь, уронив телефон. Бегу на кухню, хватаю нож. Бегу наверх, прямо в комнату Верити. Отпираю и распахиваю дверь.

– Вставай! – ору я.

Она не двигается. Даже не вздрагивает.

Я срываю с нее одеяло.

– *Вставай*, Верити. Я тебя *видела*, – я в ярости наклоняюсь над кроватью. – Я это так не оставлю.

Я хочу, чтобы Джереми увидел ее истинное лицо, прежде чем она успеет ему навредить. Навредить Крю. Хватаю ее за лодыжки и начинаю тянуть. Я уже наполовину стаскиваю ее с кровати, когда чувствую, как кто-то меня оттаскивает. Поднимает в воздух и уносит к двери. И ставит меня на пол в коридоре.

– Какого *черта* ты творишь, Лоуэн? – лицо и голос Джереми полны гнева.

Я делаю шаг вперед и прижимаю руки к его груди. Он забирает у меня нож и хватает меня за плечи.

– Хватит.

– Она притворяется. Я *видела*, клянусь, она притворяется.

Он заходит обратно в комнату, хлопнув у меня перед носом дверью. Я заглядываю и вижу, как он поднимает ноги Верити на кровать. Увидев, что я вернулась, он накрывает жену одеялом и выводит меня в коридор. Запирает дверь, хватая меня за запястье и тащит за собой.

– Джереми, нет, – я цепляюсь за его руку. – Не оставляй здесь Крю.

Мой голос умоляет, но Джереми остается глух. Его волнует лишь то, что он увидел. Когда мы подходим к лестнице, я начинаю упираться, качая головой. Он *должен перенести Крю вниз*. Джереми берет меня за талию, кладет себе на плечо и несет вниз, прямо в спальню. Осторожно опускает на кровать, несмотря на гнев.

Подходит к моему шкафу. Вытаскивает чемодан. Мои вещи.

– Ты должна уехать.

Я на коленях подползаю к изножью кровати, где он запихивает одежду в чемодан.

– Ты должен поверить мне.

Он не реагирует.

– Черт подери, Джереми! – Я показываю наверх. – Он *сумасшедшая!* Она обманывала тебя с первого дня вашей встречи!

Я никогда не чувствовала в человеке столько недоверия и ненависти. Его взгляд ужасает меня, и я начинаю пятиться.

– Она не притворяется, Лоуэн, – он поднимает руку в сторону лестницы. – Эта женщина беспомощна. У нее практически отказал мозг. Тебе мерещилась всякая чушь с самого начала, – он продолжает складывать мои вещи в чемодан, качая головой. – Невозможно, – бормочет он.

– Нет. И ты сам это знаешь. Она убила Харпер, и ты это *знаешь*. Ты подозревал, – я слезаю с кровати и спешу к двери. – Я докажу.

Он идет за мной в кабинет Верити. Я хватаю рукопись, все страницы, поворачиваюсь к нему и прижимаю их к его груди.

– Читай.

Он перехватывает бумаги. Смотрит на них. Потом на меня.

– Где ты это нашла?

– У нее. Там все. Со дня вашей встречи и до аварии. *Прочитай*. Хотя бы последние две главы. Пожалуйста, просто прочитай. – Я так устала, что способна лишь умолять. Поэтому я упрашиваю его. Тихо. – Прошу, Джереми. Ради твоих девочек.

Он смотрит на меня и по-прежнему не верит ни единому слову. Ну и ладно. Если он просто прочитает – и увидит, о чем действительно думает его жена рядом с ним, – то поймет, что бояться нужно не меня.

Чувствую, как в груди растет страх. Страх его потерять. Он считает меня безумной – я пыталась навредить его жене. Хочет, чтобы я уехала из его дома. Ушла отсюда и никогда не возвращалась.

Глаза щиплет, и по щекам начинают бежать слезы.

– Прошу, – шепчу я. – *Прошу*. Ты заслуживаешь знать правду.

Я понимаю, что на чтение у него уйдет какое-то время. Сажусь на кровати и жду. В доме тише, чем когда-либо. Тревожное затишье перед бурей.

Смотрю на чемодан, задаваясь вопросом, заставит ли он меня уехать после прочтения рукописи. Все время пребывания здесь я хранила от него этот секрет. Он может никогда меня не простить.

И я знаю, он никогда не простит Верити.

Поднимаю взгляд к потолку, услышав удар. Негромкий, но, похоже, он раздался из комнаты Джереми. Прошло не слишком много времени, но достаточно, чтобы он успел пролистать рукопись и узнать: Верити совсем не такая женщина, как он думал.

Раздается крик. Приглушенный и тихий, но я его слышу.

Ложусь на бок, обнимаю подушку и закрываю глаза. Меня убивает осознание, насколько ему сейчас больно – он читает страницу за страницей жестокой правды, которая никогда не должна была быть написана.

Наверху раздаются шаги. Он никак не мог успеть прочитать все целиком, но я его понимаю. На его месте я бы сразу перешла к концу, чтобы узнать правду о гибели Харпер.

Слышу, как открывается дверь. Бегу по коридору в кабинет и смотрю в монитор.

Джереми стоит на пороге комнаты Верити и смотрит на нее. Мне видно их обоих.

– Верити.

Разумеется, она не отвечает. Он не должен знать об угрозе. А может, она притворяется, чтобы он не сдал ее полиции. В любом случае я чувствую: Джереми не покинет комнату, пока не получит ответа.

– Верити, – повторяет он, приближаясь к ней. – Если ты не ответишь, я позвоню в полицию.

Она не двигается. Он подходит к кровати, наклоняется и поднимает ей веко. Пристально смотрит и уходит обратно к двери. *Он мне не верит.*

Но потом он останавливается, словно задавшись вопросом. Вопросом о прочитанном. Поворачивается и снова подходит к ней.

– Сейчас я выйду отсюда и отвезу твою рукопись в полицию. Они заберут тебя, и ты больше никогда не увидишь меня и Крю, если не откроешь глаза и не расскажешь, что здесь происходит.

Проходит несколько секунд. Я жду, затаив дыхание. Надеюсь, что она осознается и Джереми увидит: я говорила правду.

Я ахаю, когда она открывает глаза. И закрываю рот рукой, чтобы не закричать. Я боюсь разбудить Крю, ему не следует такое видеть.

Джереми напрягается всем телом, обхватывает голову руками и начинает пятиться от кровати. Натывается на стену.

– Какого дьявола, Верити?

Верити неистово качает головой.

– У меня не было выбора, Джереми, – говорит она и садится в кровати. Она принимает защитную позу, словно боится его реакции.

Джереми все еще не может поверить, он смотрит на жену с яростью, недоумением и обидой.

– Все это время... Ты...

Он старается не кричать, но, кажется, вот-вот взорвется. Поворачивается и с яростью бьет кулаком в дверь. Верити вздрагивает.

Она поднимает руки.

– Прошу, не трогай меня. Я все объясню.

– Не *трогать*? – Джереми поворачивается к ней и делает шаг вперед. – Ты ее убила, Верити.

Теперь его голос слышно и без монитора. Но у Верити место на первом ряду. Она пытается спрыгнуть с постели и от него убежать, но он быстрее. Он хватает ее за ногу и затаскивает обратно на кровать. Она начинает кричать, но он зажимает ей рот.

Начинается борьба. Она пытается его пнуть. Он пытается удержать ее.

Его рука тянется к ее горлу.

Нет, Джереми.

Я бегу в комнату Верити и резко останавливаюсь в дверях. Джереми подмял ее под себя. Ее руки зажаты его коленями, ноги бьют по кровати, впиваясь в матрас. Она задыхается.

Она пытается бороться, но он сильнее.

– Джереми! – Я подбегаю к нему и пытаюсь оттащить. Я думаю лишь об их с Крю будущем, и что гнев не стоит жизни. *Его* жизни. – Джереми!

Он не слушает. И отказывается ее отпускать. Я пытаюсь заглянуть ему в глаза, успокоить его, вразумить.

– Остановись. Ты сломаешь ей трахею. Они поймут, что ты ее убил.

У него по щекам струятся слезы.

– Лоу, она убила нашу дочь.

Я обхватываю руками его лицо, пытаюсь прижать его к себе.

– Подумай о Крю, – тихо напоминаю я. – Твой сын может остаться без

отца.

Я вижу, как до него постепенно доходят мои слова. Он убирает руки с ее горла. Сгибаюсь пополам, хватая ртом воздух с не меньшей жадностью, чем Верити. Она пытается сделать вдох. Что-то сказать. Или закричать. Джереми закрывает ей рот и смотрит на меня. В его глазах мольба, но он не хочет, чтобы я звала на помощь. Он хочет, чтобы я посоветовала ему, как лучше ее прикончить.

Я даже не спорю. После содеянного ни единая клеточка ее тела не заслуживает жизни. Делаю шаг назад и пытаюсь сосредоточиться.

Если задушить ее руками, они поймут. На шее останутся отпечатки пальцев. Если использовать подушку, ее частички попадут в легкие. *Но мы должны что-то сделать.* Если Джереми не сделает, она сумеет выйти сухой из воды. И навредит ему или Крю. Убьет его, как убила свою дочь. Как пыталась убить Харпер в младенчестве.

Как пыталась убить Харпер в младенчестве.

– Нужно выдать все за несчастный случай, – тихо говорю я, но он слышит меня сквозь звуки, которые она издает под его ладонью. – Вызови у нее рвоту. Закрой нос и рот, пока она не перестанет дышать. Все будет выглядеть, будто она задохнулась во сне.

Глаза Джереми широко раскрыты, но я вижу в них понимание. Он убирает руки с ее рта и засовывает пальцы в ее горло. Я отворачиваюсь, не в силах смотреть.

Я слышу звуки рвоты, а потом она начинает задыхаться. Кажется, это продолжается вечно. *Вечно.*

Опускаюсь на пол, содрагаясь всем телом. Прижимаю ладони к ушам и пытаюсь не слушать последние вздохи Верити. Ее последние движения. Спустя какое-то время в комнате раздается дыхание лишь двоих людей.

Дышим только мы с Джереми.

– *Господи, господи, господи...*

Я шепчу это и не могу остановиться, начиная осознавать масштабы содеянного.

Джереми молчит. Я не хочу на нее смотреть, но должна убедиться, что все кончено.

Когда я поворачиваюсь к ней, она смотрит на меня. Только на этот раз я знаю – ее там нет, она не прячется за пустым взглядом.

Джереми стоит рядом с ней на коленях. Проверяет ее пульс и резко опускает голову. Потом садится на пол и прижимается спиной к кровати. Закрывает лицо руками. Но знаю, плачет ли он, но вполне пойму, если так. Он выяснил, что смерть его дочери не была случайностью. Что его жена –

женщина, которой он посвятил столько лет жизни – оказалась совсем другим человеком, чем он думал. Что все это время она им манипулировала.

Все его хорошие воспоминания о жене умерли сегодня вместе с ней. Ее признания разорвали его на части, и я понимаю, почему он сидит, согнувшись, и пытается осознать последний час собственной жизни. Последний час жизни *Верити*.

Закрываю рот рукой и начинаю плакать. Поверить не могу – я помогла ее убить. *Мы только что убили ее.*

Не могу оторвать от нее взгляда.

Джереми встает и берет меня на руки. Я закрываю глаза, пока он несет меня по коридору и спускается на первый этаж. Когда он опускает меня в кровать, мне хочется, чтобы он лег со мной. Обнял меня. Но он этого не делает. Он начинает метаться по комнате, качает головой и что-то бормочет.

Думаю, у нас шок. Я хочу его утешить, но боюсь говорить, двигаться и признавать, что происходящее реально.

– Черт, – ругается он. И повторяет, уже громче: – *Черт!*

Смотрит на меня и подходит к кровати. Поправляет дрожащей рукой мои волосы.

– Она умерла во сне, – тихо и твердо говорит он. – Да?

Я киваю.

– С утра... – он делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться. – С утра я позвоню в полицию и скажу, что обнаружил это, когда пришел ее будить. Все будет выглядеть, будто она задохнулась во сне.

Я упорно киваю. Джереми смотрит на меня с тревогой, сочувствием, извинением.

– Прости. Мне так жаль – он наклоняется и целует меня в лоб. – Скоро вернусь, Лоу. Нужно привести в порядок комнату. Спрятать рукопись.

Он опускается на колени и заглядывает мне в глаза, словно пытается убедиться, что я его поняла.

– Мы пошли спать как обычно. Оба, около полуночи. Я дал ей лекарства, а в семь утра, когда встал собирать Крю в школу, обнаружил ее в таком виде.

– Да.

– Верити умерла во сне, – повторяет он. – И больше мы никогда не будем это обсуждать. С этого момента... С этого самого момента.

– Хорошо, – шепчу я.

Он медленно выдыхает.

– Хорошо.

Он уходит, и я слышу, как он перемещается из комнаты в комнату – сначала идет к себе, потом к Крю, потом к Верити, потом в ванную.

В кабинет и потом на кухню.

Наконец он возвращается ко мне в кровать. Обнимает меня. Обнимает крепче, чем когда-либо. Мы не спим. Мы со страхом дожидаемся утра.

Семь месяцев спустя

Верити умерла во сне семь месяцев назад.

Крю перенес ее смерть тяжело. Как и Джереми – публично. Я уехала утром в день ее смерти и вернулась на Манхэттен. Джереми ждала непростая неделя, и если бы я осталась в доме после смерти его жены, все выглядело бы еще подозрительнее.

Мой набросок одобрили, как и два следующих. Я сдала первый черновик первого романа две недели назад. И попросила продлить сроки сдачи двух следующих книг. Непросто будет работать над ними с младенцем.

Она еще не родилась. Ждать осталось примерно два с половиной месяца. Но я уверена: с помощью Джереми я смогу справиться с любой работой. Он прекрасный отец для Крю, был прекрасным отцом для девочек, и не сомневаюсь – станет прекрасным отцом для моей малышки.

Конечно, мы были шокированы, хотя и не удивлены. Такое случается, когда забываешь об осторожности. Меня беспокоило, как воспримет новость Джереми – ведь он недавно потерял двоих детей и снова станет отцом. Но увидела его восторг и поняла: Верити ошибалась. Потеряв одного ребенка или даже двоих, человек не обязательно теряет всех. Скорбь Джереми по погибшим детям никак не связана с радостным ожиданием появления новой дочери.

Несмотря на все пережитое, он все равно остается лучшим мужчиной, что я знала. Терпеливый, внимательный и куда лучший любовник, чем Верити смогла описать. После ее смерти, когда мне пришлось вернуться на Манхэттен, Джереми звонил мне каждый день. Я провела там две недели, пока все не начало возвращаться в норму. Когда он попросил вернуться, я приехала в тот же вечер. И с тех пор мы не расставались. Мы оба понимали, что торопим события, но не могли друг без друга. Думаю, мое присутствие его успокаивало, и мы даже не обсуждали поспешность наших отношений. Обсуждать было нечего. Все происходило абсолютно естественно. Мы любили друг друга, а остальное было неважно.

Джереми решил продать дом вскоре после того, как я узнала о беременности. Он не хотел оставаться в городе, где жил с Верити. И,

честно говоря, я тоже не хотела оставаться в доме с такими ужасными воспоминаниями. Три месяца назад мы переехали в Северную Каролину. Получив аванс и страховку Верити, мы смогли сразу расплатиться за дом на побережье в Саутпорте. Каждый вечер мы сидим втроем на веранде нового дома и смотрим, как волны бьются о берег.

Теперь мы семья. Не совсем та, в которой родился Крю, но, думаю, Джереми рад, что у его сына есть я. А скоро Крю станет старшим братом.

Кажется, мальчик неплохо справляется. Мы водим его к психологу, и иногда Джереми переживает, что вреда от этого больше, чем пользы, но я убеждаю его, что терапия здорово помогла мне в детстве. Я думаю, дурные воспоминания быстро забудутся, если им на смену придет много хорошего.

Сегодня мы вернулись в их старый дом впервые за несколько месяцев. Жутковато, но необходимо. Я уже на довольно позднем сроке, и скоро не смогу далеко уезжать, поэтому мы решили разобраться с вещами. Джереми получил уже два предложения о покупке, и мы не хотим возвращаться сюда на последнем месяце беременности.

Сложнее всего разбирать кабинет. Возможно, там было что-то ценное, но мы с Джереми провели полдня, отправляя все в уничтожитель бумаги. Думаю, мы оба хотели проститься с этой частью жизни. Забыть ее.

– Ты как? – спрашивает Джереми. Он заходит в кабинет и кладет руку мне на живот.

– Хорошо, – с улыбкой отвечаю я. – Ты почти закончил?

– Ага. Еще несколько коробок на веранде, и готово.

Он целует меня, и в этот момент в дом вбегает Крю.

– Хватит бегать! – кричит Джереми ему вслед. Я поднимаюсь с рабочего кресла и везу его к выходу. Джереми поднимает одну из коробок, оставленных на крыльце, и несет к машине. Крю выбегает на улицу, но замирает и возвращается в дом.

– Чуть не забыл, – говорит он и спешит к лестнице. – Нужно забрать вещи из маминого пола.

Я смотрю, как он поднимается по ступеням в бывшую спальню Верити. Когда я заходила туда в последний раз, комната была пуста. Но вскоре Крю спускается вниз с листами бумаги в руках.

– Что это? – спрашиваю я.

– Картинки, которые я рисовал для мамы, – он пихает их мне в руки. – Я забыл, она хранила их в полу.

Крю снова выбегает на улицу. Я опускаю взгляд на рисунки. И ко мне возвращается знакомое чувство от пребывания в этом доме. *Страх*. В голове проносятся образы. Нож, который лежал на полу у Верити в

комнате. Как я видела ее в монитор, стоявшую на руках и коленях, словно она копалась в полу. И слова Крю.

Я забыл, она хранила их в полу.

Я бегу наверх. И хотя я знаю, что она мертва и ее здесь нет, по дороге в ее комнату меня все равно переполняет ужас. Я вижу на полу доску, которую Крю не смог нормально поставить на место после того, как вытащил рисунки. Сажусь на колени и поднимаю ее.

В полу дыра.

Внутри темно, я просовываю руку и обшариваю тайник. Вытаскиваю что-то маленькое. *Фотографию девочек. Что-то холодное. Нож.* Снова сую руку и нахожу конверт. Открываю его и вытаскиваю письмо.

Первая страница пуста. Задержав дыхание, я поднимаю ее и смотрю на вторую.

Письмо для Джереми, написанное от руки. Я со страхом начинаю читать.

Дорогой Джереми!

Надеюсь, это письмо найдешь именно ты. А если нет, надеюсь, оно до тебя как-нибудь дойдет, потому что мне нужно многое тебе сказать.

Начну с извинений. Уверена, к тому моменту, как ты будешь читать его, я исчезну посреди ночи с Крю. Мне больно думать, что я брошу тебя в доме, с которым у нас связано столько воспоминаний. У нас была такая прекрасная жизнь с детьми. Друг с другом. Но мы хроники. Следовало ожидать, что со смертью Харпер наша боль не закончится.

Столько лет я была для тебя идеальной женой, и никак не ожидала, что нас прикончит моя любимая карьера, которой я посвятила большую часть жизни.

Наша жизнь была идеальной, пока в день смерти Частин мы не провалились в другое измерение. Я изо всех сил старалась забыть момент, когда все пошло не так, но мой проклятый разум никогда не забывает ни единой детали.

Мы были на Манхэттене, ужинали с моим редактором, Амандой. На тебе был мой любимый серый свитер – твоя мама подарила его тебе на Рождество. Только вышел мой первый роман, и я подписала с «Пантемом» новый контракт на две книги. Я обсуждала с Амандой следующую книгу. Не знаю, слушал ли ты в тот момент наш разговор, но подозреваю, что нет, потому что ты никогда не любил писательскую болтовню.

Я жаловалась Аманде, что не могу решить, с какой точки зрения

писать новую книгу. Написать нечто принципиально иное? Или и дальше вести повествование от лица злодея, благодаря чему мой первый роман имел такой успех?

Она предложила продолжать в том же духе, но хотела сделать вторую книгу еще экстремальней. Я сказала, что мне будет сложно написать это правдоподобно, потому что в повседневной жизни у меня совершенно иной образ мыслей. Я беспокоилась, что мне не хватит мастерства на следующую книгу.

И тогда она посоветовала мне упражнение, которому научилась в университете – дневник антагониста.

Было бы здорово, если бы в этот момент ты обратил внимание на происходящее, но ты уткнулся в телефон, вероятно, читая электронную книгу другого автора. Ты поймал мой взгляд и поднял глаза, но я просто улыбнулась. Я не злилась. Я была рада, что ты со мной и терпеливо ждешь, пока я получаю советы от нового редактора. Ты сжал под столом мою ногу, и я вновь переключила внимание на Аманду, пока ты рисовал пальцем круги на моем колене. Мне не терпелось вернуться в отель, потому что это был наш первый совместный вечер без девочек, но совет Аманды тоже меня очень заинтересовал.

Она сказала, дневник антагониста – лучший способ улучшить мои навыки. Сказала, мне нужно войти в образ отрицательного персонажа, делая дневниковые записи о собственной жизни... О реальных событиях... Но записывать внутренний диалог, полностью противоположный моим истинным мыслям. Сказала начать с дня нашей с тобой встречи. Записать, что было на мне надето, о чем мы говорили в тот вечер, но сделать внутренний диалог мрачнее, чем на самом деле.

Задание казалось простым. Безвредным.

В качестве примера я переделаю только что написанный абзац.

Я смотрю на Джереми, надеясь, что он тоже слушает. Но нет. Он снова пялится в свой чертов телефон. Этот ужин для меня крайне важен. Я понимаю, Джереми такое не любит – модные рестораны и встречи на Манхэттене, – но ведь я нечасто его об этом прошу. Вместо этого он читает какую-то электронную книгу, не проявляя ни малейшего уважения к нашей беседе.

Он постоянно читает, но МОИ книги ему читать не нравится? Оскорбление в высшей форме.

Его дерзкое поведение раздражает меня, но раздражение

приходится скрывать. Если Аманда заметит его, то может заметить и неуважение Джереми.

Джереми поднимает взгляд, и я выдавливаю улыбку. Гнев можно оставить на потом. Снова переключаю внимание на Аманду, надеясь, что она не заметит поведение Джереми.

Через несколько секунд Джереми сжимает мою ногу, прямо над коленом, и я замираю. Большую часть времени мне это нравится. Но сейчас единственное, что мне нужно, – муж, который поддерживает мою карьеру.

Видишь, как легко писателю представить себя кем-то другим.

Как только мы вернулись с ужина, я схватила ноутбук и написала о вечере нашего знакомства. Я представила, что мое красное платье было украдено. Я представила, что пришла туда в надежде подцепить богатого мужчину, что было совершенно не так. Ты ведь должен меня знать, Джереми.

Сначала мне не слишком хорошо удавалась роль злодея, и поэтому я взяла в привычку записывать таким образом ключевые события нашей жизни. Я написала про вечер, когда ты сделал мне предложение, про вечер, когда я узнала, что беременна, про день, когда я родила девочек. Каждый раз, когда я писала о новом событии, мне все лучше удавалось войти в роль злодея. Это было увлекательно.

И это помогло.

Невероятно помогло, и именно поэтому мне удавалось создавать в романах такие правдоподобные, ужасающие персонажи. Именно поэтому мои книги хорошо продавались.

К тому времени, как я закончила третий роман, я почувствовала, что отточила навык умения писать с чужой точки зрения. Упражнения настолько мне помогли, что я решила объединить все дневниковые записи в автобиографию, которая могла бы послужить пособием для других писателей. Нужно было объединить главы общей сюжетной линией, и я довела каждую сцену до крайности, чтобы сделать ее еще более отталкивающей. Неприятной.

Я не жалею, что написала ее, потому что хотела лишь одного – помочь другим, но жалею, что написала о гибели Харпер всего через несколько дней после случившегося. Я была не в лучшем состоянии и знала лишь один способ себе помочь – выплеснуть всю боль на клавиатуру. Таково было мое лечение, и неважно, насколько тяжело тебе это понять.

К тому же я не думала, что ты станешь это читать. Кроме первой

рукописи, ты никогда ничего не читал.

Так почему... Ты решил прочитать именно это?

Я не предполагала, что кто-то станет читать эту автобиографию и поверит в написанное. Это просто упражнение. И все. Способ справиться с черной тоской, которая съедала меня изнутри, но уменьшалась с каждым ударом по клавиатуре. Я создала в автобиографии вымышленного злодея и свалила на него всю вину.

Знаю, тебе тяжело читать это письмо, но точно не тяжелее, чем было читать рукопись в ночь, когда ты ее нашел. И если мы когда-нибудь захотим простить друг друга, продолжай читать дальше, чтобы узнать о той ночи всю правду.

В тот день, когда я повела Харпер и Крю на озеро, я пыталась их порадовать. С утра ты заметил, что я перестала с ними играть, и был прав. Я слишком скучала по Частин, но у меня оставалось двое прекрасных детей, и я была им нужна. А Харпер очень хотела пойти к воде. Именно поэтому она с плачем убежала вверх – потому что я ей отказала. Я никогда не бранила ее за недостаток эмоций, как сказано в рукописи. Это было художественное допущение, чтобы оживить сюжет. Очень обидно, что ты поверил, будто я способна сказать такое нашему ребенку. Очень обидно, что ты вообще поверил этой рукописи – или что я способна навредить девочкам.

Смерть Харпер была случайностью. Случайностью, Джереми. Они захотели покататься на лодке, в тот день было так красиво. И да, я должна была надеть на них жилеты, я понимаю. Но сколько раз мы катались на лодке без жилетов? Там не так глубоко. Я не подозревала, что под водой может оказаться сеть. Если бы не чертова сеть, я бы нашла ее, помогла ей добраться до берега, и мы все бы смеялись над историей о перевернутой лодке.

Словами не передать, насколько я сожалею, что не поступила в тот день как-то иначе. Если бы можно было повернуть время вспять, я бы все изменила, и ты это знаешь.

Когда ты приехал, вытащил ее из воды и прижал к себе, мне хотелось вырвать из груди сердце и скормить тебе – потому что я знала, своего ты лишился. Увидев твои страдания, я расхотела жить. Господи, Джереми. Потерять их обеих. Обеих.

Я заметила, как через несколько ночей после смерти Харпер в тебе зародились подозрения. Мы лежали в кровати, когда ты начал задавать мне вопросы. Я поверить не могла, что ты подозреваешь меня в подобном умысле. И даже если мысль была мимолетной, я видела, как любовь ко мне

покидает твоё тело и улечивается, не оставляя следов. Все наше прошлое... Все прекрасные моменты. Не осталось ничего.

Потому что – да, я сказала Крю задержать дыхание. Я сказала ему задержать дыхание, когда начала переворачиваться лодка. Я пыталась ему помочь. Я подумала, Харпер выберется, ведь мы уже много раз играли в озере, и сосредоточилась на Крю. Я схватила его, но он запаниковал, и я пыталась как можно скорее добраться до причала, пока мы не утонули оба. Прошло меньше тридцати секунд, когда я поняла, что Харпер сзади нет.

До сих пор я не могу себя простить. Я была её матерью. Её защитником. Я подумала, что она справится, и удела Крю лишние тридцать секунд. Я сразу попыталась вернуться и найти её, но лодка сдвинулась с места. Я даже не понимала, где она ушла под воду, и Крю по-прежнему пугал меня – он впал в панику. Я поняла, что если немедленно не оттащу его к берегу, мы утонем вдвоем.

Я искала её до последнего, Джереми. Поверь. Я утонула в том озере вместе с ней.

Я не виню тебя за твои подозрения. Возможно, я бы тоже рассмотрела каждый возможный сценарий, если бы мы поменялись ролями, и Харпер утонула в твоём присутствии. Это естественно, допускать самое худшее, пусть и на долю секунды.

Я думала, наутро после нашего разговора ты проснешься и сам поймешь, насколько нелепым было твоё непрямо обвинение. Я даже не пыталась переубедить тебя: меня переполняла скорбь, и мне было все равно. Я не хотела спорить. Наша дочь погибла всего несколько дней назад, и я искренне желала смерти. Выйти на озеро и присоединиться к ней, потому что она умерла по моей вине. Да, это был несчастный случай. Но если бы я заставила её надеть жилет, если бы смогла подхватить их вдвоем, она была бы ещё жива.

Я не могла заснуть, а потому пошла в кабинет и впервые за полгода открыла ноутбук.

Только представь. Мать, горящая из-за потери обеих дочерей, пишет вымышленную историю, где обвиняет одну в смерти другой.

Хуже, чем отвратительно. Я понимала это и плакала все время, пока печатала. Но я надеялась, что если я обвиню во всех бедах вымышленного злодея, мне каким-то образом станет легче.

Я написала про смерть Частин. Я написала про смерть Харпер. Я даже вернулась к началу рукописи и добавила мрачных красок, чтобы произведение соответствовало нашей новой угрюмой действительности.

И в некотором смысле мне действительно стало немного легче, когда я обвинила вымышленную версию себя.

Я не могу объяснить тебе, как работает разум писателя, Джереми. Особенно писателя, на чью долю выпало больше горя, чем на долю многих других писателей, вместе взятых. Мы способны разделять реальность и вымысел, словно живем в двух мирах, но никогда не в обоих мирах одновременно. Мой реальный мир стал таким ужасным, что в ту ночь я не захотела там оставаться. Поэтому я убежала и до утра писала о еще более ужасном мире. Потому что когда я работала над той автобиографией, я каждый раз испытывала облегчение, закрывая ноутбук. Испытывала облегчение, выходя из кабинета и оставляя за дверью созданное мною зло.

Вот и все. Мне нужно было создать воображаемый мир, еще более страшный, чем реальный. Иначе мне бы захотелось покинуть оба.

Проработав над рукописью всю ночь и все утро, я наконец добралась до последней страницы. Я чувствовала – произведение окончено. Добавить было нечего. И казалось, наш мир тоже подошел к финалу. Конец.

Я распечатала автобиографию и убрала в коробку, решив, что однажды к ней вернусь. Возможно, добавлю эпилог. Возможно, сожгу. В любом случае, я никак не ожидала, что ты ее прочитаешь. Что ты в нее поверишь.

Проведя всю ночь за ноутбуком, я проспала большую часть дня. И когда наконец проснулась, никак не могла найти тебя. Крю уже спал, но тебя наверху не было. Я стояла посреди коридора и гадала, куда ты запропастился, когда услышала звук из кабинета.

Звук исходил от тебя. Не знаю точно, как охарактеризовать этот звук, но он был хуже, чем в дни смерти обеих девочек. Я поспешила в кабинет тебя утешить, но остановилась перед закрытой дверью, потому что в твоих криках слышалась ярость. Что-то ударилось об стену. Я отскочила, не понимая, что происходит.

И тогда я вспомнила про ноутбук. Автобиография была последним открытым документом.

Я распахнула дверь, чтобы объяснить тебе, что ты прочитал. Я никогда не забуду твой взгляд, когда ты стоял и смотрел на меня через комнату. Полное, абсолютное... Страдание.

Не печаль человека, только что узнавшего о гибели своего ребенка. А абсолютное страдание, словно все счастливые воспоминания о нас и нашей семье стирались с каждым новым словом прочитанной тобой рукописи. Они исчезли. И в тебе остались лишь ненависть и разрушение.

Я покачала головой, пытаюсь заговорить. Я хотела сказать: «Нет. Джереми, это неправда. Все в порядке, это неправда». Но смогла выдать лишь испуганное и жалкое «нет».

Через мгновение ты уже тащил меня за горло в спальню. Я ничего не могла сделать, ты зажал мне коленями руки и еще сильнее сдавил горло.

Будь у меня хоть пять секунд. Хоть пять секунд, чтобы объясниться, и я могла бы нас спасти. Я пыталась сказать: «Просто позволь мне объяснить», но не могла дышать.

Не знаю точно, что произошло потом. Я знаю, что отключилась. Возможно, ты испугался, поняв, что чуть меня не убил. Если бы я умерла на той кровати, тебя бы арестовали за убийство. Крю остался бы без отца.

Очнулась я на пассажирском сиденье своего «Рендж-Ровера», ты сидел за рулем. Мой рот был заклеен скотчем, а руки и ноги связаны. Я опять хотела просто объяснить, что ты прочитал неправду – но не могла говорить. Я опустила взгляд и увидела, что не пристегнута. И сразу поняла, какие у тебя планы.

У меня в рукописи было одно предложение – что мне следовало отключить подушки безопасности и въехать в дерево с пристегнутой Харпер, чтобы ее смерть казалась случайностью.

Ты собирался убить меня и выдать все за несчастный случай. Сама того не зная, я описала собственную гибель в двух последних предложениях рукописи. «Так тому и быть. Я просто въеду в дерево».

И тогда я поняла: если тебя заподозрят в убийстве, будет достаточно предоставить рукопись. В случае моей смерти она послужит отличной предсмертной запиской.

Разумеется, мы оба знаем, чем закончилась эта часть истории. Ты развязал мне руки и ноги, посадил меня на водительское сиденье и отправился домой, ждать полицию с сообщением о моей смерти.

Но твой план дал осечку. Не уверена, что испытываю по этому поводу облегчение. Пожалуй, если бы я погибла в той аварии, всем было бы проще – ведь притворяться больной невероятно трудно. Уверена, тебе интересно, зачем я так долго тебя обманывала.

Я почти не помню первый месяц после гибели Харпер. Видимо, меня погрузили в медицинскую кому из-за отека мозга. Но я прекрасно помню день, когда я очнулась. Слава богу, в палате никого не было, и я успела обдумать свои дальнейшие действия.

Как объяснить тебе, что все прочитанные тобой ужасные слова – ложь? Ты не поверишь, ведь я сама написала ту рукопись. Это мои слова, и

неважно, насколько они неправдивы. Кто вообще поверит, что это ложь? Уж точно не тот, кто не понимает писательского процесса. Узнав, что я пришла в себя, ты сдашь меня полиции, если еще этого не сделал. Уверена, они стали бы расследовать гибель Харпер, если бы я не попала в аварию. И меня точно обвинили бы в убийстве, ведь против меня бы выступали мой муж и собственные слова.

Три дня я делала вид, что по-прежнему в коме, когда кто-нибудь заходил в палату. Врачи, медсестры, ты, Крю. Но однажды ты застал меня с открытыми глазами. Ты посмотрел на меня, а я на тебя. Я увидела, как сжались твои кулаки, словно ты разозлился, что я проснулась. Словно хотел подойти и снова сжать пальцами мою шею.

Ты сделал ко мне несколько шагов, но я решила не следить за тобой взглядом, испугавшись твоей ярости. Если я сделаю вид, будто ничего не осознаю, возможно, ты не попытаешься снова меня убить. Возможно, не сообщишь в полицию о моем выздоровлении.

Я продолжала притворяться неделю за неделей – это казалось единственным шансом на выживание. Я планировала изображать повреждения мозга, пока не разберусь, как исправить ситуацию.

Не думай, будто мне было легко. Порой это становилось унижительно. Я хотела сдаться. Убить себя. Убить тебя. Меня ужасно злил подобный финал – и что после стольких лет брака ты мог хоть на секунду поверить в правдивость рукописи. Ну серьезно, Джереми. Мужчины действительно верят, что женщины так одержимы сексом? Это выдумка! Разумеется, мне очень нравилось заниматься с тобой любовью, но чаще всего я делала это ради твоего удовольствия. А не потому, что позарез нуждалась в этом сама.

Ты был хорошим мужем, а я – что бы ты ни думал – хорошей женой. И ты по-прежнему хороший муж. Ты считаешь меня убийцей нашей дочери, но продолжаешь обо мне заботиться. Возможно, ты думаешь, что меня больше здесь нет – что все зло погибло в той аварии, и теперь меня остается только жалеть. И, наверное, ты привез меня домой ради Крю, ведь ему пришлось столько пережить. Ты понимал – после потери обеих сестер полное расставание с матерью травмирует его еще сильнее.

Несмотря на изложенное в рукописи, именно любовь к нашим детям я всегда ценила в тебе сильнее всего.

За последние месяцы несколько раз мне очень хотелось сказать тебе: я здесь. Это я. Я в порядке. Но это было бы бесполезно. Две попытки убийства не могут пройти бесследно, Джереми. И я знаю: если ты поймешь, что я притворяюсь, прежде, чем я успею сбежать, третья

попытка станет успешной.

Я не тешу себя ложными надеждами, будто сумею постепенно переубедить тебя и доказать, как ты ошибался. Ты больше никогда не сможешь мне полностью доверять.

Я делаю все только ради Крю. Я думаю лишь о моем мальчике. С того момента, как я очнулась в больнице, все было только ради него. Мне совершенно не хочется его у тебя забирать, но выбора нет. Он мой ребенок и должен быть со мной. Только он знает, что я по-прежнему здесь – что у меня есть мысли, голос и план. С ним я могу расслабиться, ведь ему всего пять. Даже если он тебе что-нибудь расскажет, ты спишешь все на бурное воображение или даже на травму.

Именно ради него я так упорно разыскиваю ту рукопись. Ведь если ты найдешь нас после побега, то попытаешься использовать ее против меня. Заставить его поверить в нее тоже.

В первую ночь, когда ты привез меня домой, я прокралась в кабинет, чтобы удалить ее с ноутбука, но ты уже это сделал. Я попыталась найти распечатку, но не могла вспомнить, куда ее дела. После аварии у меня провалы в памяти. Но я знала, что должна избавиться и от распечатанного экземпляра.

Я искала везде, где возможно, и как можно тише. В кабинете, в подвале, на чердаке. Даже несколько раз обыскивала спальню, пока ты спал на кровати. Я просто не могла уехать с Крю, не уничтожив улику, которую ты используешь против меня.

Еще нужно было раздобыть денег – ведь в банк я поехать не могла.

Услышав твой разговор с «Пантем Пресс» об их прекрасной задумке продолжить серию с новым автором, я поняла: это мой шанс.

Когда ты нанял круглосуточную сиделку и уехал на Манхэттен с ними встречаться, я прокралась в кабинет и открыла по интернету новый счет.

Через несколько дней после встречи к нам приехал мой новый соавтор, чтобы начать работу над циклом. Каким-то образом ей удалось найти распечатанный экземпляр рукописи, который я искала. Уверена, когда ты удалял файл, то думал, что избавишься от него окончательно. Но нет. Теперь вас двое против меня одной. И мне уже даже плевать на рукопись. Я просто хочу отсюда выбраться.

Должна признать, я сама пробудила в ней подозрения. Знаю, она пугается до жути, когда ловит мой взгляд, но ты не можешь меня винить. Эта женщина вошла в твою жизнь, отнимает мою карьеру и в тебя влюблена. И судя по всему, ты тоже в нее влюблен.

Несколько часов назад я слышала, как ты трахал ее в нашей спальне. И чувствую боль и гнев – в равной степени. Но зато ты настолько ею увлечен, что я могу написать это письмо. Я заперла дверь нашей спальни, чтобы услышать, когда ты захочешь выйти. Тогда у меня будет достаточно времени, и я успею спрятать письмо и лечь на место, прежде чем ты поднимешься наверх.

Было тяжело, Джереми. Правда. Знать, что ты поверил моим словам, а не поступкам за все время нашего брака. Знать, что мне приходится идти на подобный обман, избегая обвинения в чудовищном преступлении. Знать, что ты влюбляешься в другую женщину, пока я день за днем притворяюсь, будто не осознаю, во что превратилась наша жизнь.

Но я не сдаюсь и уверена – я выберусь отсюда, как только деньги поступят на счет. И потому я пишу тебе эту записку.

Может, ты найдешь ее, может, нет.

Надеюсь, найдешь. Правда надеюсь.

Потому что даже после того, как ты пытался задушить меня и ударил мою машину об дерево, я не могу тебя ненавидеть. Ты всегда яростно защищал наших детей, и именно так должен поступать родитель. Даже если это означает уничтожение другого родителя, ставшего угрозой. Ты искренне верил, будто я опасна для Крю, и хотя меня убивает, что ты мог в такое поверить, меня восхищает сила твоей любви.

Когда мы с Крю наконец отсюда выберемся, однажды я позвоню тебе и скажу, где найти это письмо. Когда ты его прочтешь, надеюсь, ты найдешь в себе силы простить меня. Надеюсь, ты найдешь в себе силы простить себя.

Я ни в чем тебя не виню. Ты был прекрасным мужем, пока мог. И ты лучший на свете отец. Бесспорно.

Люблю тебя. До сих пор.

Верити

Я бросаю письмо на пол.

И хватаюсь за живот из-за пронзительной боли.

Она этого не делала?

Я не хочу верить в прочитанное. Я хочу верить, что Верити бессердечна и заслуживает содеянного нами, но уже не уверена.

О боже. Вдруг это правда? Эта женщина потеряла дочерей, потом ее пытался убить муж, а потом... Мы убили ее.

Я смотрю на письмо как на оружие, таящее силу, способную уничтожить жизнь, которую я недавно построила с Джереми.

В голове роится столько мыслей, что я прижимаю ладони к вискам. *Так Джереми уже знал про рукопись?*

Он действительно читал ее раньше? Он обманул меня?

Нет. Он вовсе не отрицал, что знал про ее существование. И насколько я помню, спросил: «Где ты это нашла?»

Нужно слишком многое переосмыслить. Я не могу сразу осознать все сказанное ею и все произошедшее. Смотрю на письмо так долго, что забываю, где я и что Джереми внизу с Крю и может в любую минуту за мной прийти.

Наклоняюсь вперед и беру страницы с письмом. Сую нож и фотографию обратно под пол и закрываю дыру доской. Отношу письмо в ванную и запираю за собой дверь. Сажусь перед туалетом и начинаю рвать каждую страницу на маленькие кусочки. Смываю часть бумаги в унитаз и съедаю все кусочки с именем Джереми, что мне попадают. Я должна убедиться, что никто никогда не прочтет ни слова.

Джереми никогда себя не простит. *Никогда.* Если он узнает, что рукопись – ложь и Верити ничего не сделала Харпер, он не переживет подобной правды. Правды, что он убил невинную жену. Что *мы* убили его невинную жену.

Если это вообще правда.

– Лоуэн?

Я смываю остатки письма в унитаз. На всякий случай нажимаю на кнопку еще раз, и в дверь стучит Джереми.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

Я включаю воду и пытаюсь успокоиться.

– Да.

Мою руки и делаю глоток воды – во рту пересохло. Смотрюсь в зеркало и узнаю ужас в собственных глазах. Закрываю их, пытаюсь прогнать прочь. Прогнать все. Все ужасные вещи, пережитые мною за тридцать два года.

Ночь, когда я стояла на перилах.

День, когда я увидела, как мужчину раздавило колесо.

Рукопись.

Ночь, когда я увидела на лестнице Верити.

Ночь, когда она умерла во сне.

Я прогоняю все это. Проглатываю, как проглотила ее письмо.

Выдыхаю, открываю дверь и улыбаюсь Джереми. Он протягивает руку и гладит меня по щеке.

– Все нормально?

Я проглатываю страх, вину, печаль. Прикрываю убедительным кивком.

– Хорошо.

Джереми улыбается.

– Хорошо, – тихо вторит он, переплетая свои пальцы с моими. – Давай уйдем отсюда и больше никогда не будем возвращаться.

Он не отпускает моей руки, пока мы не выходим из дома и не приближаемся к джипу. Открывает передо мной дверь и помогает сесть. Когда мы уезжаем, я наблюдаю в зеркало заднего вида, как дом постепенно уменьшается и наконец исчезает.

Джереми протягивает руку к моему животу.

– Еще десять недель.

Его глаза светятся от счастья. Даже после всего, что он пережил, и это моя заслуга. Я принесла в его тьму свет и буду светить дальше, чтобы он никогда не потерялся в тенях прошлого.

Он никогда не узнает того, что известно мне. Я позабочусь об этом. И унесу секрет с собой в могилу, чтобы избавить от этого Джереми.

Я не знаю, чему верить, так зачем обрекать его на лишние муки? Верити могла написать то письмо, просто чтобы замести следы. Это могла быть очередная уловка, очередная попытка манипуляции ситуацией и окружающими.

И даже если Джереми действительно подстроил ту аварию, я не могу его винить. Он верил, что Верити жестоко убила его ребенка. Я даже не могу винить его за то, что произошло, когда он узнал о ее притворстве. На его месте так поступил бы любой родитель. *Должен* был поступить. Мы оба искренне верили, что она представляет угрозу для Крю. Для нас.

Как ни посмотри, несомненно одно – Верити умела мастерски

манипулировать правдой. И остается единственный вопрос: какой именно правдой?

Конец

Благодарности

Спасибо, что дали шанс этой книге. Она совсем не похожа на эмоциональные любовные романы, которые я обычно пишу, и я очень ценю, что вы прошли со мной этот путь.

Большинство моих книг публикуется в «Атрия Букс», подразделении «Саймон и Шустер». Я очень ценю все, что они сделали для моих книг в прошлом и сделают в будущем.

Но «Верити» – независимый личный проект, я решилась на него и осуществила его самостоятельно, и очень благодарна «Атрия Букс» за такую возможность.

Понадобилось время, чтобы осуществить весь процесс без заботливых рук издателя, и мне нужно поблагодарить очень многих людей. Заранее спасибо за терпение.

1) Моей маме. Всегда. С каждой написанной книгой мне все труднее получать такое же удовольствие, как от самой первой работы. Но маме всегда неизменно удастся его вернуть. Она заставляет меня верить, что мой заурядный разум – необыкновенен. Заставляет меня думать, что в данный момент я пишу свою лучшую книгу, хотя говорит так про каждую. Иногда я звоню ей посреди ночи и прошу: «Пожалуйста, прочитай эту главу!» И она читает. Или хотя бы делает вид. В любом случае это помогает мне двигаться вперед, и это единственная причина, почему мне удастся закончить романы. Спасибо, мама. Благодаря твоей вере в меня я сама хочу в себя верить.

2) Моей любимой группе в «Фейсбуке», «Colleen Hoover's CoHorts». Нас уже почти пятьдесят тысяч, и все равно общение остается очень душевным. Когда у кого-то неудачный день, вы его утешаете. Когда кто-то не может позволить себе книгу, вы ему помогаете. Когда у кого-то есть повод для радости, вы радуетесь вместе с ним. Эта группа наполнена абсолютной любовью и поддержкой, и я буду стоять за нее до конца. У нас нет места негативу и кретинам. Но много места для новых читателей, если вы решите нас навестить. Я ЛЮБЛЮ ВАС, ДРУЗЬЯ!

3) Лорен Левин. Моя вечная благодарность, что ты стал частью команды, воплотившей «Признайся» в жизнь. И хотя наблюдать, как одна из моих книг оживает на телеэкране, было потрясающим опытом, это не сравнится с нашей дружбой. Твоя поддержка неоценима. Когда-нибудь я верну долг.

4) Таррин Фишер. Даже не знаю, с чего начать. Мне очень везет с поддержкой окружающих, но не уверена, что кто-то желает мне успеха столь же горячо, как ты. Ты умеешь радоваться за других, как никто. И ты мой ближайший друг.

5) Рин Рейнольдс. Ты – моя любимая сестренка.

6) Мерфи Феннелл. Ты тоже моя любимая сестренка.

7) Моей бабушке, Вэнной Джентлз. Ты слишком милая, чтобы читать подобные книги. Именно поэтому я подарю тебе первый же экземпляр.

8) Тем, кто появился в моей жизни благодаря книге, но останется там и без нее. Челль Лагоски Норзкатт, Кристин Филипс Делькамбр, Памела Каррион, Лори Дартер, Кей Майлз, Марион Арчер, Дженн Бенандо, Карен Лоусон, Вильма Гонзалес, Сьюзан Гилберт Россман, Тасара Вега, Аньянетта Герреро, Мария Блалок, Талон Смит, Мелинда Найт и еще около двухсот человек, СПАСИБО, что всегда соглашались обсуждать абзацы моих книг, главы и целые романы. Вы все мне очень помогли. Я люблю каждого из вас.

9) Эл Джеймс. Твоя успешная карьера впечатляет меня куда меньше, чем твоя душа. У тебя много прекрасных черт, но больше всего меня впечатляют твои любовь и внимание к читателям. Ты – прекрасный пример для всех писателей.

10) Ким Холден. Просто хочу поблагодарить тебя, что ты есть. Не останавливайся. #DoEpic.

11) Каролайн Кепнес. Однажды, много лет назад, я написала половину романа от второго лица, но потом издатель сказал мне, что у одного из их авторов уже выходит книга от второго лица, и возможно, мне стоит пересмотреть концепцию. Я тебя не знала. И ругалась на тебя, ведь мне пришлось переписать половину книги. Когда издатель отправил мне твою книгу для прочтения, я стала ругаться еще сильнее, потому что она была великолепна. А потом мы каким-то образом стали друзьями после того, как я прислала тебе сообщение, в котором грозила тебя убить. Пожалуй, моя дружба с тобой началась самым странным образом из всех. И поэтому она идеальна. Я так благодарна, что ты есть в моей жизни. Даже хотя немного опасаюсь твоего воображения. И поздравляю с новым феноменальным телесериалом. Когда «YOU» попадет на «Нетфликс», он станет еще популярнее. Я так за тебя рада.

12) Шанне Кроуфорд и Сьюзен Гилберт Россман, вы невообразимо облегчили мне жизнь. Спасибо за преданную работу над проектами Book Bonanza и The Bookworm Box. Никто бы не справился так, как вы. Спасибо, спасибо, спасибо.

13) Джоанне Кастилло. Мы провели вместе почти семь прекрасных лет. Мне страшно жаль, что ты больше не мой редактор, но я очень рада твоим новым приключениям. Одно останется неизменным – наша дружба. Скучаю и с нетерпением жду, куда тебя приведет новое путешествие!

14) Джейн Дистел. В самом начале карьеры я оказалась в незнакомых водах и не имела ни малейшего понятия об этом бизнесе. Прошло семь лет, а я ПО-ПРЕЖНЕМУ в незнакомых водах и не имею ни малейшего понятия об этом бизнесе. Но когда ты рядом, мне не о чем беспокоиться. Спасибо, что берешь на себя все сложности, с которыми я не хочу иметь дела, и разбираешься с ними на раз-два. Моя благодарность не знает границ.

15) Лорен Абрамо. Ты просто машина. Надеюсь, на праздники ты возьмешь неделю выходных и отключишь телефон. Ты самый целеустремленный и организованный человек из всех, кого я знаю. И твоё терпение к моей неорганизованности бесконечно. Спасибо тебе за все!

16) Элисса Даун. Спасибо, что оживила Оуэна и Оберн в «Признайся». Ты удивительный режиссер и не менее удивительный человек. Было здорово с тобой поработать, надеюсь, однажды это случится вновь.

17) Брук Ховард. Я просто люблю тебя. За все. Спасибо.

18) Джой и Холли Николс. Люблю вас обеих. Я так рада, что вы появились в моей жизни.

19) Стефани Коэн. Я обязана тебе всем. Буквально. Ты потрясающая, и я так рада, что наши пути пересеклись. Не представляю свою жизнь без тебя. Не представляю без тебя даже свою карьеру. Мы все должны стремиться быть похожими на тебя, я серьезно. Знаю, у меня непростая жизнь, потому что я сама же ее себе значительно усложнила. Но благодаря тебе мне не приходится себя переделывать. Спасибо за это.

20) Эрика Рамирез и Бренда Перез. Две сестры, и два самых очаровательных человека, которых я знаю. Очень вас ценю – мне здорово повезло, что вы есть в моей жизни.

21) Книжный клуб. Знаю, я ужасный член книжного клуба, но спасибо всем вам огромное, что каждый месяц у нас есть вечер, чтобы просто расслабиться, обсудить книги и поесть пироги. Это мой самый любимый вечер.

22) Мелинда Найт. Как же я благодарна тебе и твоей семье. Спасибо вам большое за ваше участие в благотворительности. Я счастлива, что Кейл и Эмма есть друг у друга. Переезжайте уже в Хопкинс.

23) Тиффани ДеБартоло. Спасибо тебе за книги и безупречный музыкальный вкус. Когда мне в жизни не хватает хорошего искусства, я иду к тебе.

24) Ким Джонс. Спасибо тебе за... Ну... Возможно, я вспомню, когда буду писать благодарности к следующей книге.

25) Соушл Баттерфляй, Мерфи Рей, Мэрион Мейкинг Манускриптс, Карен Лоусон, Элани Йорк. Спасибо вам за редактирование, маркетинг, дизайн обложки, форматирование и работу над этой книгой.

26) Шеннон О'Нейлл. Спасибо тебе за все, что ты сделала для The Bookworm Vox и сообщества книголюбов в целом. В этой индустрии ты сияешь, как звезда.

27) К. А. Такер. Я по-прежнему хочу написать с тобой книгу, так что благодарю заранее за согласие.

28) Толли Коул. Знаю, мы не слишком близко знакомы, но просто хочу поблагодарить тебя за твои истории в инстаграме. Слушать тебя – настоящая терапия. Так что можешь выставить мне счет за все визиты к психологу, на которых я сэкономила благодаря твоим историям.

29) Дженн Стерлинг. Мне нужны новые открытки для компьютера, Дженн. Вперед. Я скучаю по твоему лицу. И так рада видеть тебя счастливой.

30) Эбби Глайнз. Спасибо тебе за все, что ты сделала для меня в этом году. Знаю, тебе непросто было расставаться с твоей чудесной семьей, но я буду вечно благодарна тебе за твою дружбу и подаренное мне время. Ты звезда.

31) Ариэль Фредман Стюарт. Спасибо, что позволила похитить у тебя имя. Нельзя выбирать такие прекрасные имена и таких ужасных друзей. Люблю тебя.

32) Катрин Перез. То, как ты преодолела прошлый год своей жизни – вдохновляет. Спасибо тебе за то, кто ты есть, что ты всегда рядом, и за твой неизменный оптимизм в порой таком непростом мире.

33) Биби Истон. Передашь от меня привет Кену?

34) Дине Сильвер. У тебя дурацкая кошка.

35) Кендалл Райан. Спасибо, что находила для меня время, несмотря на свой напряженный график. Я очень это ценю!

36) Леви, Кейлу и Бекхему. Я вас очень люблю. И горжусь вами каждый день. Пожалуйста, не читайте эту книгу.

37) Хиту Гуверу. Тебе тоже нельзя читать эту книгу. Я люблю тебя и хочу сохранить наш брак.

38) Спасибо блогерам. То, как вы трудитесь над своей карьерой, просто из любви к книгам – вдохновляет. Простите за столь неряшливую предварительную версию этой книги. Вот что бывает, когда заканчиваешь ее за четыре дня до выпуска. В следующий раз я исправлюсь, обещаю.

Спасибо вам за ВСЕ.

39) Всем, кто читает эти благодарности. Неважно, понравилась вам книга или наоборот – главное, что вы прочитали ее. Спасибо за это. И теперь, закончив эту, переходите к следующей.

40) Вансу Файту, мужчине, который растил меня с четырех лет. Ты всегда был и будешь моим вдохновением. Я скучаю. Все мы.

«При всем обмане, тяжелом труде и разбитых мечтах, мир все равно прекрасен». Макс Эрманн. *Desiderata*.

notes

Примечания

Ксанакс (алпразолам) – успокоительное лекарственное средство, которое используется для лечения тревожности, неврозов и панических атак (*прим. пер.*).

Препарат предназначен для экстренной помощи при возникновении внезапных опасных для жизни аллергических реакций (анафилактического шока).

«Колесо Фортуны» – популярная американская телеигра. Аналог в России – «Поле чудес».

Крю (crew, *англ.*) – судовая команда, экипаж судна.